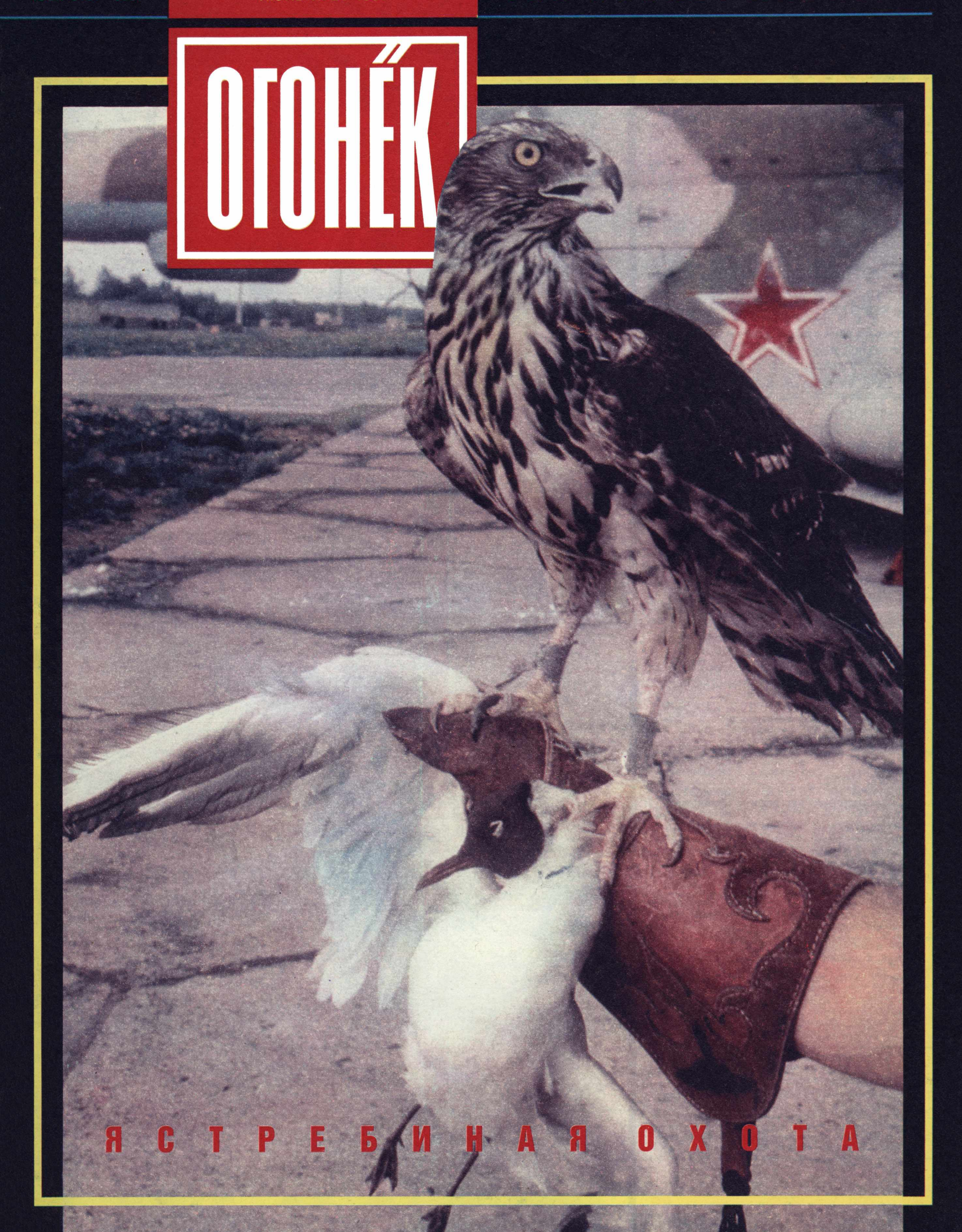
ISSN 0131—0097
ИЮНЬ № 24 1991
THE WEEKLY MAGAZINE

ОГОНЁК

ЯСТРЕБИНАЯ ОХОТА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Выходит с 1 апреля 1923 года
УЧРЕДИТЕЛЬ —
ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ
РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

№ 24 (3334)
8 — 15 июня

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Плакат Г. БИТЮЦКОГО

Оформление Н. П. КАЛУГИНА
при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ.

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ.
Цена подписки на год — 46 руб. 80 коп., на полгода — 23 руб. 40 коп., на квартал — 11 руб. 70 коп.
Цена одного номера в розницу — 1 рубль.

Сдано в набор 20.05.91. Подписано к печати 04.06.91. Формат 70×108 1/8. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 1 790 000 экз. Заказ № 502. Цена 1 рубль.

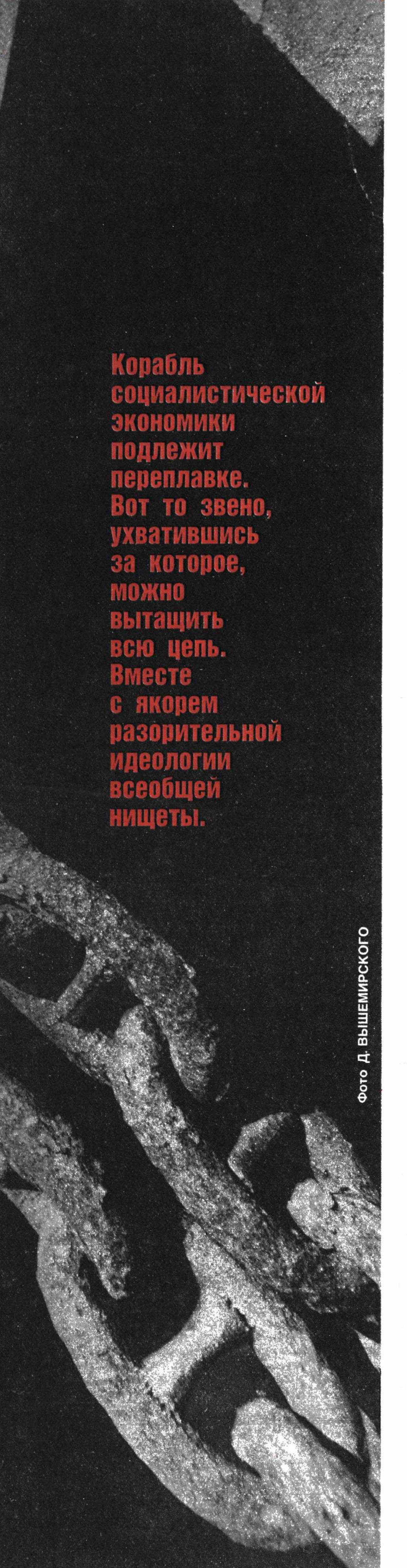
Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 251-90-55; Справки по рекламе — 212-12-00.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Издательство ЦК КПСС «Правда». Типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Фото Д. ВЫШЕМИРСКОГО

Иван СИЛАЕВ:

«ПЕРВЫЙ ТАЙМ МЫ УЖЕ ОТЫГРАЛИ»

Корабль социалистической экономики подлежит переплавке. Вот то звено, ухватившись за которое, можно вытащить всю цепь. Вместе с якорем разорительной идеологии всеобщей нищеты.

С Председателем Совета Министров РСФСР беседует корреспондент «Огонька» Ирина ЖУРАВСКАЯ.

— Не могу понять, Иван Степанович, почему, так шумно реагируя в свое время на программу «500 дней» и все с ней связанное, наше утомленное ожиданием общество осталось вроде равнодушным к новой программе российского правительства, программе Ельцина — Силаева. С ней ознакомились народные депутаты РСФСР на внеочередном III Съезде, ее напечатали в «Российской газете», в «Комсомолке», было несколько положительных откликов специалистов, в том числе Василия Леонтьева, и, пожалуй, все...

— Надо признаться, нас это тоже несколько удивило. По сути, главный документ, конкретная и достаточно реальная программа действий, остался как бы в стороне. В пылу политических битв на нее просто не обратили внимания. Впрочем, за последние месяцы мы и к этому привыкли. Вероятно, здесь есть своя логика — отсутствие информации легко заполняется любыми домыслами. Знаете, мне кажется, нам всем очень мешает эта привычка спорить вообще, не вникая в подробности, не анализируя методы и подходы.

Сколько уж раз стремились нас припечатать «позорным клеймом» — «реформаторы, ведущие к капитализму». Но если мы предлагаем создать условия, при которых человек мог бы реализовать свои способности и обеспечить потребности, так ли важно, как назовут сие политики?

Мы готовы спорить и отстаивать свою правоту в подходах, в разработке механизмов перехода к рыночным отношениям, но для этого оппонентам надо как минимум понять, что мы предлагаем. Впрочем, не дожидаясь шумных оваций, мы уже приступили к реализации программы, что гораздо продуктивнее.

Да, во многом это продолжение программы, которая когда-то называлась программой Горбачева — Ельцина и, к сожалению, была отвергнута. Мы не называем ее антикризисной, потому что немыслимо рассчитывать на ликвидацию кризиса некоей частной программой, тем более если ее главной опорой будут служить старые знакомые принципы административного воздействия. Нынешняя программа — по стабилизации экономики и переходу к рыночным отношениям, программа радикальных экономических преобразований. И если уж говорить о том, что мне самому в ней дорого, то прежде всего это заложенные нами основы свободного предпринимательства в России. Говорят, гуси Рим спасли, так вот, поверьте мне: Россию спасут предприниматели.

Не лучший момент для интервью. Вчера — из Ленинграда, завтра — в Хабаровск. Позади 11 месяцев, труднейших в его жизни, впереди — 12 июня, которое, возможно, все развернет по-своему и для нас, и для него. Но в эти два вечерних часа на скамейке под Останкинской телебашней, отвечая на мои вопросы и удивленные «здравствуйте» редких прохожих, он не спешит. Может, действительно время для спешки мы уже потеряли?..

— Но, согласитесь, воспитанному на скудном пайке распределения советскому человеку не так просто примерить на себя все эти замечательные «приватизации», «разгосударствления», за которыми, по убеждению многих, маячат расслоение общества на бедных и богатых и прочие прелести «их нравов»?

— Конечно, самое сложное, что предстоит преодолеть,— даже не сопротивление консервативных структур, а протест консерватизма в человеческом мышлении. Само понятие «частная собственность» для многих — лишь возбудитель «классового чувства». Но ведь не для всех! Что такое наш предприниматель сегодня? «Гнется, да не ломится», «клейменый, да не раб». Его гнут, клеймят, но... Познакомился недавно с одним крестьянином из Ульяновской области. Он заключил договор с московским гастрономом «Новоарбатский» на поставку 15 тонн мяса. Первые 8 тонн довез, а потом местные власти сказали: стоп, не сметь. Посту ГАИ велели остановить, если поедет, и мясо отобрать. Он усмехается: не такой я чудак, как они думают. Дал круга 200 километров и еще семь тонн привез. В Москве опять «накладка»: в обмен могут только телевизоры предложить, а у него есть один, больше не надо. В общем, говорит мне, не выполнят договор, выложу мясо на Красной площади. Когда немного отошел он, я спрашиваю: все, мол, наверное, на этом точку поставите? Нет, говорит, раз уж на эту дорогу встал, теперь до конца — крестьянин. Так что гены, они, видно, живучи.

Другой вопрос, и совершенно справедливый: как процесс приватизации приблизить к каждому человеку, сделать его общедоступным? Ведь большинство из нас бедны. У меня, скажем, зарплата — 1200, богатый вроде человек, а собственником тоже стать не по карману. Мне, правда, как государственному служащему пока и не положено. Но так или иначе кошельки наши предпринимательской деятельности явно не способствуют.

Поэтому — принципиальный вопрос — о стартовом капитале. Прежде всего мы отменяем прогрессивно возрастающий налог с доходов граждан — он не будет выше 30 процентов. Но вот сегодня я встречался с моло-

дежной аудиторией, интересное предложение там высказали: снизить процент налога для молодежи, причем не возраст принимая в расчет, а опыт, стаж работы, в первые, допустим, три — пять лет. Это даст возможность человеку встать на ноги, укрепиться. Тут есть над чем подумать.

Второй и главный источник стартового капитала — это именной чек, который будет выдаваться каждому гражданину России, старику ли, младенцу, всем — равный. Здесь мы тоже ничего не выдумываем, мировой опыт известен. Сумму чека рассчитывали, исходя из соотношения основных фондов и численности населения. С учетом индексации и роста стоимости жизни выходит примерно по 10 тысяч рублей на каждого российского человека. Он может вложить этот капитал в аграрный сектор и стать фермером, может купить дом или квартиру, может — акции. Конечно, не надо думать, что относительно равные стартовые возможности приведут к всеобщему равному благоденствию. Программа — не для ленивых. Хотя тем, кто нуждается в социальной защите, мы посвятили конкретный раздел и намерены его свято выполнять. Но боюсь, не все поборники «справедливого распределения» отчетливо понимают, что альтернативой свободному предпринимательству в нынешних условиях может, пожалуй, стать лишь очередь за одинаковой для всех тарелкой бесплатного супа.

— И все-таки главный аргумент в любом споре о приватизации — теневики все скупят — остается?

— Вот еще очередной плод нашего податливого на мифы воображения: придет делец, свой ли, импортный, с миллионом в кармане и купит предприятие, на котором я, рабочий человек, всю жизнь вкалывал.

Но ведь речь идет о частной собственности в сфере обслуживания, торговли, в мелком предпринимательстве, где коллектив — не больше 100 человек.

Для крупных и средних предприятий должен начаться и начинается процесс акционирования, причем трудовые коллективы получат здесь немалые приоритеты, часть средств производства будет передана вообще бесплатно, часть — в акциях. Хотя, конечно, определенное количество акций пойдет и в свободную продажу. Без этого какой рынок?

Кстати, о приватизации жилья тоже слухов много, страхов еще больше, но ведь в программе мы четко указали: безвозмездная передача в собственность занимаемого гражданами жилья, если оно соответствует нормативам, и выкуп сверхнормативного или введение за него арендной платы.

Что касается теневой экономики, то, между прочим, самая питательная для нее среда — это наше топтание на месте, вакуум между лозунгом «к рынку» и конкретным к нему движением. И никаких других средств борьбы с собственной «тенью», кроме грамотной экономики и реальных усилий правоохранительных органов, мы не изобретем.

Упрощать не хочу. Процесс приватизации пойдет непросто, и отнюдь не в год уложимся. Рассчитываем, что в течение 2—3 лет в акционерную, кооперативную, частную собственность удастся перевести процентов 30 государственной собственности. Весь же путь займет, вероятно, 10—15 лет, при том, что за государством, безусловно, останется 30—40 процентов — транспорт, связь, энергетика. Но механизм перехода вполне реален, и жизнь, уверен, докажет его эффективность, как доказала в Южной Корее или Сингапуре, Турции или Китае.

— Чаще всего, пожалуй, вас упрекают в невнимании к аграрным вопросам. Даже вполне лояльный IV Съезд без этого не обошелся...

— Понимаете, нынешняя программа не отраслевая. Мы создаем основные экономические условия, чтобы народное хозяйство работало на потребительский рынок. И первые, кого это касается,— крестьяне, фермеры, колхозы и совхозы. Конкретные действия — в рабочих программах. И мы будем возрождать российское крестьянство, равно как и поддерживать существующие структуры. Когда страна на полуголодном пайке, всем укладам хватит места. Во времена столыпинской реформы Россия экспортировала на 20 процентов товарного зерна больше, чем США и Аргентина, вместе взятые. И 700 миллионов пудов оставалось в запасе на будущий год. А сегодня примерно столько же нам не хватает, закупаем. (Кстати, Россия уже под собственные обязательства вынуждена была у канадцев 4,5 миллиона тонн пшеницы купить, Союз кредита не дал.) Вот эту нишу и должны заполнить российские фермеры.

Фото Ю. ФЕКЛИСТОВА

И пусть обвинят в нескромности, я скажу: аграрной реформой мы можем гордиться. А ведь тоже пугали — крестьянин не тот, никто к вам не пойдет, никому ваша земля не нужна, лучше зарплату в колхозе получать. Думаете, мы сами не сомневались? Знали, что правы, но ведь боялись. Скромно рассчитывали, что в лучшем случае к концу года 10 тысяч фермеров получим. А получили? Уже сегодня — 22 тысячи. И еще 10 тысяч заявлений. Но ведь все это вопреки яростному сопротивлению на местах. И где? В Рязанской, Смоленской областях, разоренных краях Нечерноземья...

Был вот под Ленинградом, на агрокомбинате Тосненского района. Прекрасно работает, дельные технологии внедряются, можно только порадоваться. А вот стоило одному из директоров на нашей встрече голос поднять, что, мол, решил коллектив выйти из комбината, землю приватизировать, что тут началось! И стыдили, и упрекали... А ведь по закону имеют право, и раз все просчитали, все возможности взвесили, зачем же мешать?

Трудно, больно смотреть, как, воюя со здравым смыслом, теряют силы, людей, время...

— Но ведь, сколь бы ни была в теории реалистична российская программа, на практике ей придется считаться с реалиями в союзном масштабе. «В одной, отдельно взятой», как мы убедились, разве что военный коммунизм можно построить...

— Конечно, многие наши принципы — самостоятельность во внешнеэкономической деятельности, в использовании ресурсов — упираются в проблему суверенитета. Нас часто спрашивают: а что вы воюете с центром? Но можно ведь и центр спросить: что вы воюете с Россией? Даже Президент обижается — что ж я, не такой русский, как вы?

Ну, во-первых, не воюем, а работаем. Во-вторых, именно нам доверили за Россию отвечать, а чтобы отвечать, мы должны располагать тем, что есть у Российской Федерации. Ее землей, ее недрами, ее творческим потенциалом.

Пока же, не говоря о том, что 70 процентов российской промышленности — это предприятия оборонного комплекса, в республиканском подчинении вообще менее 20 процентов предприятий. Даже товары народного потребления, продовольственные — в основном в союзном ведении. Мы же считаем, что любое предприятие, которое хочет и готово выйти из старых административных структур, должно иметь на это право. И снова в штыки — безобразие, вы сами хотите закабалить предприятия, из одного подчинения в другое! Но ведь подчинять-то у нас некому. Мы не имеем отраслевых ведомственных структур. А потому командовать предприятием в России могут только два «начальника» — закон и налог. И мы не стесняемся говорить о том, что сознательно закладывали соответствующие экономические стимулы. Меньше на 7 процентов налоги с прибыли, отменили налоги со средств, которые вкладываются в развитие производства, и т. д.

Для нас одно безусловно — союзная программа не может игнорировать, не учитывать экономические программы республик. И к счастью (не будем суеверны), именно здесь в последнее время наметились явные и очень существенные сдвиги к пониманию. Не случайно ведь и программа союзного Кабинета теперь называется программой совместных действий КМ СССР и правительств суверенных республик. Думаю, во многом здесь сказалось влияние «Заявления десяти».

Нам удалось договориться с Кабинетом Министров о том, что процессы ввоза товаров, квотирование и лицензирование с 1 июля передаются в ведение республик. Это большой успех. Документ, правда, еще не подписан, но не думаю, что будут основания от него отказаться. Заводить собственные таможни мы не собираемся, но союзные службы будут обеспечивать движение товаров по лицензиям и квотам республик.

— А если перевести это на наш, «потребительский» язык?.. И что даст это, к примеру, предприятиям, которые уже почувствовали все тяготы валютных обложений?

— Вообще у нас всегда любили изобретать нечто свое, особенное. Вот, скажем, сюжет о валютной выручке. Предприятие, продав нечто на экспорт, получило определенную сумму в валюте. Она централизованно изымалась, а потом щедрой рукой что-то вновь спускалось. Или же вся эта сумма выручки, без учета затраченных на производство средств, облагалась налогом. Мы же считаем, что облагать налогом нужно лишь оставшуюся прибыль, за вычетом валютных издержек. Это повысит заинтересованность предприятий.

Далее — мы открываем широкий доступ зарубежным предпринимателям к нашему внутреннему рынку. Раньше ехали с деньгами за границу и далеко не всегда те, кто по делу должен был ехать. Покупали то, что не всегда нужно было покупать, и везли сюда. В результате сегодня на складах мы имеем невостребованного импортного оборудования на несколько миллиардов. Гораздо логичнее дать возможность зарубежным продавцам найти покупателя здесь, на месте. Это прежде всего касается потребительских товаров. Мы освобождаем их от варварской таможенной пошлины, доходящей до тысячи процентов, что, безусловно, скажется и на ценах. А вместе с этим процессом пойдет и инвестирование в нашу промышленность, что немаловажно.

Пока, думаю, рановато бояться, что поток западной или восточной продукции подорвет внутренний рынок. Слишком глубок дефицит. Но, почувствовав некую опасность, можно своевременно включить все те же ограничительные налоговые рычаги. Нормальный процесс, классика рынка...

Так что, как видите, даже самые острые вроде вопросы можно спокойно решать и сегодня.

— В одном из последних интервью, говоря о формировании союзного бюджета, вы упомянули «федеральный налог». Но ведь бюджет РСФСР его не предусматривал. Это что, тоже компромисс?

— Тут еще много вопросов, которые надо решать и на уровне Верховного Совета РСФСР, и на уровне Союза. Ведь не закончено даже обсуждение проблемы распределения функций. Нет Союзного договора. Пока есть лишь стремление к движению навстречу. Каким оно будет, это движение, покажет время.

Россия же для себя в отношениях с территориями, республиками главным обязательством считает — оставлять основные доходы на местах, кроме, разумеется, финансирования общих целевых программ, как «Чернобыль», к примеру, которые будут утверждаться Верховным Советом РСФСР. Порочный принцип «отобрать и распределять» достаточно себя показал.

— Иван Степанович, мы вот рассуждаем с вами о программе российского правительства, об экономических подходах и рыночных механизмах, но ведь, знаете, не каждому столь уж любопытно разбираться, как вы говорите, «в подробностях». Зато что-то там про 140 миллиардов слышали все. Пусть и не поминают давно про них «компетентные источники», а некая тень витает... Вы не хотите вернуться к этой теме?

— Ну, почему? Можно и вернуться. Знаете, говорят, что общего между мухой и человеком? Можно газетой прихлопнуть. Ну, если уж не убить, так авторитет подорвать, доверие. А это тоже дорогого стоит. Мне приходится только сожалеть, что каждый раз многие позволяют себе с ходу увлечься очередной организованной кампанией, очередной травлей, очередным всенародным спектаклем. Хотя ведь очевидно было, что все это «дело», ставящее вполне конкретные цели — ударить по российскому правительству,— звено из той же цепи, что привела к III, внеочередному Съезду. И результат тот же. Много шума — и пустота. «Дело» потеряло всякую актуальность и интерес даже для самих «компетентных источников», которые так рьяно, с первых же часов бросились информировать общественность. Но суть в другом. За эти месяцы мы ко многому попривыкли, как бы ни больно, ни стыдно было читать очередную «утку». Время-то России кто вернет? Кто вернет сейчас те возможности, что сорвали скандалом? А ведь мы могли бы существенно изменить ситуацию в республике и с продовольствием,

и с товарами... Но, наверное, и через это надо было пройти.

— Полгода назад, когда Геннадий Фильшин позволил себе только упомянуть идею «плана Маршалла» для нашей страны, его настиг очередной девятый вал гнева. А сегодня общество с интересом ждет, чем кончится американская миссия Григория Явлинского, советника Ивана Силаева по экономическим вопросам, одобренная самим Президентом...

— Что ж, жизнь, слава Богу, не стоит на месте и, возможно, не так глуха к здравому смыслу. Один из устойчивых мифов нашего сознания — вера в стремление Запада разорить Союз. Но именно погрязшая в хаосе и нищете огромная страна, потенциальный источник всевозможных потрясений, представляет действительную опасность в глазах и Запада, и Востока. Отсюда рождается стремление оказать экономическую поддержку проводимым реформам.

Да и что такое на самом деле этот ставший жупелом для целых советских поколений «план Маршалла»? Эффективная экономическая программа, сумевшая поднять из разрухи Западную Европу и вернуть средства тем, кто их вкладывал.

Нынешние переговоры — в самом начале. Ни о каких кредитах, полученных централизованно и кем-то распределяемых, речи быть не может. Идет проработка конкретных программ, финансирование и реализация которых, естественно, будут впоследствии тщательно контролироваться. И я уверен, что российская программа вполне логично включит их в себя.

Кстати, недавно я был в Алма-Ате, показал программу Назарбаеву. Он прочел тут же, в один присест. Подумал и говорит: что ж, на 95 процентов это и наша программа.

Идут процессы перехода к рынку в Казахстане, идут в России, в других республиках. Это реальная жизнь, она не зависит от политических лозунгов и не слишком оглядывается на броские ярлыки. И, кажется, наше издерганное конфронтацией общество начинает это понимать.

— Вы говорите, не зависит от политических лозунгов. И от 12 июня не зависит?

— Поймали на слове? И все-таки, знаете, объективно — нет. Потому что нет у России пути назад, и прекрасно она это понимает, нет у нее больше сил стоять на месте, если это место на краю пропасти... Поэтому я верю, что каждый человек, взяв в руки бюллетень, сумеет отличить, за кем фраза, а за кем убежденное стремление к радикальным реформам и способность их реализовать. Но в любом случае, повторяю, объективно — пусть, может, и труднее, больнее, с потерей еще времени, еще сил, но движение к нормальному обществу пойдет.

А субъективно... Что ж, правительство наше в состоянии ожидания, тревоги, надежд. Вложив все, на что мы были способны, всю свою энергию, весь опыт, все нервы, наконец, в поиск и нахождение пути к рынку, сделав первые шаги, мы, конечно, надеялись прийти хотя бы до первых, уже скорых, ощутимых результатов. Я думаю, избиратели достаточно ясно представляют себе, что выбор Президента — это и выбор правительства со всеми вытекающими отсюда последствиями.

А у нас, знаете, правительство необычное. Кроме меня, ни одного человека из прежних структур. Мы были свободны от личных привязанностей и личных симпатий, отбирая, каждого пропускали через команды психологов, социологов... И было б неправдой говорить о полной у нас гармонии, о каком-то исключительном единомыслии. Но эти одиннадцать месяцев — то отчаяния, то надежды — они словно спрессованы. Иногда, кажется, вместили в себя 11 лет. И все-таки мы их прошли, «первый тайм мы уже отыграли...». Как? Россия скажет. Доживем до среды...

АНИЧКОВ МОСТ

МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

«Пресса загибается? Да нет, братцы, она только зарождается, новая пресса... Тяжело ей, зарождающейся? О да. Конечно. Так же, как и обществу...»

Из заметки в газете «Аничков мост».

Среди десятков старых и новых газет, выставленных в аквариумных киосках «Союзпечати», эта газета особо в глаза не бросается. Строгое начертание букв, слева — слегка размытый силуэт одного из вздыбившихся коней знаменитого моста... «Аничков мост» — по статусу — газета Куйбышевского райсовета Ленинграда, но только по статусу. В отличие от других районных газет она не взяла у своего учредителя ни рубля денег, ни тонны бумаги, ни даже пишущей машинки. Все это спонсорское, спонсоры указаны в выходных данных газеты, и один из них — известное уже далеко за пределами Ленинграда издательство «Час пик».

Ну, а позиция? — спросит искушенный ныне читатель. Вот тут и начинается самое интересное, здесь, вероятно, истоки всех зол, что валятся на «Аничков мост», откуда возможно.

Хронологически трудно восстановить, когда на голову редактора газеты Веры Татарниковой свалилась первая шишка. Во всяком случае, не в тот день, когда она стояла на трибуне сессии Куйбышевского райсовета, утверждавшей ее в роли редактора, хотя Вера была предельно откровенна. «Я к вам не рвусь,— сказала она депутатам.— У меня есть интересная работа, есть партбилет, от которого не собираюсь пока отказываться, и есть своя точка зрения. Буду работать честно, если доверите делать газету, но подстраиваться ни под кого не собираюсь».

Такие разные депутаты сидели тогда в зале: и прежние «аппаратчики», и радикально настроенные на перемены демократы, и осторожные центристы,— но никого ее выступление не насторожило. Верно, сочли такие резкие слова за декларацию, за некое кокетство собственной принципиальностью.

Так что утверждение прошло на редкость гладко, и Вера Татарникова, набрав штат из восьми молодых журналистов и машинистки, взялась за дело. Тогда ей и ее команде могло ли прийти в голову, что буквально через три месяца «Аничков мост», в отличие от многих ленинградских газет разного калибра, станет притчей во языцех? Ему будут посвящаться письма «неизвестных героев», расклеенные в подземных переходах, розданные в кулуарах сессии райсовета и просто анонимно присланные по почте в редакцию. Позже, посоветовавшись со своими ребятами и не поспав ночь, она решится обнародовать их... у себя же в газете. Причем без всяких изменений и сокращений — целой полосой «Кто мы? Демократы или?.. А кто вы?».

«Возьмем районную тему,— пишут депутаты райсовета, утаившие свои фамилии.— На первом плане смакование промахов руководителей района и депутатов, за которым легко увидеть примитивную интригу и элементарное сведение счетов... Одним словом, невзоровщина...»

«Вы же все трусы, ползаете, лижете ноги своим учредителям и разеваете рот только там, где вам выгодно... А за Невзорова («АМ» опубликовал письмо, критично оценивающее деятельность этого тележурналиста) мы готовы идти с оружием в руках, сметая с дороги разное отребье. НАШИ».

«Ваша газетенка скоро обанкротится. Как вас никто не узнал, так и не узнает...»

Пройдет еще месяц, и газета впрямь окажется на грани закрытия, но не по причине отсутствия бумаги или отказа типографии печатать, что происходит с большинством закрывающихся нынче газет. Спонсоры от нее, слава Богу, пока не отказываются, а вот с читателем странное происходит: «Аничков мост» покупают активнее в других районах Ленинграда, чем в родном Куйбышевском. Может, потому, что туда анонимные разоблачители не добираются.

Чем же так скомпрометировала себя молодая газета, которой всего-то четыре месяца от роду? Я просмотрела почти все ее номера — газета как газета, сделана на хорошем профессиональном уровне, любопытные материалы, некоторые читаешь — не оторвешься, немало и таких, что заставляют задуматься: так ли живем, туда ли идем? Так разве «Аничков мост» — исключение?

Ну вот, к примеру, один из ее обычных номеров.

Вместо передовой — статья «72 дня, которые забыла Россия», двух авторов, один из них историк и потому вполне грамотно, но, главное, очень интересно рассказал о короткой жизни первого в России парламента — первой Государственной думы, которая на две трети состояла из интеллигенции и потому ее нередко называли «профессорской», или «юристской», Думой. Цели парламентарии России ставили перед собой такие: превратить крестьянина в собственника земли; улучшить условия труда у рабочих; добиться политических свобод — бесцензурности прессы и амнистии политзаключенным; отменить смертную казнь и т. д. На сорока заседаниях, пишет газета, работая порой до поздней ночи, парламентарии рассмотрели 29 законопроектов и... ничего не смогли добиться. Пытаясь спасти страну, Дума вступила в борьбу на два фронта: с левыми силами и с правительственным лагерем. Как известно, борьба закончилась роспуском первого парламента России...

Ах, как легко было усмотреть в этой публикации подтекст, увидеть в ней не горький урок, не сожаление о несбывшемся, которое может и вновь не сбыться, а... угрозу нынешним парламентариям.

А вот — рассказ о заседании бюро Куйбышевского райкома КПСС, принявшем решение осудить политику резкого повышения цен, провозглашенную Президентом СССР. Скачок цен, как выразились члены бюро и персонально первый секретарь райкома Павел Новиков, непременно «повесят на КПСС, поскольку Президент страны — одновременно и Генеральный секретарь ЦК КПСС». Сообщив, что заявление не удалось опубликовать даже в партийной прессе Ленинграда, автор заметки рискнул сделать вывод: «Нелегко сегодня демократам в КПСС. Зачастую они выглядят белыми воронами, остаются в меньшинстве, но продолжают свою борьбу... за превращение в цивилизованную партию парламентского типа».

К нападкам с левого фланга: депутатов-демократов бьют, а секретаря райкома партии защищают — добавились истерики крайне правых, возопивших: «НАШИХ обижают!»...

Быть свободным, считают журналисты, значит уважать себя, а уважать себя — значит уважать других.

— Если даже левые совершают поступки, противоречащие нормальной человеческой логике, устраивают нравственный геноцид по отношению к инакомыслящим,— это страшно. И мы будем писать о каждом случае экстремизма, с какой бы стороны он ни исходил...

Вера Татарникова произнесла эти слова, как заклинание. Но чувствовалась в них какая-то обреченность. Не риторика то была, просто Вера отдавала себе отчет: при такой позиции, такой линии поведения редактора, как говорят медики, летальный исход неизбежен. Нет сегодня перспективы у маленького издания, стремящегося быть предельно честным, объективным. И большие-то газеты висят на волоске, что уж говорить про эти...

Греет же Веру Татарникову сознание того, что она не одна, а в группе единомышленников. Никто из редакции «Аничкова моста» пока не сбежал, хотя журналисты зарабатывают здесь денег гораздо меньше, чем на прежних местах. И в два-три раза меньше, чем печатники, операторы фотонабора, другие типографские работники. А ритм работы у них — не дай Бог никому — по нескольку материалов в номер, к тому же надо думать и о том, о чем коллегам по прежней службе ломать голову не приходится,— о распространении газеты. «Союзпечать» семь шкур сдирает за одну только услугу: выставить «Аничков мост» в киоске среди доброй сотни других изданий.

Хорошо хоть спонсоры пока не отказываются, но неизвестно, надолго ли их хватит. А вдруг подсчитают они свои сальдо-бульдо да обнаружат, что у самих в нынешних неспокойных финансовых условиях — перспектива не ахти? Не придется ли вскорости ставить свечку за упокой души «Аничкова моста»?

В апреле уже пришлось занять денег на зарплату сотрудников «АМ» в Союзе журналистов. В апреле же с трибуны сессии райсовета снова прозвучало: «А зачем нам такая газета?» Правда, по-прежнему одни называли ее «прокоммунистической», другие критиковали за слишком лихой демократический настрой, дружно позабыв, что на балансе района она никогда не висела.

«Наш — не наш, хороший — подлец, русский — масон. Да что мы, с ума сошли, товарищи, мужики, господа и дамы, братья и сестры?.. Когда же мы начнем наконец понимать, что сама по себе демократия не имеет ничего общего с идеологией, что это всего лишь справедливые правила игры, где каждый волен исповедовать все, что считает для себя святым, и только не может, не имеет права на одно — затыкать рот другому...»

Это тоже оттуда, со страниц «Аничкова моста»...

С. ДУБИНСКАЯ

ОТ РЕДАКЦИИ. Итак, наша независимая печать переживает ныне нелегкие времена. Чуть вырвавшись из-под указующего идеологического перста, она, естественно, попадает в тиски экономические. И кому, как не «Огоньку», одному из первых добившемуся независимости, на собственном опыте познавшему все прелести обретения свободы в наших условиях, понять коллег. Понять и помочь. Тем более что некоторый опыт у нас уже есть. В прошлом, 1990 году наша редакция стала одним из соучредителей и создателей уставного фонда первой в стране независимой от Гостелерадио радиостанции «Эхо Москвы», с каждым днем набирающей все большую популярность.

Наше новое предложение — создать «Фонд независимой прессы». Надеемся на поддержку коллег, на отклики и предложения всех, кому небезразлична судьба свободного слова в еще очень несвободном нашем обществе. Первый вклад, 100 тысяч рублей, вносит коллектив «Огонька». В одном из следующих номеров мы сообщим всем желающим, как стать участниками «Фонда независимой прессы». То, как его расходовать, думаем, целесообразно обсудить сообща. Ждем предложений.

...Для отставки правительства достаточно двух последних акций: ограбления народа путем обмена денежных купюр и многократного повышения цен при мизерной компенсации.
М. ЧЕРТНОВА
Донецк

...Журнал «Огонек» перестал читать с тех пор, как он обрушился на Нину Андрееву. До сих пор понять не могу — почему?
Л. ЩОРЕ
Ужгород

...Считаю, что большая часть имущества КПСС приобретена на средства, взятые из бюджета страны. Все это должно быть возвращено народу.
А. ФОРОСТВИЛИ
Владивосток

...Нам долго говорили, что мы живем плохо, так как плохо работаем. Вот только непонятно, почему это не относится к тем, кто нас в этом убеждает,— нашим многочисленным руководителям.
А. ФИЛИППОВ
Новгород

...Хотелось бы попросить у товарища Кравченко помощи в приобретении приемника, по которому можно будет ловить не только голос Америки, но и голос радио России.
П. ЛЫСЕНКОВА
Саранск

■

Моя дочь замужем за иностранным подданным. В газете «Известия» в марте этого года было опубликовано интервью с начальником Международного коммерческого управления гражданской авиации В. Тихоновым, в котором он объясняет возможные варианты оплаты международных рейсов. Предусматривается комбинированная оплата авиабилетов, суть которой заключается в том, что либо мы, отъезжающие, должны иметь СКВ, либо, что вероятнее, эту часть должна оплатить приглашающая сторона. С экономической точки зрения (имея в виду интересы страны) такое решение было бы оправданно. Но кто учитывал моральную сторону этого вопроса? Да и экономически это невозможно для той или иной семьи!

Мой зять, ливанец, молодой специалист, вчерашний студент, живет в разоренной войной стране, где валюта так же недоступна, как и в нашей. Как быть? Этим решением (если оно будет принято) можно разлучить семью на долгие годы, если не навсегда. Или остается один выход — покинуть свою родину, чего и в мыслях у нас раньше не было.

Разрабатывая систему льгот в отношении таких, как мы, следовало бы предусмотреть возможность хотя бы один раз в пять лет оплатить авиабилеты советскими скромными рублями, которые мы всю жизнь получали за свою трудовую деятельность.

Н. МАЙОРОВА
Москва

■

Рационально ли в нашей стране расходуются средства на технику оборонного назначения? В отличие от гражданской наша военная техника в основном соответствует мировому уровню, а кое в чем и превосходит. Достигается это и, увы, колоссальной ценой, в решающей степени определяемой аппетитами военно-промышленного комплекса (ВПК), который в процессе самогенерации заглатывает ежегодно все большую и большую часть национального дохода. Казалось бы, наступили новые времена — сейчас, после провозглашения принципа «разумной достаточности», «новой оборонительной доктрины», в структуре ВПК и тенденциях его изменения должны произойти коренные перемены.

Нужно ли нам строить дорогостоящие авианосцы? Если американский авианосец обходится в три миллиарда долларов, то наши не меньше, а исходя из оборонительной доктрины необходимость в таких кораблях далеко не очевидна. Может быть, стоит заняться сравнительно дешевой модернизацией уже построенных кораблей? Модернизационные работы, и ранее не очень популярные (непрестижно, да и много не возьмешь), и сегодня продолжают ходить в золушках.

Тут, помимо материальной, нужна психологическая переориентация. ВПК срочно надо менять отношения к модернизационным работам, и, прежде чем бросаться в омут дорогостоящего строительства оборонной техники, надо тщательно и непредвзято изучить возможности доведения до современного уровня существующей техники путем ее относительно дешевой модернизации.

Надо еще и еще раз посмотреть, куда расходуются деньги в оборонных отраслях промышленности и нельзя ли эти расходы уменьшить.

А. ЧИЖОВ,
главный конструктор,
лауреат Государственной премии СССР
Ленинград

■

Был два года назад в Донском монастыре. Как раз тогда, когда там были представлены на обсуждение проекты — макеты памятника жертвам репрессий от плакатной дурновкусицы до действительно интересных вариантов. Одна лишь беда — подавляющее большинство проектов подразумевало воздвигнуть нечто, для чего предполагалось разрушить или нарушить сложившийся ансамбль.

Потом смотрел по телевизору из Ленинграда, как на Лубянской площади в Москве открывали памятник-камень жертвам репрессий. А попав на днях в столицу, не нашел. В глаза по-прежнему бросается железный Феликс, а жертвы репрессий увековечены столь незаметно, что и не заметишь. Исторический облик не нарушен, и рыцарь революции высится в центре привычно.

Кто из нас не помнит эмоционального, взволнованного выступления Юрия Карякина на первом Съезде народных депутатов СССР — о захоронении останков В. И. Ленина на Волковом кладбище, там, где лежит его мать? И продиктовано было это предложение отнюдь не желанием сбросить вождя с «мавзолея современности», а понятным каждому здравомыслящему человеку милосердным чувством.

Мне думается, что рано или поздно здравый смысл возобладает и тело покойного будет предано земле. И останется на Красной площади Мавзолей работы А. Щусева. Это произведение искусства. Это ставшая традиционной трибуна. Это некий символ. Так пусть Мавзолей и станет памятником жертвам репрессий. Один — на Лубянской площади, другой — на Красной. А почетно-караульным солдатам представилась бы возможность заняться мужской армейской работой, а не служить предметом ежечасных пари — шелохнется или не шелохнется.

Думаю, что вряд ли кто посмеет искренно назвать это «надругательством над святыней».

А. ИЗМАЙЛОВ
Ленинград

■

Наше правительство предоставило возможность предприятиям, колхозам и другим хозяйственным организациям платить заработную плату и практически нести другие расходы на содержание участковых инспекторов милиции. Сама по себе эта идея, наверное, правильна, так как страна оказалась в сложнейшем экономическом положении, а увеличивать ассигнования МВД практически неоткуда. Но, к сожалению, механизм ее реализации на практике, мягко говоря, не продуман.

В нашем небольшом, преимущественно аграрном районе это выглядит следующим образом. До конца 1990 года по заключенным с отделом внутренних дел договорам колхозы поочередно ежемесячно перечисляли деньги. Однако участковые инспектора зачастую получали заработную плату с опозданием и вынуждены были упрашивать в полном смысле этого слова председателей колхозов и главных бухгалтеров о перечислении им заработной платы. Естественно, любой председатель мигом сообразил, что участковый в его руках. Как довольно метко выразился один из моих коллег, «любой председатель получил реальную возможность заиметь «карманного участкового». Отдельным из них захотелось и вовсе сделать участкового штатным колхозником, завести что-то вроде табеля и отмечать выходные. Сможет ли инспектор в такой ситуации проявить принципиальность в отношении председателя и его помощников? Думаю, нет. Скорей всего ему уготована роль рьяного защитника амбиций и устремлений «кормильца», укротителя неугодных.

Мне хочется, чтобы письмо не осталось не замеченным, особенно теми, от кого зависит решение этого вопроса.

И. ПОКАНЕВИЧ,
участковый инспектор Попельнянского РОВД, капитан милиции
с. Ерчики Житомирской области

■

С первого Съезда народных депутатов мне нравился Анатолий Александрович Собчак и как политик, и прежде всего как человек. И вот теперь публикация «Боюсь сглазить...» А. Ниточкиной в пятом номере «Огонька» познакомила нас с его семьей.

Не так давно советская пресса буквально захлебывалась в критическом раже в отношении американского образа жизни, в частности, того, как высокие должностные лица и даже президент рекламируют свою семейную жизнь, а падкая на всякие сенсации буржуазная печать поощряет такую открытость. Наши же государственные деятели были настолько «скромны», что казались бесполыми, чуждыми всего человеческого и земного.

Можно только позавидовать тому, как «расчетливые капиталисты» умеют рекламировать семью со всеми достоинствами и теплотой человеческих отношений. Перед нами предстают не только политические деятели, а прежде всего люди, из такого же теста, как и все мы, смертные. А значит, у них те же мысли о жизни, что и у нас, а не оторванные от действительности сны кремлевских мечтателей о счастье всего человечества.

Реклама семьи для нашего замордованного общества должна стать одним из первостепенных дел. Ибо если наша империя в периоде полураспада, то семья в распаде. Что представляет собой наша рядовая семья? Это папа-мама на работе и беспризорные дети, рядовые, такие же, как и их родители, часто лишенные заботы и ласки. И все это не потому, что взрослые бесчеловечны, а потому, что бесчеловечны условия, в которых вот уже восьмой десяток лет все мы строим светлое будущее.

В. АСАДУЛИН
Запорожье

■

Из города Батуми выслала мне посылку проживающая там моя дочь. В посылке были дефицитные лекарства. Когда я получил посылку в городе Виннице, вес посылки соответствовал указанному на ней отправителем. Но когда я ее вскрыл, то в ней оказался... горох. Больше — ничего. Я было подумал, что Министерством связи разработан новый способ лечения тромбофлебита и оно решило помочь мне.

В декабре минувшего года я выслал почтой из города Тобольска в город Батуми для внука детский велосипед стоимостью 30 рублей. Посылка до Батуми не дошла. И я решил попытаться разузнать ситуацию. Начал с Тобольска. Однако с удивлением узнал, что розыски пропавшего на почте ведутся за счет потерпевшего. Чтобы выяснить, что посылка почтовыми служащими отправлена за пределы Тобольска, надо было платить. Оказалось, за пределы Тобольска она ушла. Теперь следовало искать в запре-

дельных землях. И опять платить. Украденный велосипед стоил 30 рублей, стоимость пересылки почти еще столько. Розыск пропавшей посылки, производимый к тому же за мой счет, мог бы превысить всю эту сумму. И без каких-либо гарантий. От дальнейших поисков я, естественно, отказался.

Разумные порядки? Да, если взглянуть на них с точки зрения работников связи. Можно красть, вспарывать посылки, подменять пересылаемые вещи то ли горохом, то ли кирпичами (сошелся бы вес) без опасения. Вора разыскивать за свой счет накладно да и хлопотно. Неужели почтовое ведомство не должно отвечать за свою работу?

И. РЫБИНЦЕВ,
ветеран войны и труда
Винница

■

Работая в институте онкологии, в отделении опухолей молочной железы, и ежедневно сталкиваясь с человеческими бедами, горем, я вижу, что очень часто сами женщины усугубляют свое положение. По разным причинам. Одни — из-за занятости, другие — из-за страха, третьи — из-за элементарного незнания. Вдумайтесь в следующие цифры. В настоящее время в мире ежегодно регистрируется свыше 500 000 больных раком молочной железы, в СССР — свыше 55 тысяч. Цифры эти продолжают расти. И около половины женщин с впервые выявленным раком молочной железы обращаются в лечебные учреждения уже в запущенном состоянии. Около 30 процентов пациенток умирают в первый год по этой причине. Отсюда ясно, сколь велика роль раннего выявления и своевременного лечения.

Известно, что более 80 процентов от общего числа заболевших раком молочной железы сами случайно или при очередном самообследовании обнаруживают у себя опухоль. Но дальше ведут себя женщины по-разному. Одни сразу бегут к врачу. Но, к сожалению, таких немного. Другие выжидают несколько месяцев: а вдруг опухоль исчезнет, рассосется. И лишь убедившись, что она увеличивается в размерах, обращаются в поликлинику. Третьи начинают лечиться где угодно и у кого угодно, но не у специалистов-онкологов. К нам же часто попадают слишком поздно...

Я обращаюсь ко всем женщинам, которые сами выявят у себя образования в молочных железах. Не теряйте времени, не упускайте своего шанса выздороветь! Не так страшен рак, как опасна его запущенность.

Сейчас мы при своевременном выявлении рака сохраняем грудь, делая небольшие операции. Женщины живут в дальнейшем полноценной жизнью, работают, занимаются спортом.

Л. ПУТЫРСКИЙ,
докторант МНИОИ им. П. А. Герцена,
кандидат медицинских наук
Москва

■

Я глубоко убежден, что наши Вооруженные Силы в подавляющем большинстве верны своему народу, близки к нему. Нас окружают общие заботы, у нас общие интересы. А вот в том, что аппарат Министерства обороны служит интересам партократии КПСС, у меня сомнений нет. В этом я убедился на собственном опыте.

Работаю я в речном порту г. Гомеля, заочно окончил вуз, состоял в КПСС. В прошлом году в связи с приверженностью к социал-демократическим взглядам вышел из партии.

И вот вызывают меня повесткой в Центральный райвоенкомат г. Гомеля для аттестации. Иными словами, для оформления документов на присвоение воинского звания «лейтенант запаса». Прихожу в военкомат, представляю повестку девушке, и мне тут же последовал вопрос: «Вы являетесь членом партии?» Я, разумеется, уточнил, какая партия интересует, ведь у нас многопартийность. Узнав, что я состою не в КПСС, она тут же отрезала, правда, вежливо: «Извините за беспокойство, но по приказу Министерства обороны мы аттестуем только членов КПСС. Вы свободны».

В сущности, этим была подчеркнута моя низкосортность. Оказывается, чтобы стать офицером запаса, требуются не личные качества, не определенный объем военных знаний и командирские способности, а лишь наличие партбилета КПСС. Такую политику военных я понимаю как верноподданничество партократам КПСС, а не служение интересам государства, интересам народа.

С. СТЕЛЬМАШОК
Гомель

■

Получение компенсации вкладов намечено через три года. Людей среднего возраста этот срок мало беспокоит, но для стариков это проблема. Я инвалид, блокадник, мне 80 лет, а жене 78. Люди нашего возраста считают оставшееся время жизни не годами — каждый прожитый день мы расцениваем как дар божий. Поэтому хотелось бы воспользоваться деньгами при жизни. Для этого, мне кажется, необходимо скорректировать сроки выдачи компенсации с учетом возраста вкладчика.

Л. БЛЕХШТЕЙН
Ленинград

...Лично я никого
не оскорбляю,
не бастую,
не стреляю, а пишу
день и ночь свои
предложения
и рассылаю на все
четыре стороны.

Г. СМИРНОВ
Нерюнгри

...У нас никто
ни за что
не отвечает,
потому что все —
ничье.
Как можно в угоду
идеологии
принести в жертву
народ, страну?

Ю. КОЛЕСИНСКИЙ
Гомель

...Вы Президента
ставили? Нет!
Я тоже не ставил
и не выбирал,
но зато могу
без страха сказать:
«Долой
Президента!»
И не говорю,
потому что
без изменения
системы
президентская
чехарда
ни к чему не ведет.

А. РОМАНОВ
Новгород

...А все
очень просто:
земля —
крестьянам,
фабрики —
рабочим.
Без лозунгов
и обмана.

В. КОРЧУГАПОВА
Семипалатинск

В статье председателя Комиссии по связям с советскими и зарубежными средствами массовой информации Советского Фонда милосердия и здоровья В. Сырокомского «Когда сытый голодного разумеет», опубликованной в журнале «Огонек» № 8, содержится информация о том, что совместное предприятие «Импульс-МИ» пыталось провезти контрабандным путем под видом гуманитарной помощи товары из Польши на сумму 47 тысяч долларов, что было пресечено только вмешательством органов внутренних дел.

Автор статьи подобной информацией, по существу, утверждает, что предприятие «Импульс-МИ» занимается совершением противозаконных действий, наносящих ущерб интересам государства и его граждан.

Однако это не так — все действия по закупке товаров в Польше нами совершены на основании контрактной купли-продажи товаров в полном соответствии с действующим законодательством, при строгом соблюдении правил прохождения таможенных процедур, включая порядок оплаты таможенной пошлины. Это подтверждается имеющимися в распоряжении нашего предприятия документами Латвийской республиканской таможни, департамента полиции Латвийской Республики и иными документами.

Ю. ФЕЙГИН,
генеральный директор

ОТ РЕДАКЦИИ. Как можно убедиться из представленных нам документов, и автор статьи, и редакция были введены в заблуждение органами, которые принято называть компетентными. В связи с этим приносим свои извинения коллективу СП «Импульс-МИ».

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Мы так еще и не подсчитали, скольких советских граждан убила в этом столетии ненависть. Возникнув как государственная религия, ненависть расстреливала, грабила, сбрасывала колокола с колоколен и приказывала детям отрекаться от матерей, а женам от мужей. Мы так мало бывали частью человечества, так стремились выделиться из него, что многим стала привычной и советская бесправность перед лицом любых репрессий, и беспомощность перед страшной государственной машиной, обещавшей призвать кухарок к управлению государством и заодно сокрушить до основанья весь мир насилья. «И как один умрем в борьбе за это!» — предлагала ритуальная песня.

«Это» так и не наступило.

А самой страшной страной «мира насилья» стали именно мы. Труден путь из ситуаций, в которые нас загнали социальный догматизм, доктринерство, нежелание считаться с реальностью. Но выходить надо. Надо отрешаться от призраков прошлого и механизмов, рождающих эти призраки. Иначе снова окажемся в друзьях у фюрера, как перед войной, или у ближневосточного диктатора, как это было недавно.

Полвека назад вероломный фашизм обрушился на нашу страну. Это нападение втолкнуло нас в антифашистскую коалицию. Ценой великих подвигов и великого героизма мы стали сотворцами победы над фашистской чумой. Но даже тогда советский военно-промышленный комплекс и мощный идеологический аппарат ненависти продолжали делать все, чтобы мы не возвратились в человечество. Нагнетая подозрительность в отношения между странами, поощряя подавление основных прав человека внутри Советской страны, хозяева Системы продолжали отгораживаться ненавистью от человечества, продолжали сталкивать нас с магистральных путей прогресса. Система не берегла своих граждан в боях. Система предавала попавших в плен. Постепенно лишь в ракетно-пушечном производстве, в гонке вооружений мы остались на уровне мировых технологий, безнадежно отставая в удовлетворении насущных народных нужд, в реализации главных человеческих прав. Социальный эгоизм, мания преследования, возведенные в ранг политики многострадального государства, уродовали наши жизни, жизни тех стран, которым мы навязали систему своих ценностей, пропитанных ненавистью и страхом.

Сегодня заканчивается вторая мировая война. Человечество избавляется от несвободы, ищет пути к совместному преодолению трудностей, к совместному обузданию диктатур и агрессий. Общечеловеческие ценности, от которых мы были отделены столько десятилетий, становятся объектом стремления и защиты. Но наша сегодняшняя попытка возвратиться в человечество упирается в ту же, непорушенную, по сути, стену, которой идеологический и военно-промышленный комплексы отгородили нас от мира.

Мы должны поставить под контроль их действия и расходы. Мы должны избавиться от собственного бесправия перед штыками, которые все откровеннее пытаются обращать внутрь страны, запугивая сторонников демократических перемен. Мы должны также защитить права военнослужащих, которых провокационно делают объектами народного недовольства, подкармливая конфликты между армией и народом, делая бесправным человека в казарме. Армия должна быть защитницей народа, а не прогнившего бюрократического аппарата (в погонах аппаратчики или без погон — не суть важно).

Если мы хотим, чтобы трагедия Великой Отечественной не повторилась, надо жить иначе, надо идти к человечеству, надо остановить бесконтрольное расходование народных денег на орудия убийства и на маршальские привилегии. Пора четко понять, кто враги и кто друзья наши в сегодняшней попытке обновления.

Вечная слава героям, защитившим наши сегодняшние жизнь и свободу! Люди, будьте бдительны!

Виталий КОРОТИЧ

РАЗОРЕНИЕ

Вадим
ПЕРВЫШИН

— Все те же лилипуты,
поклонники гешефта
и валюты.
— Так много их?
— Везде, куда ни глянь!
Все те же,
что нас предали на Мальте,
кто распродал все,
что воздвигли в Ялте
солдатский штык
и сталинская длань.

(С. Куняев, главный редактор журнала «Наш современник»)

Внешний, как мы говорим, «супостат» и внутренняя «пятая колонна» соединились в своих атаках на Вооруженные Силы СССР.

...Диктатура военных? Это бремя, тяжелое и страшное бремя! Но армия не может оставить свой народ в беде и не может быть безучастной к его страданиям.

(В. Чернавин, адмирал флота)

Если проанализировать весь грязный, отвратительный поток, который обрушивают на армию ее постоянные хулители — «огоньки» да «взгляды», комсомольские листки и перестроечные академики, весь этот шквал упреков, клеветы, брани укладывается в определенную схему с закономерной последовательностью. Это не просто брань, а хорошо спланированная контрпропагандистская операция по разложению войск противника.

Пустили миф в прессе, в парламентах, что, дескать, армия вытягивает соки из народного хозяйства, из невоенной экономики, и товаров нет потому, что мы строим подводные лодки и бомбардировщики, и мяса нет потому, что запускаем космические корабли.

(И. Родионов, генерал-полковник)

Создается миф о милитаризированной экономике, но это не соответствует действительности: на производство оружия мы тратим около семи процентов материальных ресурсов, это не более, чем у других.

...У оборонщиков гораздо больше организационного опыта, чем, скажем, у новоиспеченных политиков.

(О. Бакланов, заместитель председателя Совета обороны СССР)

Недавно я разговаривал в Германии с одним старшим офицером бундесвера. Он изумлялся: как вы, ваше правительство, ваша армия позволяют глумиться над мундиром, над честью офицера?!

Смешно сказать, что все эти годы армию защищала горстка патриотически настроенных русских писателей...

(А. Проханов, главный редактор газеты «День»)

Все вышеприведенные цитаты — из единственного номера («День», № 9) единственной газеты. А таких цитат и таких газет великое множество. Не ощущая сложностей, наглея день ото дня, черпая уверенность и деньги из широких генеральских карманов, воюют за так называемое оборонное сознание авторы коллективных писем и парламентских деклараций (под одной из них, призывающей к военному положению, умудрился поставить свою подпись даже православный митрополит). Раз за разом печатаются материалы о коррупции и беззаконии на самых разных этажах военно-промышленного комплекса, в ответ же звучат не аргументированные выкладки, а угрозы и упреки в изменах. Лампасное начальство до того уверено в своей неприкасаемости внутри страны, что вообще любые разоблачения относит за счет происков зарубежных спецслужб.

Печатая дальше исследование советского ученого, уже выступавшего по вопросам конверсии и считающегося одним из авторитетных специалистов в своей области знаний, мы хотим подчеркнуть, что Вадим Григорьевич Первышин продолжает заведовать сектором в одном из крупнейших всесоюзных институтов, православный, военнообязанный.

22 марта нынешнего года, в пятницу, премьер Павлов оглядел сидящий перед ним партийно-хозяйственный актив Московского завода ГПЗ-1 и хохотнул довольно: «На три четверти в импорте!» Потом доверительно: «Американцы на свои военные расходы тратят ежегодно 300 миллиардов долларов, а вы думаете, для поддержания равновесия мы тратим меньше?» Шутя и посмеиваясь, это сказал человек, который, будучи до этого пять лет министром финансов, утверждал и клялся, что расходы на оборону СССР всегда составляли «ровно 20,2 млрд. руб.» и не превышали 5% расходов госбюджета.

Фото ТАСС

БОЛЬШАЯ ЛОЖЬ — БОЛЬШОЕ НЕДОВЕРИЕ

А теперь есть смысл напомнить, как постепенно, в определенном хронологическом порядке наши руководители объявляли нам, да и всему миру, о наших же военных расходах.

Выступая 30 мая 1989 г. на I Съезде народных депутатов СССР, только что избранный Председатель Верховного Совета СССР М. С. Горбачев в докладе «Об основных направлениях внутренней и внешней политики СССР» решил приоткрыть страшную тайну: «В 1989 году военные расходы составляют 77,3 миллиарда рублей — я объявляю Съезду эту реальную цифру».

Уместно спросить: а ранее какую называли — с потолка?

Неделю спустя, 7 июня 1989 года, на этом же Съезде Председатель Совета Министров СССР «откровенно» разъяснил: «Съезд должен располагать полной информацией о реальных расходах на оборону. Лишь в этом случае народные депутаты смогут иметь о них представление, позволяющее активно участвовать в рассмотрении и формировании военных расходов. Так, в 1989 году из общих расходов в размере 77,3 миллиарда рублей предусмотрено направить на:

закупку вооружений и техники	— 32,6	млрд. руб.
научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы	— 15,3	»
содержание армии и флота	— 20,2	»
военное строительство	— 4,6	»
пенсии военнослужащим	— 2,3	»
прочие расходы составят	— 2,3	»

«Видимо, нет необходимости комментировать эти данные»,— закончил скромно и торжественно Рыжков, «выдав» сверхсекретные государственные тайны.

Нет уж, позвольте не согласиться — без комментария не обойтись. Если то, о чем говорил Рыжков, правда, то как прикажете понимать его преемника Павлова? Кто из двух премьеров солгал? Ведь их цифры разнятся более чем в 4 раза!

Не меньшее удивление вызывает еще одно утверждение Рыжкова в том же докладе на том же Съезде: «Считаю необходимым особо остановиться и на таком вопросе, как создание и использование космической техники в интересах обороны и народного хозяйства. По-видимому, так же как и в отношении расходов на оборонные цели, Съезду должны быть представлены данные о затратах, связанных с осуществлением наших космических программ.

Итак, какие средства направляются на это? Приведу цифры в миллиардах рублей. Они представляют собой:

народнохозяйственный и научный космос — 1,7; военный космос — 3,9; космическая система многоразового использования «Буран» — 1,3.

Итого — 6,9 миллиарда рублей.

Возникает вопрос — оправдывают ли себя эти затраты?» Специалисты Минобороны уверены, что только реализация космических программ военного назначения повысит боевую эффективность наших Вооруженных Сил в 1,5— 2 раза.

А теперь послушаем мнение еще одного специалиста — бывшего Главного конструктора ракетно-космической техники академика В. Н. Мишина — преемника и продолжателя дела знаменитого С. П. Королева: «Программы освоения космоса никогда не было и нет. Были лишь планы работ Главкосмоса... Планируется пилотируемый полет на Марс, но обоснован ли он? Думаю, что нет, не обоснован. Не ясно, зачем такой полет сейчас нужен. Затраты будут огромными. А что он даст взамен?

До сих пор предприятия и министерства, работающие на космонавтику, получают средства от Минфина СССР напрямую... В 1987 г. в СССР на космонавтику было истрачено тридцать миллиардов долларов — больше, чем во всех остальных странах мира, вместе взятых. Цифра огромная, но где же отдача?» Какое удивительное совпадение в сокрытии расходов на космос и на оборону! Они опять уменьшены в 4 раза!

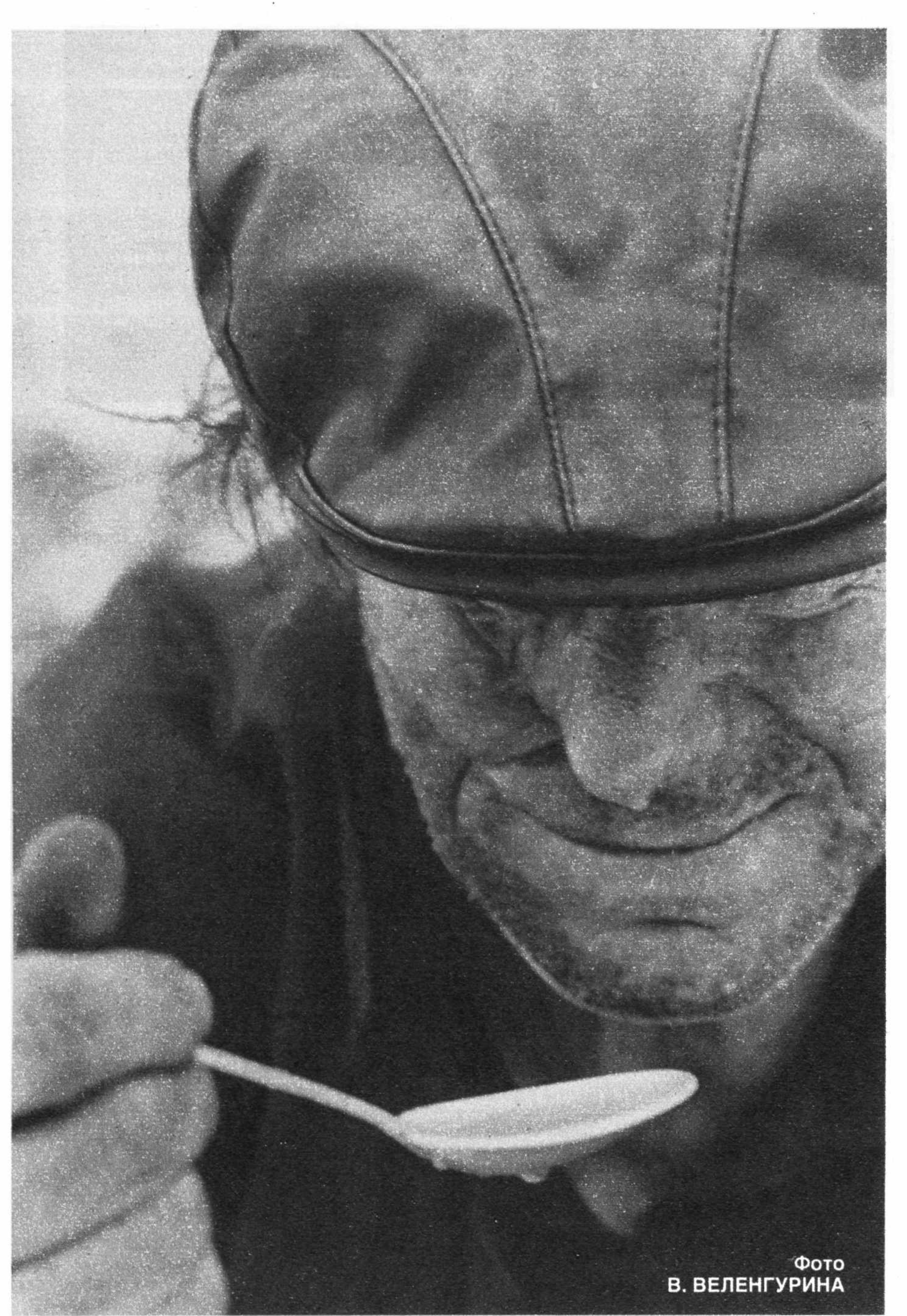

Фото В. ВЕЛЕНГУРИНА

После этих примеров официальной лжи, адресованной народным депутатам, всему советскому народу стало совершенно ясно, что верить правительству нельзя. Поэтому в наших расчетах по военным расходам будем полагаться на собственные опыт, знания и здравый смысл.

К таким расчетам побуждает не только крайне тяжелое экономическое положение страны, но и все тот же непрекращающийся обман. Премьер-министр Павлов в феврале 1991 г. официально объявил, что Советский Союз в 1990 г. продал на внешнем рынке 234 тонны золота за 1684 млн. инвалютных рублей, то есть продали золото по дешевке, за бесценок — 1 грамм золота за 7 руб.! А деловые люди на Западе, услышав такие небылицы, пояснили, что падение цен на золото было вызвано тем, что «Советский Союз, отчаянно нуждающийся в твердой валюте, значительно увеличил продажу золота. В 1990 г. на мировой рынок поступило 450 тонн советского золота» — то есть в 2 раза больше того, о чем говорил Павлов. А где же тогда спрятано или на что израсходовано 1,5 миллиарда долларов за неучтенные, забытые властями 216 тонн золота? Не задумывались?

ВЫГОДА ИЛИ УБЫТОК?

Когда мы чувствуем на себе, что в стране хронически не хватает продуктов питания, жилищ, одежды, то есть смысл прежде всего посмотреть на структуру нашего народного хозяйства и определить, какая часть занята выгодным для общества производством и какая — убыточным.

Напомню: под выгодным производством понимается все то, что выгодно людям, идет им на пользу,— земледелие, животноводство, производство товаров народного потребления и первой необходимости.

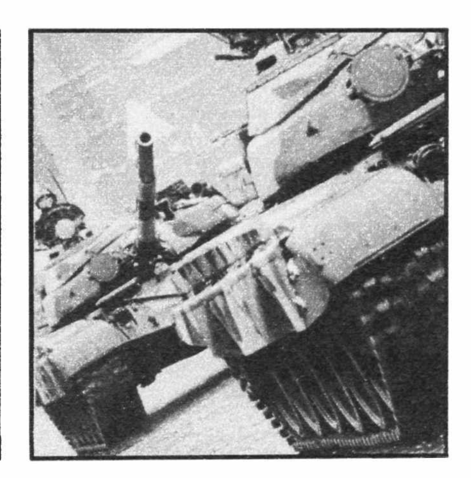
И, напротив, абсолютно убыточно, например, производство танков, самолетов, подводных лодок, ядерного оружия и других видов вооружений. Равно как и содержание армии, КГБ, МВД, предприятий военно-промышленного комплекса, организаций военной науки.

Пропорции между этими производствами, а также непроизводительными потерями и определяют выгодность или убыточность всего народного хозяйства.

Не забудем и то, что структура производства промышленной продукции за 73 года советской власти постоянно деформировалась в сторону милитаризации советской экономики. Удельный вес знаменитой группы «А» — производство средств производства — постоянно увеличивался. Если в 1913 г. он составлял 33,3% всей продукции промышленности, то в 1928 г.— 39,5%, в 1940 г.— 61,0% (тогда это было объяснимо — готовились к войне), в 1950 г.— 68,8% (началась «холодная война»), в 1970 г.— 73,4%, в 1980 г.—73,8%, в 1990 г.— 75,0%(!). К каким, спрашивается, битвам готовились в это двадцатилетие, какого супостата хотели сокрушить?

Зрелищами мы не обижены — чего-чего, а их у нас хватает. В зале Кремля сияют люстры и эполеты маршалов, в кадрах теле- и фотокамер лица Президента и его неулыбчивых соратников, портупеи, шевроны и погончики на худеньких плечах затянутых в неведомо какую форму девчонок и мальчишек. Загляденье?..

Накатываются на Красную площадь колонны танков и ракет, грохочут сапоги, блестят аксельбанты. «И женщины глядят из-под руки...»

Естественно, что за семь десятилетий большевистского господства удельный вес группы «Б» (производство предметов потребления) постоянно уменьшался: в 1913 г.— 66,7%, в 1940 г.— 39%, в 1990 г. — 25%.

Удельный вес продукции легкой промышленности сполз с 22,7% в 1960 г. до 13,9% в 1990 г. Пищевой промышленности — с 23,9% до 16,9%.

Если предприятия легкой и пищевой промышленности были в загоне и работали на допотопном малопроизводительном оборудовании, то предприятия военно-промышленного комплекса получали в первую очередь новейшие станки, оборудование, лучший высококачественный металл, в избытке топливо, электроэнергию. Сила и мощь военно-промышленного комплекса росли как на дрожжах с одновременным упадком и развалом гражданских отраслей народного хозяйства, что и привело в конце концов к полному краху экономики и абсолютному обнищанию всех трудящихся.

Не дикость ли: мы можем производить самостоятельно любой вид военной техники и вооружений, а прокормить, одеть и обуть свой народ без помощи Запада, без импорта продовольствия и сырья для легкой промышленности — ни в какую!

В 1964 г. импорт продовольствия в страну составил 1,4 млрд. руб., в середине 70-х годов он возрос до 6 млрд. руб., в 1985 г. — до 15 млрд. руб., а в 1989 г. достиг уже 20 млрд. руб. Разве не позор для великой страны везти с Кубы картошку? Не стыдно продавать ее весной 1985 г. по 10 копеек за килограмм, а весной 1991 г. — уже по 79?

В 1965 г. в торговлю поступило импортных промышленных товаров на сумму 4,2 млрд. рублей, в 1970-м — на 8,2, в 1980-м — на 21,6, в 1985-м — на 33,0 млрд. руб. Мы дошли до того, что завозим в СССР из Перу трусы и майки!

Итак, с одной стороны, мы имеем больше, чем все страны мира, вместе взятые, подводных лодок, с другой — только за перевозку 30 млн. тонн импортного зерна платим владельцам судовых компаний по одному миллиарду долларов ежегодно, а всего за фрахт иностранных судов — 2 млрд. долларов. Потому что на верфях Балтийского, Ждановского заводов в Ленинграде, кораблестроительных заводов в Николаеве, Северодвинске строятся только крейсеры, эсминцы, авианосцы, подводные лодки, но никак не сухогрузы, которые приходится покупать у Финляндии, Швеции, Польши.

Какую отрасль народного хозяйства ни возьми, диву даешься ее планированию. Например, в проекте плана на 1991—1995 гг. предусматривается сократить пополнение судов морского флота в 4 раза! Вместо того чтобы строить суда для себя, мы по воле Кабинета Министров СССР продаем танкеры и траулеры на Запад. Для совершения этих безумных сделок создан новый концерн «Судопромимпекс». Этим концерном планируется за пятилетие продать свыше 180 судов, более 200 катеров и другой техники, которые так необходимы нашему отечественному морскому флоту. Зачем мы все это делаем? Почему? Разор да и только.

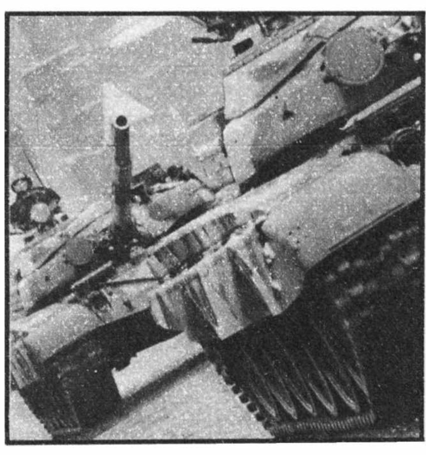
Несложный расчет свидетельствует, что в Советском Союзе удельный вес выгодных производств никогда не превышал 25% объема производства за все послевоенные годы. Поэтому все народное хозяйство СССР является экономически неэффективным, убыточным, и существуем мы еще только за счет распродажи наших национальных богатств — алмазов, золота, нефти, газа, леса, пушнины.

НЕИЗВЕСТНЫЕ ЛЮДИ

Министерство обороны, КГБ, МВД, предприятия военно-промышленного комплекса и военная наука, сосредоточенная в бывших «почтовых ящиках»,— все это трудно контролируемые организации, вернее совсем никем не контролируемые. Их бесконтрольность создавалась десятилетиями, это стало традицией, обычаем. Сколько людей, кто и чем занимается в этих организациях — никто ничего не

Фото Н. ГЛУХОВА

«...Вы поняли, куда они глядят?» Глядят с надеждой и незатаенной страстью российские бабы и мужики в бесконечных очередях за хлебом и водкой, мясом, молоком, овощами... Не на Президента глядят. Глядят на продавца, на грузчика, на шашлычного кооператора, на раздатчицу в дурно пахнущей столовке. Подойди к ним, скажи: «Зато мы делаем ракеты!» Хорошо, если рассмеются. Но лучше не подходи и не говори.

знает, все покрыто страшной тайной сверхсекретности.

В Советском Союзе, да и во всем мире, только немногие наслышаны, как велики военные расходы в СССР, но никто толком не знает, каковы они в действительности. Международные эксперты утверждают, что военные расходы в СССР составляют 18—20% валового национального продукта, в то время как в США 6—7%, а в Германии не более 2%. Наши же вожди, отвечая на этот нескромный вопрос любопытствующих, только загадочно улыбались и говорили на партийных съездах под бурные аплодисменты делегатов: «Тратим столько, сколько надо!»

Вот мы и хотим понять — сколько же?

Перепись населения 12 января 1989 г. показала, что трудовые ресурсы страны составляли 164,1 млн. человек, из них в народном хозяйстве занято 139,3 млн. человек, не занятых в народном хозяйстве — 24,8 млн. человек. Кто они, эти «незанятые»?

Военнослужащие, сотрудники КГБ, МВД, учащиеся общеобразовательных школ, производственно-технических училищ, студенты техникумов, вузов, аспиранты, домохозяйки, служители религиозных культов, заключенные.

Известно, что в СССР в 1989 г. было:

учащихся и студентов	— 11,7 млн. чел.
заключенных	— 0,88 »
домохозяек	— 2,5 »
служителей культов	— 0,06 »
	Всего — 15,14 млн. чел.

Следовательно, численность военнослужащих и сотрудников КГБ и МВД составит ни много ни мало — 9 миллионов шестьсот шестьдесят тысяч человек.

Известно, что численность армии была 4,5 млн. человек, в военно-строительных частях служило 329 тысяч, в железнодорожных войсках — 200 тысяч, в пограничных войсках — 220 тысяч и во внутренних войсках — 200 тысяч.

Следовательно, численность штатных сотрудников КГБ и МВД составляла: 9660 тыс.— 5449 тыс.=4.211 тыс. человек. Несложный подсчет, правда? И еще вопрос: много это или мало для боевой мощи и оборонительной достаточности, о которых так много говорят? Вспомним численность Рабоче-Крестьянской Красной Армии в годы гражданской войны, в мирные 20-е годы, в грозные 30-е, военные 40-е, мирные 60-е и сравним с численностью Советской Армии в наши дни. 1920-й год — 3 млн. 538 тыс. чел., 1921-й — 4 млн. 110 тысяч, 1924-й — 562 тысячи, 1928-й — 562 тысячи, к началу войны 1941 года — 5 млн. 300 тысяч, в конце войны, в 1945 году — 12 млн., в 1960-м — 1 млн. 360 тыс., в 1989 году — уже знакомые нам 4,5 млн. человек.

А в ВПК, знаменитом военно-промышленном комплексе, сколько наших сограждан занято? 14 миллионов 400 тысяч человек. А это как — много? Мало? Сравните сами: в машиностроительном комплексе, объединяющем предприятия бывших 11 министерств, трудятся 5 миллионов 100 тысяч человек.

А сам ВПК — что и кого объединяет? Считаем знаменитую «девятку»: министерства авиационной промышленности, судостроительной промышленности, общего машиностроения, оборонной промышленности, машиностроения, радиопромышленности, электронной промышленности, промышленности средств связи, среднего машиностроения.

Любопытно, что прародителем знаменитого Минсредмаша был сверхсекретный Специальный комитет (по атомным делам), образованный 20 августа 1945 г. под председательством Берии. На комитет было возложено руководство всеми работами по использованию внутриатомной энергии урана.

В 1953 году Специальный комитет был преобразован в Министерство среднего машиностроения СССР — невинное такое название, правда? А ведь занимались здесь делами нешуточными — созданием атомной и водородной бомб. Но это, разумеется, было тайной. С момента создания Спецкомитета его председатель, начиная с Берии, нигде, никогда, ни перед кем не отчитывался. Так же поступали и министры средмаша. О расходах могучих спецведомств знал только один сталинский нарком финансов Зверев, правивший с 1938 по 1960 год! Все тайны Минсредмаша он унес с собой в могилу.

НЕ СЧЕСТЬ МИЛЛИАРДОВ

Немногие знают, что в нашей стране нет ни одного промышленного министерства, ведомства, которое бы прямо или косвенно не работало на военно-промышленный комплекс, военную науку, армию, КГБ, МВД.

Черная металлургия поставляет 60% всей продукции госзаказа предприятиям ВПК, 5% — военной науки, 10% — армии, КГБ, МВД. Цветная металлургия полностью работает на ВПК. Топливно-энергетический комплекс 60% топлива поставляет армии, КГБ, МВД и 15% — ВПК.

Не отстают и предприятия Минстанкопрома: они направляют 60—70% продукции — металлорежущие станки, кузнечно-прессовые машины, литейные машины, инструмент — своему крупнейшему потребителю — машиностроительным предприятиям ВПК.

Этому же прожорливому комплексу Минэлектротехпром отправляет более половины электромоторов, электроаппаратов, трансформаторов, генераторов к паровым и газовым турбинам, аккумуляторы, кабели. По этим же адресам гонят свою продукцию Минавтопром (автомобили), Минэнергомаш (дизели, передвижные электростанции, турбины), Миннефтехимпром (бензин, керосин, мазут).

Промышленность строительных материалов дает ВПК не менее 30% технологиче-

ского оборудования для производства железобетонных конструкций и деталей для строительства ракетных шахт, аэродромов, космодромов, пирсов, укрепрайонов.

Поставки продукции всеми промышленными комплексами для предприятий ВПК, военной науки, армии, КГБ, МВД умопомрачительны: они составляют 485 млрд. рублей. Правда, заводы ВПК все же произвели для нас товаров народного потребления на 30 млрд. рублей. Спасибо, конечно, но тогда полностью «на оборону» ухлопано 455 миллиардов наших с вами рублей! Но и это еще не все, мы забыли бюджетные централизованные расходы на военное строительство — не менее 10 млрд. рублей и на военную науку — 15 млрд. рублей. Итого, общие военные расходы СССР составили у нас уже 480 миллиардов! А это значит, что они поглотили 51,9% валового национального продукта, или 73,1% произведенного национального дохода. Какая экономика не рухнет от такой непосильной ноши?

ВЫБРОШЕННЫЕ ДЕНЬГИ

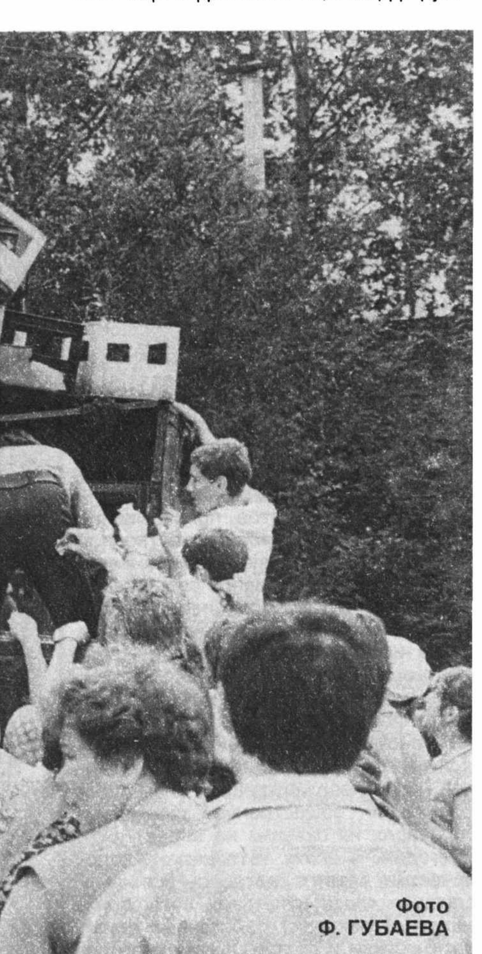
Заместитель Председателя Совета Министров СССР И. С. Белоусов не так давно объявил, что «за последнюю пятилетку Советский Союз поставил за рубеж вооружений и военной техники почти на 56,7 миллиарда рублей. В том числе в 1990 году — примерно на 9,7 млрд. руб. Безвозмездная военная помощь за последние пять лет составила 8,5 млрд. руб.».

«Ну и что? — слышу я голоса своих оппонентов.— Многие страны торгуют оружием, иногда дарят его в своих интересах. Те же США, например. Они что — разорились от этого?» Разница между СССР и США в торговле оружием заключается как раз в том, что 75% экспорта оружия США приходится на промышленно развитые страны, а Советский Союз поставлял свое вооружение в бывшие социалистические и развивающиеся страны. Догадываетесь, какую выгоду мы получили от наших сделок?.. Правильно, никакой.

Более того, на 1 ноября 1989 г. задолженность зарубежных государств своему благодетелю — Советскому Союзу достигла 85,8 млрд. руб. Кто верит, что нам вернут хоть рубль из этого долга? Плакали наши денежки!

Зампред Совмина гордится тем, что мы вывезли за границу тысячи танков, артиллерийских орудий, сотни тысяч автоматов, но «простодушно» не знает, получили мы за это деньги или нет. Это самая яркая и характерная черта руководителя военно-промышленного комплекса. Он никогда и не считал деньги: сколько запрашивал — столько получал, сколько просил — столько давали.

Напомним ему, да и просветим наших бедных сограждан, что крупнейшими должниками являются среди недавних «братских» стран: Куба — 15,5 млрд. руб., Монголия — 9,5 млрд. руб., Вьетнам — 9,1 млрд., Польша — 4 млрд. и КНДР — 2,2 млрд. руб. Общая сумма задолженности бывших и нынешних социалистических стран достигла 43,8 млрд. руб.

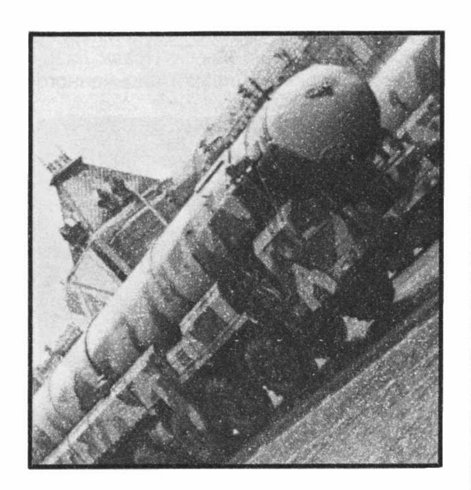

Фото Ф. ГУБАЕВА

Не отстали от них и развивающиеся страны. Индия должна 8,9 млрд. руб., Сирия — 6,7, Ирак — 3,8, Афганистан — 3,0, Эфиопия — 2,9, Алжир — 2,5, Ангола — 2,0, НДРЙ — 1,8, Ливия — 1,7, Египет — 1,7, Никарагуа — 0,9 млрд. руб. Все вместе — 42,0 млрд. руб. Словом, торговали в убыток себе. Вернее, нам, налогоплательщикам: это ведь из нашего с вами кармана уплыли миллиарды рублей, разбазаренных щедрым за народный счет правительством.

Еще одна проблема с нашей военной помощью возникла, когда 2 октября 1990 г. прекратила свое существование бывшая Национальная Народная Армия бывшей Германской Демократической Республики. У правительства ФРГ появилась еще одна забота: куда деть доставшиеся ему боевую технику и вооружение советского производства?

Куда деть 3032 танка Т-72 и Т-62, 5744 бронетранспортера, 2140 артиллерийских орудий, 400 боевых самолетов, 1,2 миллиона единиц стрелкового оружия, более 300 тысяч тонн боеприпасов? Куда сбагрить 250 миллионов патронов к автоматам Калашникова и что делать с самими автоматами, которых набралось 400 тысяч штук? Кому предложить 24 сверхзвуковых, всепогодных истребителя-перехватчика МИГ-29? Кому нужны 65 самолетов МИГ-23, 251 самолет МИГ-21, 54 бомбардировщика Су-22, 165 ракет класса «земля — воздух» и к ним вдобавок один миллион литров ядовитого реактивного топлива?

А тысячи армейских грузовиков, бронетранспортеров, вездеходов, полевых кухонь, понтонных мостов и прочей боевой техники — их куда? Кому? Уничтожить? Но это стоит денег немалых: чтобы разрезать на части только один танк Т-72, требуется 300 часов рабочего времени, а стоимость работ составляет 32 тысячи марок.

Заметим, кстати, что стоимость танка Т-72 на внешнем рынке достигает 1,5 млн. долларов, самолет МИГ-29 можно продать за 30 млн. долларов. Автомат Калашникова на черном рынке стоит 1000 долларов — его с удовольствием купят в Африке, Азии и на Ближнем Востоке.

И началась распродажа как новехонькой советской военной техники, так и бывшего в употреблении оружия любых марок и любых калибров по бросовым ценам, по дешевке кому угодно и куда угодно. Прекрасный пистолет Макарова шел по цене 10 марок за штуку! Солдатские шапки-ушанки продавались по 20 марок, офицерские шапки — по 30 марок, армейские часы — по 50 марок, полевые бинокли — по 120 марок.

Все военное снаряжение и имущество бывшей армии ГДР, которое оценивалось в начале 1990 г. в 90 млрд. марок и которое Советский Союз поставлял ГДР в течение 45 лет, было распродано за полгода. Выручив немалые деньги, правительство Германии сделало широкий жест и обязалось до конца 1994 г. выплатить СССР 12 млрд. немецких марок (это из наших-то 90!), из которых 7,8 млрд. пойдет на финансирование строительства 4 миллионов квадратных метров жилой площади для 380 тысяч советских военнослужащих, покидающих Германию. Немцы планируют построить 35 тысяч квартир для офицеров и прапорщиков, уезжающих из Германии. 35 тысяч квартир на 380 тысяч военнослужащих! Не густо! Очередь на жилье для советских офицеров с немецкой помощью чуть-чуть подвинется, но не более. Впрочем, спасибо и за это — ведь наше родное военное ведомство в 1991 году даст бездомным офицерам и прапорщикам всего 64 тысячи квартир.

Фото Н. КОРПУСЕНКО

Более парадоксальную, более нелепую ситуацию трудно придумать. Мало того, что военно-промышленный комплекс успешно разорил и продолжает окончательно разорять народ, он едва не по миру пустил и простой военный люд. На все находятся деньги — на новые бомбардировщики и крейсеры, на танки и ракеты, на снаряды и мундиры, но только не на достойное жалованье офицерам, только не на жилье для них, только не на обустройство их семей.

Вот и подумаем: сможет ли быть такая обобранная армия нашей с вами защитницей, много ли охотников по собственной воле встанут под ее знамена? И вообще, долго ли еще молох ВПК будет гвоздить по нашей экономике, по благосостоянию граждан, за счет которых он жирует?

Вопросы эти задаются не впервые. Ответов как не было, так и нет.

КОРДЕБАЛЕТ С ПАРТБИЛЕТОМ

Казалось бы, обычная книжечка в полужестком переплете, один из десятка документов, с неотступностью конвоира сопровождающих советского человека на жизненном пути... Но с каким душевным трепетом и замиранием сердца привыкли мы произносить это слово — «партбилет»! Все, что относится к нему, было издавна окружено ритуалами: его не выдавали, а «торжественно вручали», не сдавали, а «клали на стол». Как ненаглядное дитя в теплую пеленку, укутывали, предохраняя от повреждений, в дополнительную обложку. «Носили у сердца», уезжая в командировку, прятали в сейф. Записи — цифры, обозначающие сумму уплаченных взносов, делали особыми чернилами.

Владимир РЕЗНИЧЕНКО

«У м, честь и совесть...» напечатано на второй его странице, но разве заботились мы об их сбережении с той же бдительностью, как пеклись о сохранности самого партбилета? Оно в общем-то и понятно: ум, честь и совесть — предметы отнюдь не вещественные, утрачены ли они или нет, надо еще доказать. А вот партбилет — вещь вполне материальная, потеряешь — никак не скрыть, и какими карами грозит подобная потеря бедняге, ее допустившему!

Если учесть еще, что, как и всякое сокровище, партбилет имеет явно выраженное свойство теряться, пропадать, становиться жертвой похитителей, нетрудно представить себе, сколько стрессов, треволнений и переживаний испытывает коммунист, стремящийся вопреки всем превратностям судьбы сохранить вверенную ему святыню. Естественно, эти бурные человеческие эмоции не могли не вылиться на страницы советской художественной литературы, где мотив «пропавшего партбилета» занял — и занимает до сих пор — достойное место.

Одним из зачинателей темы стал поэт Александр Безыменский, рисующий в написанном в 1923 году стихотворении подходящую скорее не для лирики, а для детективного жанра ситуацию: партбилет похищен, причем сделали это не какие-нибудь заклятые классовые враги, а... ближайшие родственники самого поэта. Конкретно — его мать. «Капитал» ты читал — капитала не нажил», «побыл в партии — будет теперь», в силу своей политической несознательности решила она —

И однажды, при помощи брата,
Выкрала мой партбилет
И, его в закоулок запрятав,
Расцвела, как маков цвет.

В стихотворении ничего не рассказывается о поисках пропажи — видимо, покраснев, пожилая женщина сразу же выдала себя и была поймана с поличным. Поэт сообщает лишь, что вынужден был провести со своей родительницей разъяснительную беседу, не приведшую, однако, к полному взаимопониманию:

Не понять ей, старенькой маме,
Пятнышку в нашей борьбе,
Что ношу партбилет не в кармане —
В себе.

Этой виртуозной концовкой рассматриваемая тема в творчестве Безыменского тем не менее не завершается. Она получает развитие в другом стихотворении, где упор делается как раз на розыске партбилета, причем этот розыск достигает поистине космических масштабов:

Весь мир грабастают рабочие
ручищи,
Всю землю щупают.— в руках
чего-то нет...

— Скажи мне, Партия, скажи мне,
что́ ты ищешь? —
И голос скорбный мне ответил:
— Партбилет...

Что же это за вселенский шмон? Лишь внимательно вчитавшись в текст, догадываешься, что стихи, написанные в 1924 году, посвящены... смерти Ленина. Воистину от великого до смешного один шаг! Но у образной системы и системы политической, где понятие «документ» стоит выше понятия «человек» («без бумажки ты букашка»), свои законы.

Один лишь маленький, один билет
потерян,
А в боевых рядах — зияющий
провал...

В то время как поэты, бывшие счастливыми обладателями партбилетов, старались беречь их как зеницу ока, беспартийные стихотворцы жестоко страдали от чувства собственной неполноценности. Таков, например, случай Владимира Маяковского, подсознательно пытавшегося заменить отсутствующий партбилет сходными по форме и назначению образцами печатной продукции. «Я достаю из широких штанин дубликатом бесценного груза...» «Я подыму, как большевистский партбилет, все сто томов моих партийных книжек...» Но как ни молоткаста и ни серпаста «краснокожая паспортина», как коммунистически ни идейны поэтические тома, все-таки они — и Маяковский, по-видимому, это отчетливо сознавал — могут служить даже не «дубликатами», а скорее лишь эрзацами священного символа...

Но спустимся с высот поэзии и обратим свои взгляды к прозе. Поиски пропавших партбилетов в повседневной жизни и соответственно в отражающей ее художественной литературе продолжаются и сейчас. При этом тревога об их целостности преследует дисциплинированного коммуниста постоянно — даже когда он нежится в постели со своей возлюбленной.

Вот как описывает подобную ситуацию Юрий Поляков в повести «Апофегей» («Юность», 1989, № 5). «Однажды на явочной квартире они лежали в состоянии глубокого энергетического кризиса, и Чистяков с расслабленным недоумением сообщил Наде, что его срочно вызывают в партком... «Ты... Послушай, Валера,— вдруг совершенно серьезно проговорила Надя,— может, ты свой партбилет потерял? Ты давно его последний раз видел?» «Позавчера. Я взносы платил...» — посерел Чистяков и метнулся к пиджаку, повешенному на спинку стула. Билет с вложенной в него аккуратной промокашечкой был на месте. «Ты, Чистяков, станешь большим человеком,— грустно предсказала Надя.— У нас любят пуганых...» Разобидевшийся Валера вскочил и стал одеваться. «Это разрыв?» — тоскливо спросила Надя, но он ничего не ответил, а только засопел в ответ...»

«Субботнее утро старик Бронштейн провел в поисках партийного билета,— так начинается рассказ Бориса Косвина «Ассимилянты» («Знамя», 1990, № 10).— Поиски напоминали обыск. Исаак Лазаревич перерыл все ящики письменного стола, одежный шкаф и сервант. Теперь примеривался к комоду.

— Ой, все! — причитал старик посреди комнаты, вцепившись пальцами в остатки седых волос.— Ой, что я буду делать?! Меня исключат как вредителя!»

Супруга Бронштейна, Фира Львовна, пытается урезонить мужа: «Чтоб ты так разрывался, когда потеряешь квитанцию на кладбище...» — но тот не успокаивается, пока пропажа наконец не обнаруживается (партбилет неожиданно оказывается в стоявшем под вешалкой резиновом сапоге). Увы, далеко не все происшествия такого рода имеют благополучную развязку.

«Не про нас будь сказано»,— оговаривается суеверная Фира Львовна, некстати помянув про кладбище, но замогильные мотивы, кажется, сами напрашиваются в сюжет, когда речь идет о пропавших партдокументах. В своих «Песнях восточных славян» («Новый мир», 1990, № 8) Людмила Петрушевская рассказывает про некоего полковника, который прилетел с фронта в отпуск к жене, «но за час до его прилета жена умерла. Он поплакал, похоронил жену и поехал на поезде назад, как вдруг обнаружил, что потерял партийный билет. Он обшарил все вещи, вернулся на тот вокзал, откуда уехал, все с большими трудностями, но ничего не нашел и наконец возвратился домой. Там он заснул, и ночью ему явилась жена, которая сказала, что партбилет лежит у нее в гробу с левой стороны, он выпал, когда полковник целовал жену».

Впоследствии полковник откапывает гроб — на что не пойдешь, чтобы вернуть утраченную драгоценность! — и действительно обнаруживает там партбилет, но в результате происшедшего загадочным образом попадает в потусторонний мир сам. «Это был совсем не его полк, здесь находились и пехота, и артиллеристы, и Бог знает еще кто, все в порванном обмундировании, с открытыми ранениями рук, ног, живота, только лица у всех были чистые...» Так партбилет на поверку оказывается билетом на тот свет, пропуском в небытие.

...В разговоре на затронутую нами тему трудно обойтись без слова «фетиш», происходящего от португальского «фейтису», что означает «колдовство», а также «талисман» или «амулет». Философские словари объясняют понятие «фетишизм» как обоготворение отдельных вещей и предметов, приписывание им таинственной, сверхъестественной силы. При этом отмечается, что марксизм раскрыл объективное содержание фетишизма, исторически первоначальная форма которого «была порождена крайне низким уровнем культуры первобытного человека». Однако о том, сколько фетишей было создано последователями самого марксистского учения и с каким самозабвением поклоняются им люди, принадлежащие в отличие от невежественных дикарей к «высшей» общественной формации, в словарях не сказано ни слова.

Сегодня, в эпоху тотального идолоборчества, летят в тартарары вся намозолившая глаза культовая бутафория, мишурный реквизит балаганных факиров. Бюстики и статуи, портреты и цитатники, «вечно живые» мощи и многопудье нагрудных побрякушек... Многие из тех, кто годами носил партбилеты «у сердца», спешат расстаться с ними, возвращая туда, где получали, а иные даже подвергают их публичному аутодафе, то есть в буквальном смысле «сжигают то, чему поклонялись».

Но достаточно ли сжечь ставший ненавистным фетиш, дабы окончательно освободиться от злых чар — особенно тем, кто подобно поэту Безыменскому носил партбилет «не в кармане», а «в себе»? Идолы, как старые, мощные деревья, пускают глубокие корни — в земляных пластах, в человеческих ли душах,— и нужно приложить немало сил, чтобы выкорчевать их оттуда, да еще так, чтобы не убить и не покалечить при этом живую ткань. Сумеем ли?

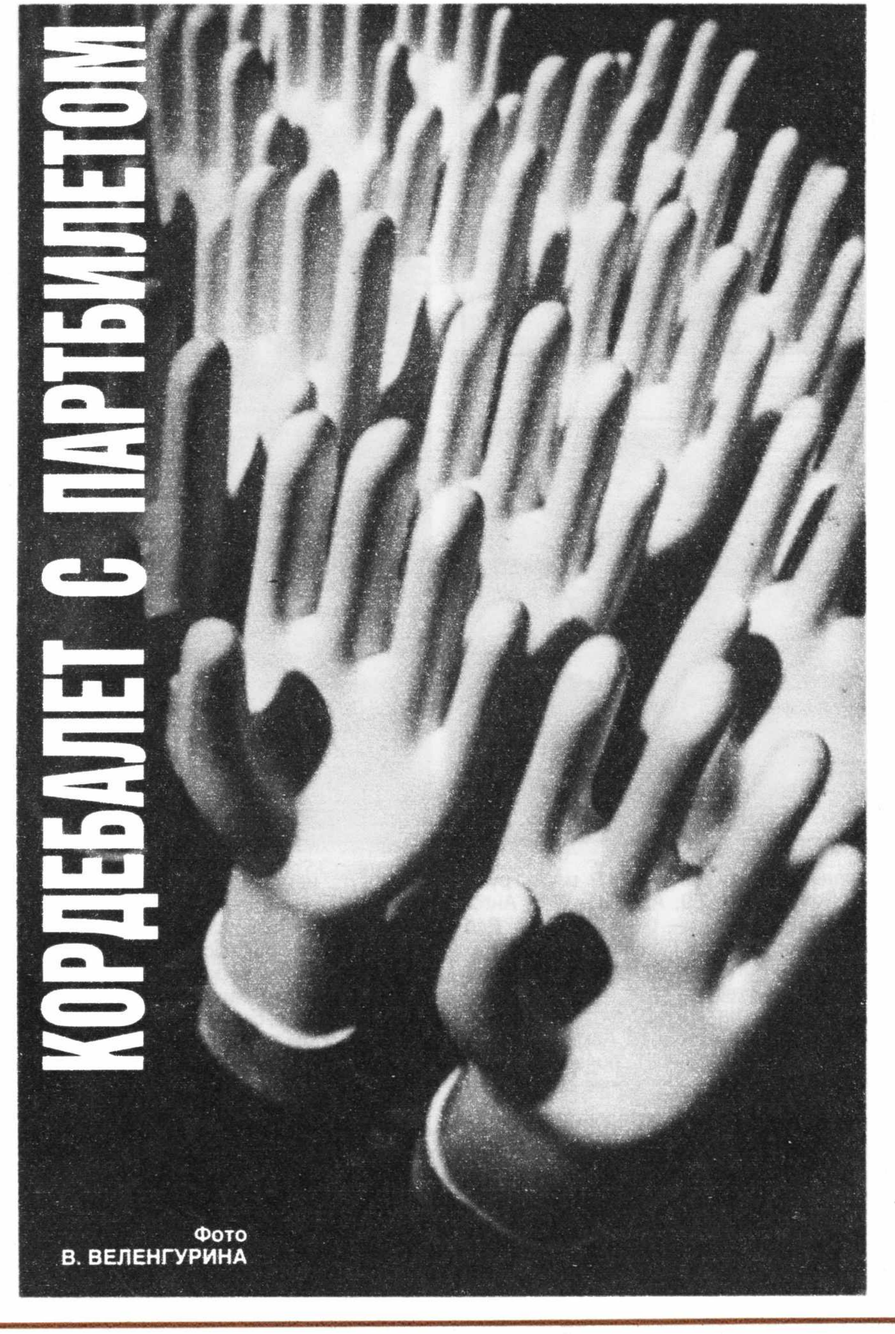

Фото В. ВЕЛЕНГУРИНА

Семейный альбом

Рубрику ведет Владимир ПОТРЕСОВ

Люди, относящиеся, как принято говорить, к старшему поколению, хорошо помнят эту фамилию — доктор Розанов. Выдающийся хирург, один из родоначальников отечественного протезирования, он сохранил жизнь и работоспособность тысячам наших сограждан, многим солдатам и офицерам русской армии, пострадавшим в русско-японскую и первую империалистическую.

Судьба снимков из семейного альбома Владимира Николаевича Розанова сложна и трагична. В тридцатые пришлось уничтожить многие семейные реликвии. Погибла и та фотография, которую сегодня мы публикуем в нашей рубрике, где вместе с доктором Розановым и персоналом Солдатенковской больницы запечатлена императорская фамилия. История этой фотографии такая: в 1914 году Николай Александрович Романов вместе с семейством решил посетить хирургическое отделение больницы, дабы убедиться в возможностях самого передового по тем временам способа врачевания. После осмотра отделения гостей пригласили на чай, который состоялся в домике священника больничной церкви. Вот на пороге этого домика и сделан снимок, один из отпечатков которого недавно был обнаружен родственниками Владимира Николаевича.

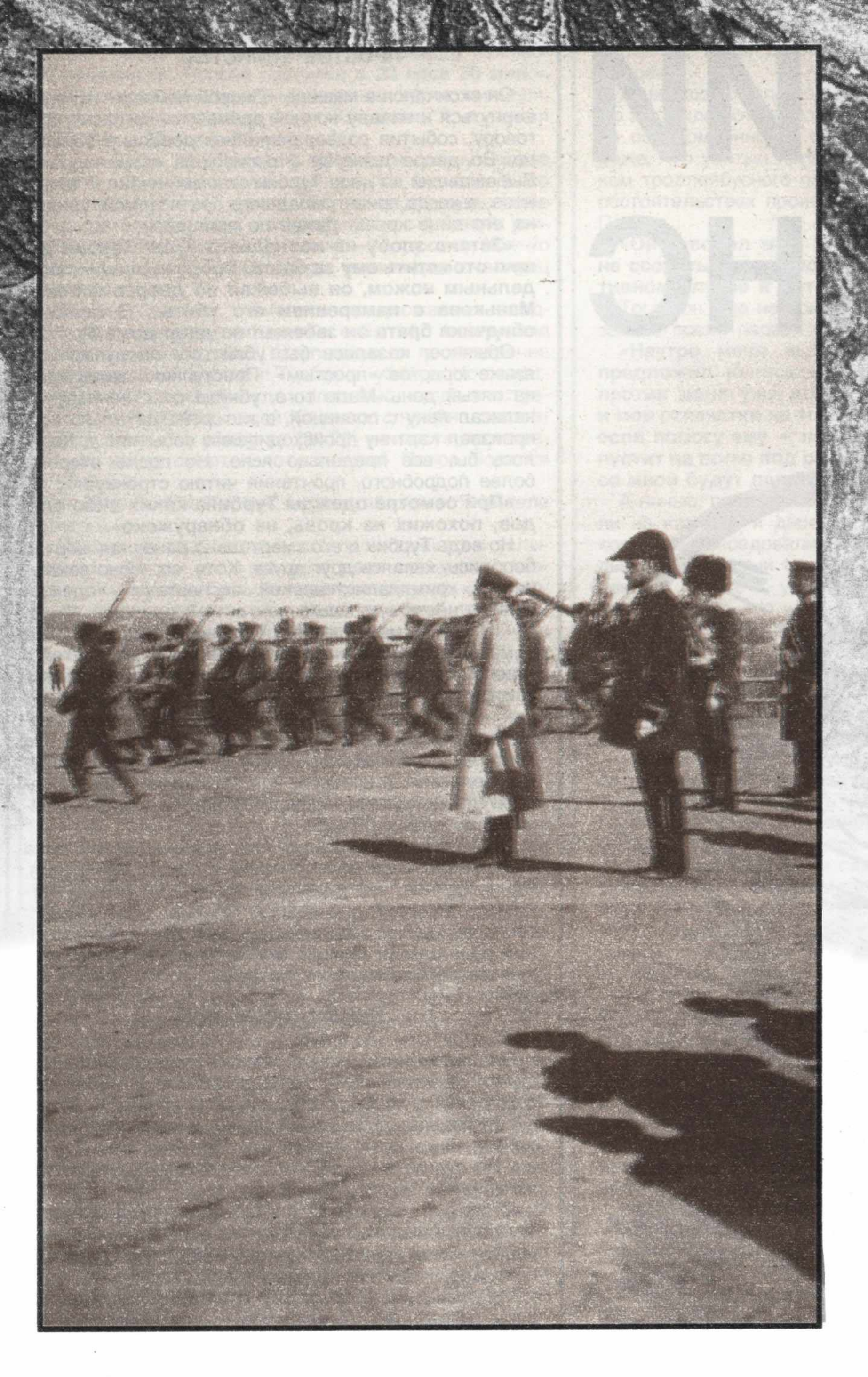
Страшно становится, когда осознаешь, сколько важного из нашей исторической памяти теряем мы каждый день. Фотографии из семейных архивов в какой-то степени позволяют снизить эти потери.

О докторе Розанове написа-

но немного: эпическая поэма в стихах про то, как Владимир Николаевич спасал жизнь Ленину, а из серьезных произведений — сборник воспоминаний, выпущенный в тридцатых годах, и небольшая брошюра, изданная в наше время. Написана она в лучших традициях послеоктябрьской мифологии и большей частью посвящена событиям, связанным с операцией вождя. Несколько меньше сказано о Розанове, а о таком важном событии в его жизни, как участие в боевых действиях на Дальнем Востоке, — всего три строчки.

Восполнить этот пробел почти через девяносто лет помогли нам фотоснимки, любезно предоставленные внуч-

кой Розанова, врачом Ириной Ильиничной Соковня. На большинстве фотографий мы не видим доктора, поскольку он был автором снимков. А снимал он события 1904 года, когда вместе с другими медиками в составе первого санитарного отряда Москвы отправился на Русско-японский фронт.

Сюжеты самые различные: торжественный марш и новобранцы из местных жителей на фоне санитарного поезда, походный храм, развернутый в одном из сибирских крепких домов, и нехитрая провинциальная реклама...

Узкие рамки журнала позволяют показать лишь незначительную часть фотонаследия доктора Розанова.

ПОСЛЕДНИЙ ШАНС

Михаил КОРЧАГИН,
специальный
корреспондент «Огонька»

Счет шел на секунды. «Скорая» примчалась через десять минут. Фара высветила часть двора, где и разыгралась ночная драма. В те минуты он был еще жив. Луч света прошелся по толпе зевак, обступивших лежащее на земле тело, высветив на миг двух неизвестных, одетых в милицейскую форму. Когда его перенесли в «Скорую», неизвестных уже не было. Они исчезли так же неожиданно, как и появились на месте происшествия...

«ДЕЛО СЕКРЕТНОЙ ВАЖНОСТИ»

Два удара ножом оказались смертельными. Попова отвезли в морг, а наутро возбудили уголовное дело по факту...

Я обратился к этому случаю, когда уже был вынесен приговор, а имя злодея называлось открыто. И может, не заинтересовался бы я этим фактом всерьез, если бы предварительно не позвонил заместителю прокурора области Н. Пасечному.

— Дело мы вам не дадим. Зря приедете! — услышал я на другом конце провода.

— Оно с грифом «секретно»? — удивился я. На что трубка ответила частыми гудками.

Честно говоря, короткий этот разговор подогрел мой профессиональный интерес, и я поспешил в город Воронеж, где разыгралась та ночная драма. Где в одном из прокурорских сейфов хранилось это дело об убийстве...

— К сказанному по телефону ничего добавить не могу,— отрезал недавний телефонный собеседник.— Спрашивайте разрешение у Москвы.

До Москвы было далеко. Уговоры не давали результатов. Явно уклоняясь от разговора, Пасечный буквально выбежал из прокуратуры и торопливо укатил на «Жигулях». Командировка была под угрозой срыва. И я решил найти кого-либо из местных юристов, который приподнял бы завесу.

Первым утратил бдительность бывший следователь С. Постников. Не ведая о табу, наложенном областной прокуратурой на дело № 2-54, он достал из сейфа копию обвинительного заключения. Вторым «раскололся» бывший судья В. Сухарев, снабдив меня копией приговора.

Итак, адреса свидетелей были в моей записной книжке. Я отправился по ним И лишь в конце расследования понял, почему столь обычное дело об убийстве возводилось прокуратурой чуть ли не в ранг государственной тайны...

ПРОСТОЕ УБИЙСТВО

Он скончался в машине «Скорой помощи». И, если вернуться к началу ночной драмы, то, согласно приговору, события разворачивались довольно банально. Во дворе дома № 3 произошла пьяная драка. Выбежавший во двор Турбин-старший избил Г. Манькова, а когда привел младшего брата домой, увидел на его лице кровь. Далее по приговору:

«Затаив злобу на последнего, Олег Турбин решил отомстить ему за брата. Вооружившись самодельным ножом, он выбежал во двор в поисках Манькова с намерением его убить... В поисках обидчика брата он забежал во двор дома № 7...».

Обычное, казалось бы, убийство, именуемое на языке юристов «простым». Преступника задержали на пятый день. Мало того, убийца собственноручно написал явку с повинной, в которой «детально воспроизвел картину происходившего события...». Казалось бы, все предельно ясно. Но после второго, более подробного, прочтения читаю строчку:

«При осмотре одежды Турбина каких-либо следов, похожих на кровь, не обнаружено».

Но ведь Турбин и его смертельно раненная жертва боролись, касаясь друг друга. Хотя, согласно заключению криминалистической экспертизы, «одежда убийцы не находилась в контакте с одеждой убитого». И тем не менее куртка Турбина была приобщена к материалам дела как вещественное доказательство. К последним отнесли и «лоскут кожи с трупа убитого». Но что доказывали и эти, и такие улики, как «майка, рубашка, брюки убитого»? Честно говоря, создавалось впечатление, что следствие во что бы то ни стало пыталось заполнить пустующую ячейку следствия, в которой, как выяснилось, не оказалось главной улики — орудия убийства: ножа с отпечатками пальцев Турбина.

И все-таки чашу весов явно перевешивала явка с повинной — документ, легший в основу обвинения. Единственное, что удивляло в нем, так это та легкость, с которой он писался. По сути дела, Турбин собственноручно подписывал документ, грозивший ему расстрелом. Именно эту меру и потребовал общественный обвинитель на суде...

ЯВКА С ПОВИННОЙ

Она была написана на шестой день после совершения убийства. Но ни тени раскаяния, ни намека на сожаление о том, что оборвана чужая жизнь. Будто писал маньяк или наемный убийца, привыкший к кровавому ремеслу. Я интересовался личностью Турбина. Не судимый ранее, заботливый семьянин, «мухи не обидит», а тут вдруг...

Стараюсь вникнуть в содержание документа. У любого умышленного убийства обязательно должны быть хоть какие-то мотивы. Более чем странным показалось мне написанное в приговоре:

«Желая выместить **злобу в отношении Манькова**, с целью умышленного убийства **набросился на Попова** и нанес ему два удара ножом...»

Почему злоба была «в отношении Манькова», а «набросился на Попова»? Если бы убил Манькова, это еще как-то можно было объяснить. А тут...

В те трагические минуты дело шло к полуночи, и Турбин мог перепутать Манькова с Поповым. Кстати, именно этой версии и придерживался суд. Но в том же приговоре судьи начинают противоречить сами себе:

«Турбин не мог по ошибке убить Попова, т. е. спутать последнего с Маньковым — Маньков на 20 лет моложе Попова, на 10 см выше и после драки с подсудимым Турбиным был по пояс обнажен».

Зачем понадобилась ему жизнь Попова, которого он видел впервые и никакой неприязни к нему питать не мог? И почему, желая свести счеты с Маньковым, направился он в дом № 7, если отлично знал, что обидчик брата жил в доме № 5 — подъезд напротив?

Вопросы, вопросы... Все больше и больше появлялось их в моем блокноте, когда в поисках истины опрашивал я живых очевидцев случившегося в ту драматическую ночь...

КУРАНТЫ БЬЮТ В ПОЛНОЧЬ

Именно их бой услышала М. Америцких, когда в ту ночь вернулась домой. В **23.45** она пыталась разнять дерущихся ребят и помогла избитому Манькову дойти до квартиры. В это же время (**23.45.— *М.К.***) домой вернулись и братья Турбины. А далее, согласно приговору, разъяренный Турбин-старший схватил нож и выбежал на улицу...

Итак, согласно приговору, **сначала** была драка с Маньковым, **потом** убийство Попова. Если бы наоборот, то терялась логическая последовательность событий. Одно событие должно быть связано с другим. И на этом я вряд ли стал бы акцентировать внимание, если бы не два следующих обстоятельства:

«Согласно сообщению из отделения «Скорой по-

мощи», вызов на ул. Комарова, 7, по поводу ножевого ранения гр. Попова поступил **в 23 часа 30 мин.».**

«Согласно документам дежурной части милиции, сигнал о происшествии на ул. Комарова, 7, поступил в РОВД в **23 часа 30 мин.».**

И милиция, и «Скорая» примчались минут через десять. По времени выходило, что сначала было убийство, а потом драка! Это же подтвердила мне и свидетель Локтева, которая, гуляя с собакой, увидела приехавшую за Поповым «Скорую» и только потом — драку. То же самое утверждал очевидец Виноградов.

Иными словами, ломалась предложенная следствием последовательность событий, всплывала масса несоответствий, вступающих в противоречие с официальной версией: Турбин — убийца. Но пошатнувшаяся версия рухнула полностью, когда я встретился со свидетельницей Киценко, случайно оказавшейся в момент убийства **(23.20)** на месте происшествия, когда смертельно раненный Попов боролся с убийцей.

— Это был не Турбин,— сказала она.— Я видела другого...

Честно говоря, после всего прочитанного и услышанного не так уж и удивило меня сказанное главным свидетелем. Больше поражало другое: как остались неуслышанными ее слова и во время предварительного следствия, и на трех судах, где каждый раз выносился обвинительный приговор; и почему два следователя, трое судей, словно по сговору, дружно лавировали между рифами противоречий, наводнивших приговор...

СИНДРОМ ЦАРИЦЫ

Я специально нашел время, чтобы встретиться с теми тремя судьями, чтобы уточнить некоторые детали дела. В. Ботвинников после процесса над Турбиным пошел на повышение. Отныне он председатель Коминтерновского райсуда. В. Хорошевцев продолжает выступать в том же амплуа в облсуде. В. Сухарев, оставив судебное кресло, ныне подвизается на ниве адвокатуры.

Я надеялся услышать от них подробности дела и объяснения противоречий, ставящих под сомнение вынесенные ими обвинительные приговоры. Но словно о невидимую стену разбивались мои вопросы.

— Не помню...— разводил руками каждый, путая даты, фамилии свидетелей, обстоятельства.

Итак, все забыто... Подписан приговор, дело легло пылиться в архив, а живой человек, прошедший бездушный конвейер правосудия, стал не более чем отработанным материалом.

По правде говоря, когда шел на встречу с ними, рассчитывал увидеть трех престарелых судей, вцепившихся в неплохо оплачиваемые кресла. Надеялся встретить судей уходящей генерации, верой и правдой отслужившей идеям Вышинского. Но каким же было мое удивление, когда передо мной предстали мои же ровесники — то самое «племя младое», которому строить правовое государство, обновлять советский суд. На кого в таком случае надеяться всем нам, если уж и они голословное признание считают Царицей доказательств.

— Но ведь он написал явку с повинной... Сам написал...— стояли на своем вершители судеб.

Да, написал. Но ведь что-то заставило его сделать это? Не проснувшаяся же совесть — убивал-то не он! Тогда что? От явки с повинной он начал отказываться уже в следственном изоляторе. Этому предшествовали три дня, проведенные в камере. Первые три дня в неволе...

«УБЫЛ В НЕИЗВЕСТНОМ НАПРАВЛЕНИИ...»

Об этих днях я узнал из дневника Олега Турбина:

«В первый же день ко мне в камеру пришел следователь Бобков. Он начал меня уговаривать написать явку с повинной. Я отказался. Но днем раньше, когда меня держали в Советском РОВД, он прибегнул к хитрости — протянул мне какой-то нож, спрашивая при этом, не знаком ли мне был тот нож. Ни о чем не подозревая, я взял его в руки, сказав, что вижу впервые. А когда возвращал нож следователю, услышал его иезуитскую фразу: «Вот и отпечатки пальцев на ноже... Не отвертеться тебе, парень...»

Я оторопел от неожиданности. Заметив это, Бобков ехидно улыбнулся, сказав подбадривающе: «Да ты, паря, не тушуйся, а лучше подумай, как быть дальше...»

А дальше было вот что. Его бросили в камеру. Там-то его и ждал человек, которого он видел впервые (позже выяснилось, что это был некто Михаил Лисянский, подозреваемый в краже личного имущества. Он исчезнет потом и, согласно тюремной документации, «убудет в неизвестном направлении». Пока же сокамерник представился просто «дядей Мишей»).

— Плохи твои дела, парень, коль угодил сюда,— вкрадчиво начал дядя Миша и заговорил об убийстве Попова.

Лишь позже Олег понял, кем являлся его сосед. Но это было потом. Пока же Олег слушал и удивлялся осведомленности собеседника. Последний знал даже, что убитый являлся орденоносцем, передовиком троллейбусного парка. Ведал он и о некоторых обстоятельствах происшедшего, и о том, чем убили Попова.

«Он говорил мне, что лучше со следователем не ссориться и написать явку с повинной. В противном случае я потеряю здоровье».

Тогда он еще не понимал смысла последней фразы. Но после первой бессонной ночи понял.

«Наутро меня вызвал следователь и снова предложил написать явку с повинной, так как против меня уже достаточно улик, в том числе и мои отпечатки на том ноже. Он уверял меня, что если помогу ему — напишу, что продиктует,— отпустит на волю под расписку. А если откажусь, то со мной будут делать то же, что делали ночью...»

А ночью, после бесед с дядей Мишей, его выводили из камеры, и двое рослых парней в отдельной комнатке «беседовали» с ним по-свойски — прикладывали увесистый том уголовно-процессуального кодекса к голове и, ударяя по своду законов, давали почувствовать его «силу». Синяков и других следов побоев после таких «бесед», как правило, не бывает.

Олег снова ничего не написал. И все повторилось в той же последовательности: вечерние беседы с дядей Мишей — ночное «изучение» тома УПК — утренний торг в кабинете следователя.

«Когда я снова вернулся в камеру, то словно за соломинку ухватился за довод дяди Миши. Единственная возможность доказать свою невиновность, думал я,— это вырваться отсюда под расписку на волю. В КПЗ все было направлено на то, чтобы выжать из меня самооговор. Впервые оказавшись в такой обстановке, я смалодушничал и, видя безысходность своего положения, под диктовку дяди Миши написал явку с повинной. Я был уверен, что докажу свою невиновность, как только вырвусь на свободу под подписку...»

После письменного «раскаяния» его повезли опознавать место убийства, где, путаясь, по подсказке сотрудников милиции, Олег показал, где «убил».

«Я все ждал, что меня вот-вот отпустят. Следователь, подбадривая, говорил мне, что я молодец и пока все идет хорошо. Мне принесли еду, следователь налил мне стакан водки. Я выпил, и он сказал, что сейчас поедет к прокурору, чтобы подписать бумагу о моем освобождении, а к вечеру меня обязательно выпустят...».

Больше он следователя не видел.

ДЕНЬ 1277-Й

Шел четвертый день неволи. Будучи переведенным в СИЗО, не увидел он более и дядю Мишу. Тут же исчез из дела нож, на котором действительно были отпечатки пальцев Турбина (приобщать его к уликам было бы со стороны следствия рискованно, так как ножевые ранения были, естественно, сделаны другим оружием). Много чего исчезло в этой темной истории. Это и те два вышеупомянутых милиционера, которые приехали на мотоцикле на место убийства в ту ночь. Они проезжали мимо места драки, когда она началась в соседнем дворе. Именно это могли бы засвидетельствовать они. Их видели все. Но следствие даже не удосужилось найти их.

Уже в СИЗО, поняв, что обманут следователем, арестованный Турбин стал отказываться от «чистосердечного» признания. Но было поздно — в ход запущена была следственно-судебная машина, уже крутились безжалостные ее маховики, подминая под себя очередную жертву беззакония. И меня уже ничуть не удивляло то, что дело № 2-54 возводилось местной прокуратурой в ранг секретных дел, скрываемых от журналистов. Проще говоря, в прокурорском сейфе укрывались грехи местной юстиции. Ведь осужден невиновный. Осужден ради галочки в отчете — преступление «раскрыто» и не испорчены показатели.

Самое страшное то, что в ситуацию Олега Турбина мог попасть любой другой. Олег в данном случае оказался более подходящей кандидатурой (два события — драку и убийство — увязали в один узел). Законопослушники в данном случае боялись огласки этого уголовного дела. Ведь на сегодняшний день уже смело можно ставить вопрос об уголовной ответственности тех трех судей и двух следователей. И делать это придется, как ни сопротивляются этому в прокуратуре, пряча в сейф дело. Тем более что **задержан истинный убийца.**

Я, естественно, воздержусь называть его имя. Потому что нет гарантий, что не произойдет очередная, роковая для кого-нибудь ошибка. Лучше закончу невеселое свое повествование более радостной вестью, с удовольствием сообщив читателю, что у грустной этой истории относительно счастливый конец — после трех лет и шести месяцев тюремного заточения Олег вернулся домой.

1277 дней, вычеркнутых из молодой жизни... Разбита семья, на прежнюю работу его так и не приняли ввиду «уголовного» прошлого. Несколько раз пытался я заговорить с ним обо всей этой истории. Но никак не клеился наш разговор. Каждый раз Олега душили слезы. И, стыдясь их, он уходил в другую комнату.

Да, ему вернули свободу. Даже выплатили денежную компенсацию. Но никаких денежных сумм не хватит на то, чтобы вернуть ему веру в наше правосудие, утраченную, возможно, навсегда...

ПОСТСКРИПТУМ. КОМУ НЕ НУЖЕН ВЕРХОВНЫЙ СУД?

Когда писал я этот очерк, не давал покоя один и тот же вопрос: почему все-таки стала возможной эта судебная ошибка? Да и ошибка ли это? Что ни говорите, но целых три инстанции, начиная с районной и кончая Верховным судом РСФСР, изучали это — явно сфабрикованное — дело. Но ни в Воронеже, ни в Москве не приметили тех белых ниток, которыми шилось дело. Справедливость восторжествовала лишь тогда, когда оно очутилось в стенах Верховного суда СССР. А не окажись оно там, не попади в руки старшего консультанта Татьяны Ефимовны Горбуновой, что тогда?

Нет, я не собираюсь петь дифирамбы высшему суду страны. И там работают люди, способные совершать ошибки. Не об этом сегодня речь. Просто на фоне проводимых законодательных реформ хотелось бы еще раз повнимательнее взглянуть на судебную пирамиду, которую венчает Верховный суд СССР.

В связи со стремлением республик к самостоятельности все чаще поднимается вопрос: нужен ли Верховный суд Союза? Ведь в каждой республике есть свой республиканский суд, способный без подсказки из Москвы самостоятельно решать все вопросы.

Но давайте на минуту представим, что было бы с «убийцей» Турбиным, если бы не Верховный суд СССР и не протест, подписанный зам. председателя этого суда Р. Г. Тихомирновым. Что было бы с другим — Г. Стрижневым, якобы совершившим «умышленное убийство». Последнего уже везли на расстрел в Днепропетровскую тюрьму. И только чудо — протест в этот же суд — приостановило казнь*. Смертная казнь ужасна сама по себе, но когда ведут на расстрел незаконно осужденного...

Задумаемся, что же такое Верховный суд страны для любого смертного, ошибочно попавшего в жернова правосудия? Это не что иное, как последний островок надежды на спасение от произвола местных судей, часто по старинке проштемпелевывающих обвинительные заключения недобросовестного следствия. И тогда вся надежда на высший суд страны с его правом надзора.

Но именно в этом праве и хотят ограничить Верховный суд. Оказывается, он, согласно готовящемуся «Закону о Верховном суде СССР», будет иметь возможность рассматривать лишь уголовные дела по преступлениям, совершенным против государства: терроризм, угон самолета, шпионаж, призыв к насильственному свержению строя и некоторым другим преступлениям, предусмотренным лишь союзным законом. Но ничтожно мало таких дел по стране.

И все они, как правило, очевидны, и ошибки в них маловероятны. А такие преступления, как взятка, убийство, кража и т. п., уже не будут поднадзорны главному суду страны. Хотя именно в подобных делах роковые ошибки на местах более всего возможны.

Проект этого документа уже слушался в первом чтении в Верховном Совете СССР. Его судьба будет решаться в сентябре. И совсем нетрудно представить, сколько невинно осужденных будут лишены последней возможности добиться справедливости.

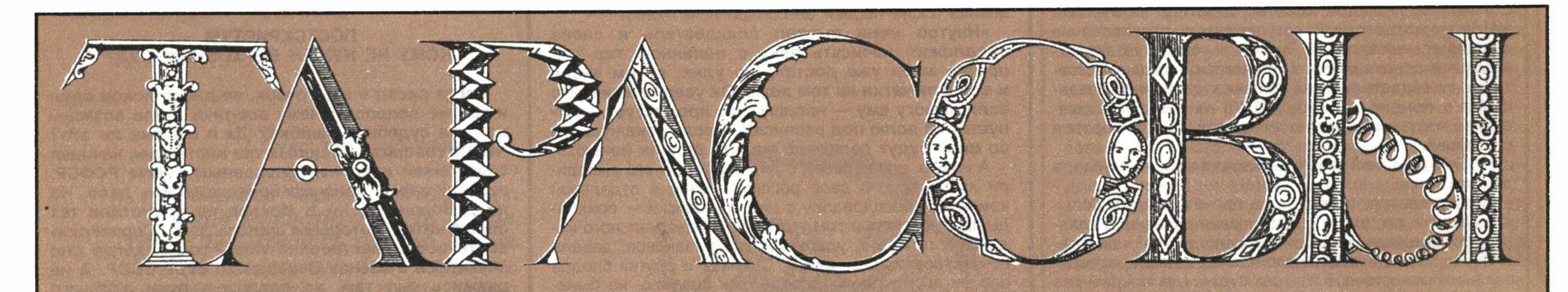
За один только 1990 год Верховный суд СССР отменил незаконные приговоры по реабилитирующим основаниям в отношении 2454 человек. Да, это капля справедливости в море беззакония. Но ведь и такой капли будет лишено общество. А невинный человек, успевший пройти многие круги тюремного ада,— последнего шанса...

Воронеж — Москва

* **Протест по делу Г. Стрижнева был написан помощником Генерального прокурора СССР, ныне начальником отдела Верховного суда СССР Олегом Петровичем Тёмушкиным.**

Рисунок Левона ХАЧАТРЯНА.

Наталия СЕМЕНОВА

Бурная торгово-промышленная жизнь Москвы манила к себе на исходе XIX века купцов со всех уголков бескрайней Российской империи. Тогда-то в первопрестольную столицу и перебрались трое братьев Тарасовых, принадлежавших к хорошо известному на Северном Кавказе семейству оптовых торговцев мануфактурным товаром. С тех пор в Москве, принявшей первых выходцев из древней Армении в XVIII веке, поселились Александр, Михаил и Афанасий Торосяны, давно писавшиеся на русский манер Тарасовыми.

В 1899 году владельцы складов в крупных северокавказских городах основали «Товарищество мануфактур братьев Тарасовых». Их капиталы очень быстро переросли начальные четыре миллиона; прибыль от оптовой торговли потекла в разработку нефтяных промыслов, увеличивая и без того внушительные обороты фирмы. Остались в прошлом описанные обстоятельным Петром Щукиным времена, когда братья «жили весьма скромно», зимой носили потертые бараньи шубы и ездили в третьем классе с неизменными мешками черных сухарей, которыми питались дорогой. Теперь Тарасовы щеголяли в собольих шубах с бобровыми воротниками, разъезжали в собственных экипажах и бывших еще в диковинку автомобилях.

Семья Тарасовых была многочисленной и, подобно всякой приписанной к московскому купечеству фамилии, состояла из нескольких ветвей и поколений. Старшие еще говорили по-армянски, помнили провинциальные Армавир и Екатеринодар, где остались близкие и далекие родственники. Младшие, напротив, совершенно европеизировались, знали несколько языков и уже не мыслили себя вне московского общества.

Первым директором Товарищества стал Гавриил Александрович Тарасов. Воспоминания о злополучных черных сухарях, вероятно, еще были живы, когда Гавриил Тарасов с истинно восточным размахом решил увековечить себя и славный тарасовский род. По его заказу архитектор Иван Жолтовский в 1910 году закончил строительство гигантского дворца, практически повторив для восторженного почитателя искусства Возрождения палаццо Тьене в Виченце раннего Палладио. В каждой детали московского палаццо, начиная с имитации каменных блоков фасада и кончая последней дверной ручкой, был соблюден стиль итальянского Ренессанса. Росписи в духе Веронезе и Тинторетто, выполненные имевшими опыт монументальной живописи Евгением Лансере и Игнатием Нивинским, придали подлинно дворцовое великолепие интерьерам.

Богатые москвичи любили строить китайские пагоды и мавританские замки, русские терема и средневековые башни. Все эти причудливые сооружения воспринимались каменной сказкой в сравнении с мощным темно-серым палаццо с латинской надписью по фасаду «ГАВРИИЛ ТАРАСОВ ПОСТРОИЛ». Огромный дом на углу Спиридоновки (ныне ул. Алексея Толстого) и Большого Патриаршего переулка (ныне переулок Мицкевича), вернее, два самостоятельных дома, соединенных между собой вестибюлем и открытыми лоджиями, с конюшней и гаражом для автомобилей, никак «не вязался ни с московским духом, ни с московским снегом...». Серый, мрачный, холодный и угрюмый, из не подходящего для Москвы материала «под гранит», он казался современникам «чужеземным гостем, которому не по себе в чужом городе».

...Молодой Николай Тарасов — племянник Гавриила Александровича — чувствовал себя столь же неуютно и одиноко, как и необъятный дом его родственников. Ощущение, что он гость на этом празднике жизни, никогда не покидало его. Потому, наверное, Николай Тарасов не стремился обзавестись собственным особняком, собрать картинную галерею или библиотеку, хотя имел для того все возможности. Капитал самого юного члена дирекции «Товарищества мануфактур братьев Тарасовых» оценивался в три миллиона, а ежегодный доход — в 200 тысяч. Но сказочное богатство, унаследованное им в 23 года, не принесло счастья; в какой-то мере именно оно оказалось причиной трагической развязки.

К своему несчастью, блестяще образованный совладелец нефтяных промыслов и ватной фабрики в Армавире по духу был аристократом. В вечернее время у себя в квартире в доме на Большой Дмитровке он запирался в комнате с томиком Пушкина, а тарасовская контора в московском «сити» на Старой площади пробуждала в нем куда меньше эмоций, чем поэзия, живопись, музыка, но прежде всего — театр. Юный Тарасов не сумел устоять перед чарами театра Станиславского, которым в начале века бредила вся российская молодежь. История сближения молодого миллионера со МХТом описывалась неоднократно. Тайный поклонник «художественников» вместе со своим неразлучным другом Никитой Балиевым (сыном ростовского купца Мкртычем Баляном) пережидал неспокойное время первой русской революции в Европе. Там же появилась труппа МХТ, отправившаяся в свои первые зарубежные гастроли...

И дело заключалось не в тридцати тысячах, которые Тарасов вручил в Берлине запутавшемуся в финансовых делах театру, и не в том, что, вернувшись в Москву, молодой меценат вошел в число пайщиков и стал членом дирекции. (По врожденной деликатности он никогда не вмешивался в дела МХТа, являясь директором лишь номинально, как, впрочем, вел себя и в собственной фирме.) Театр-кабаре «Летучая мышь» в подвале нарядного перцовского дома-сказки близ храма Христа Спасителя — вот что связывало Тарасова с корифеями Художественного и театральной молодежью. Маленький зальчик с длинными коричневыми столиками, простыми скамьями и свисавшей с потолка матерчатой летучей мышью оказался единственным местом, где Николай Тарасов смог приложить самые разнообразные таланты, которыми его одарила природа.

Выросшая из традиционных мхатовских капустников (с появлением Тарасова и Балиева получивших, кстати, свое второе рождение), «Летучая мышь» впервые открыла тяжелую дубовую дверь, ведущую в театральный подвал, в Касьянов день 29 февраля 1908 года. Николай Тарасов не только содержал это «уютное местечко для взаимного увеселения и забав актеров Художественного театра» в поздние часы после спектаклей, но и составлял программы театра-кабаре, сочинял тексты, подбирал музыку, рисовал эскизы костюмов и декораций. При этом он никогда не появлялся на крохотной сцене «Летучки». На ней неизменно блистал невысокий, полный человек с круглым, как луна, лицом, говоривший с южным акцентом, который выдавал в нем ростовского армянина. Им был неудавшийся драматический актер Никита Балиев, нашедший себя в неизвестном доселе в отечестве сценическом амплуа первого российского конферансье.

Автор первого и единственного «жизнеописания» «Летучей мыши» театральный критик Николай Эфрос отметил, что «стихия юмора, сарказма, элегической нежности и грусти» была наиболее близка Тарасову. Театр «пародии и гримасы, скепсиса и отрицания» привлекал его не случайно: ведь ирония, которую Александр Блок назвал болезнью своего времени, не могла не поразить такую тонкую, поэтическую натуру, какой был Николай Тарасов.

Большие деньги позволили Тарасову создать собственный театр. Благодаря «презренному металлу» он мог бы еще многое сделать для отечественного искусства. Но в тарасовских миллионах таилась трагедия московского денди — красивого, элегантного, с неизменным цветком белой гвоздики в петлице, ежедневно в один и тот же час прогуливающегося по Кузнецкому мосту, источая аромат английских духов, название которых им тщательно скрывалось. Тарасов так и не нашел или не захотел найти для себя настоящего дела. К чему бы он ни обращался — к стихам, пьесам, живописи,— во всем он оставался лишь «одаренным дилетантом». То ли по причине лени, то ли от застенчивости, то ли от преследующей его боязни показаться вульгарным он не решался доводить свои идеи до конца и постоянно мучился своим... богатством. Одна мысль, что не он сам, а его деньги притягивают к нему друзей и женщин, отравляла его существование.

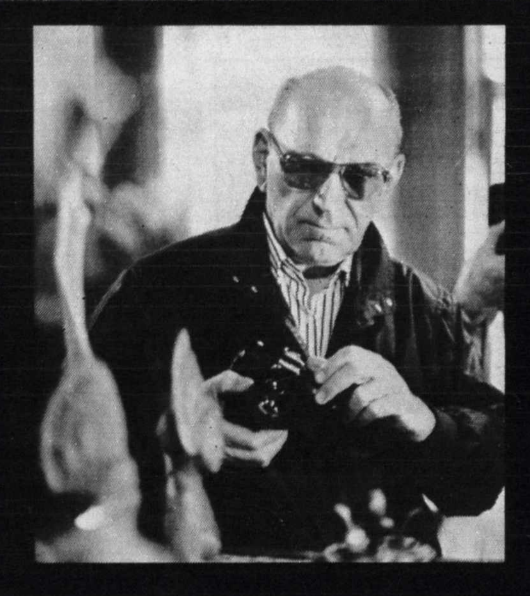
Тарасов не раз признавался, что чувствует абсурдность жизни. За внешней уравновешенностью и спокойствием обаятельного и простого в обращении любимца актеров таился, как говорили тогда, «тяжелый надлом». И ни театром, ни спортивными автомобилями (бывшими его второй страстью) «обмануть тоску» оказалось невозможно. Пресытившись роскошью и всеобщим обожанием, устав от светской жизни, запутавшись в трагическом любовном треугольнике, в который позволил себя вовлечь, утром 31 октября 1910 года Николай Лазаревич Тарасов застрелился.

В день похорон своего двадцативосьмилетнего директора Художественный театр отменил спектакль. В очищенной от шутливых плакатов «Летучей мыши» прошла панихида. Автор открытого год назад памятника Гоголю скульптор Николай Андреев, снявший с покойного маску, получил заказ на надгробие. Скульптор уложил бронзовую фигуру с лицом-маской на гранитное ложе, спинку которого поддерживали ангелы-плакальщики, окружил высокой кованой ажурной оградой — райским садом. Подобным сочетанием стилей и материалов Андреев попытался подчеркнуть исключительность личности Николая Тарасова, балансировавшего в своей недолгой жизни между иллюзорным, призрачным миром поэзии и реальной, не терпящей фантазий действительностью.

В законченных в тридцатых годах мемуарах В. И. Немирович-Данченко, повинуясь духу времени, назвал «кончившего расчеты со своей недолгой жизнью «блуждающих огней» Тарасова «классовым врагом». То были пока лишь слова, а делом стала переплавка содранной с надгробного ложа бронзовой тарасовской фигуры. Однако спустя полвека Николай Тарасов вновь удостоился вполне заслуженного им звания мецената. Его портрет вместе с портретом Н. Ф. Балиева украсил сцену возрожденной «Летучей мыши». Армяно-русское просветительское объединение «Северное сияние» взялось за восстановление уникального мемориального ансамбля на Армянском кладбище в Москве. Дело, правда, двигается медленно; нечем платить скульптору. Ждут помощи от внучатого племянника — миллионера Артема Тарасова, втайне надеются на племянника нашего героя Льва Тарасова — французского писателя, известного под именем Анри Труайя. Утраченное восстанавливать сложно, но раз на сцене появляются новые Тарасовы — не угасает род, дающий талантливых и предприимчивых людей,— надежда на возрождение все-таки есть. И, сворачивая с Патриарших на Спиридоновку у мрачного палаццо, задумываешься, вглядываясь в выбитую латинскую надпись, что в предложении забрать тарасовский дом у Института Африки АН СССР под что-нибудь «музейно-культурное» есть частица здравого смысла...

ФАСАД И ИНТЕРЬЕР ЗДАНИЯ, ПОСТРОЕННОГО ГАВРИИЛОМ ТАРАСОВЫМ.

Сорок три года назад пришел в «Огонек» Николай Козловский. За его плечами была уже целая жизнь, солидный опыт не одной профессии. Детдомовец, воспитанник трудовой коммуны А. С. Макаренко, заядлый авиамоделист, планерист, стрелок-радист, военный корреспондент, фотокор «Совинформбюро»...

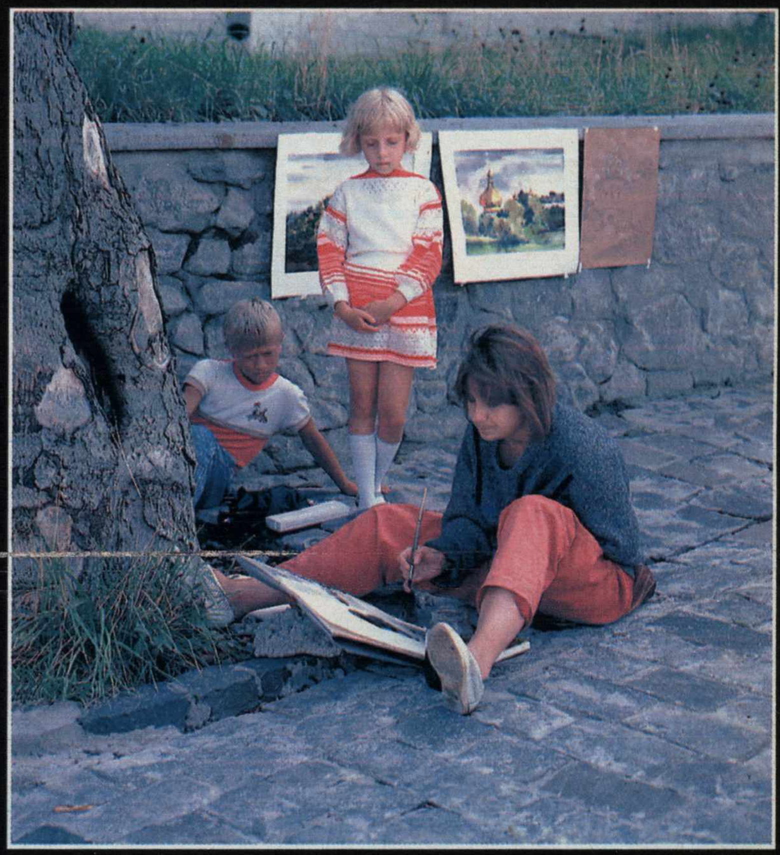
Первая же публикация в «Огоньке» — жанровый снимок незадачливых охотников на обложке — была признана лучшей в номере, а затем обошла многие выставки, в том числе и зарубежные. А всего в нашем тонком журнале его обложки, цветные вкладки, фоторепортажи появлялись больше тысячи раз!

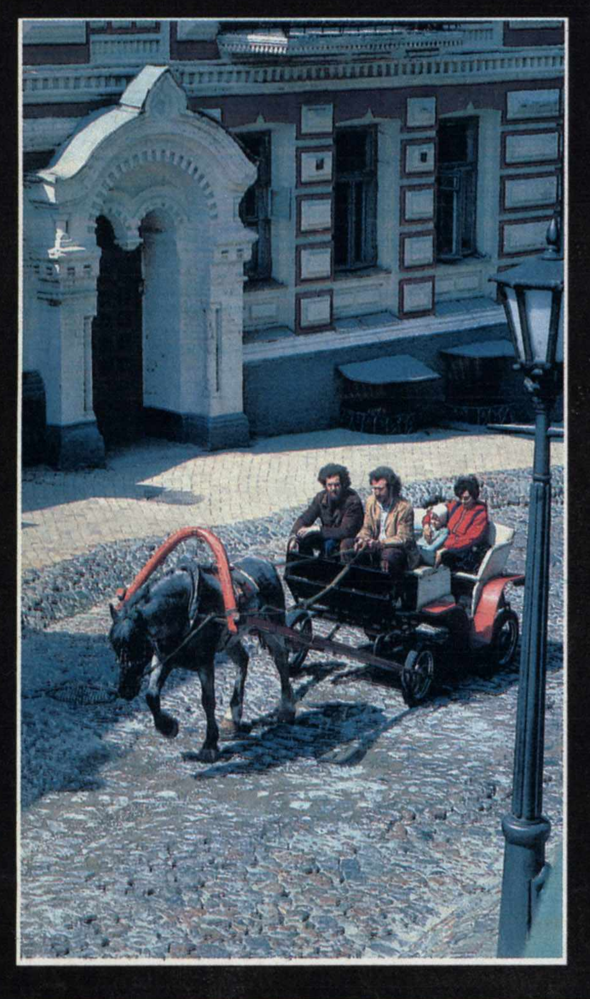
За два десятилетия в «Огоньке» мне доводилось работать со многими фотомастерами. С Козловским труднее всех. Он всегда недоволен собою. Для него характерно вечное желание сделать неповторимый кадр. Но есть одна особая тема, к которой он постоянно возвращается и, надеемся, будет еще возвращаться не раз. Это Киев. Он создал несколько фотоальбомов о Киеве. С выходом каждого пресса утверждала, что столь прекрасного и привлекательного портрета матери городов русских никому не удавалось сделать.

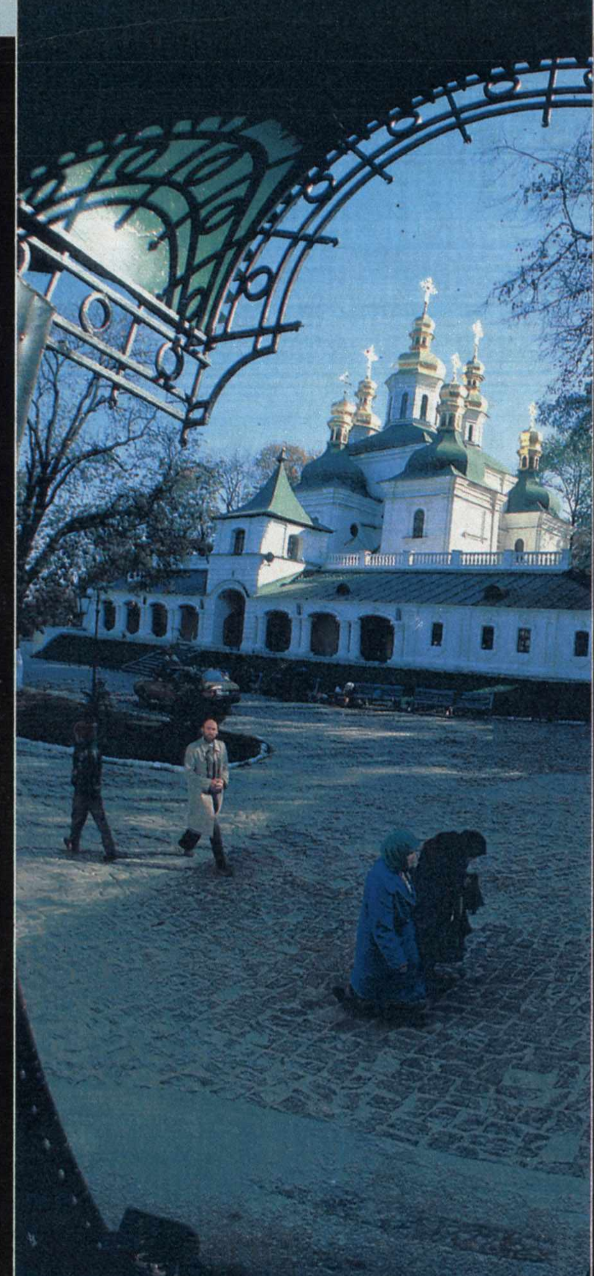
И сегодня на рабочем столе Николая Козловского листы макета и слайды будущей книги о Киеве. Козловский считает, что главная работа — впереди. Поэтому и предложил «Огоньку» фрагмент своей будущей книги.

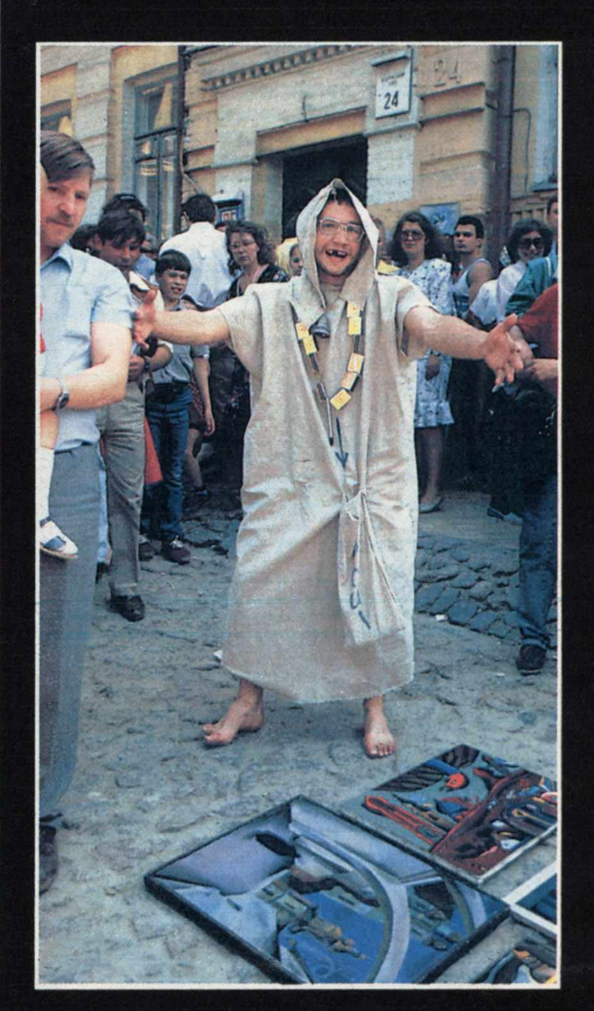
С. КАЛИНИЧЕВ
Киев.

24

НАДО НАДЕЯТЬСЯ

Конкурс на лучший плакат о СПИДе окончен. Подведены итоги. В 15-м номере «Огонька» названы имена победителей. А коллекция Фонда «Огонек» — АнтиСПИД» из 50 лучших работ ждет спонсоров и издателей, чтобы разойтись многотиражными плакатами, календарями, буклетами, чтобы люди знали, помнили: СПИД — это не заморское пугало, а самая что ни на есть реальная угроза для каждого из нас.

А еще есть сотни других работ — профессиональных и не очень и вовсе наивных, которые ждут собственных авторов, если те, конечно, за ними придут. В этих невостребованных папках и конвертах во множестве зияют смертным оскалом черепа, густо капает отравленная вирусом кровь, плачут дети. И только ли о СПИДе эти плакаты? И разве в народных фантазиях на тему, скажем, экологии или нашей истории преобладала бы иная символика? Так смотрим мы на мир сегодня. Безрадостным взглядом.

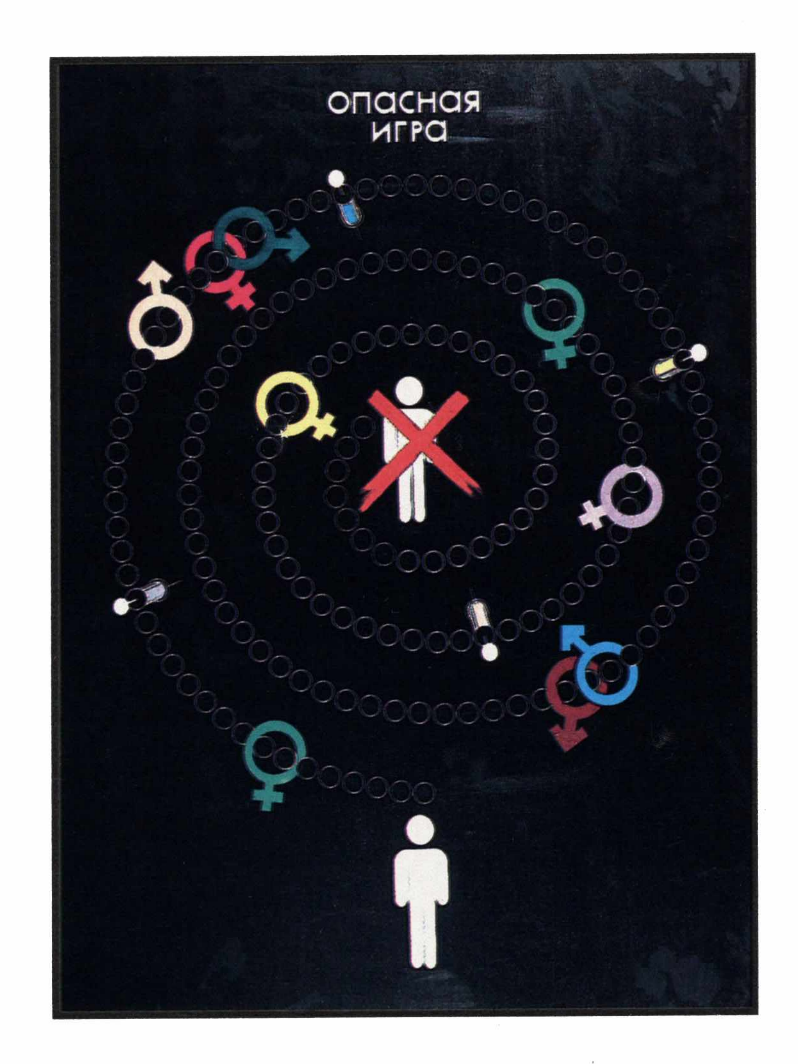
Да, СПИД неизлечим. Живут в мире миллионы инфицированных и больных, и врачи могут лишь облегчить их страдания и насколько возможно продлить эти жизни. Но в лабораториях всего мира идет интенсивный поиск лекарства от этой чумы. Так что надо надеяться.

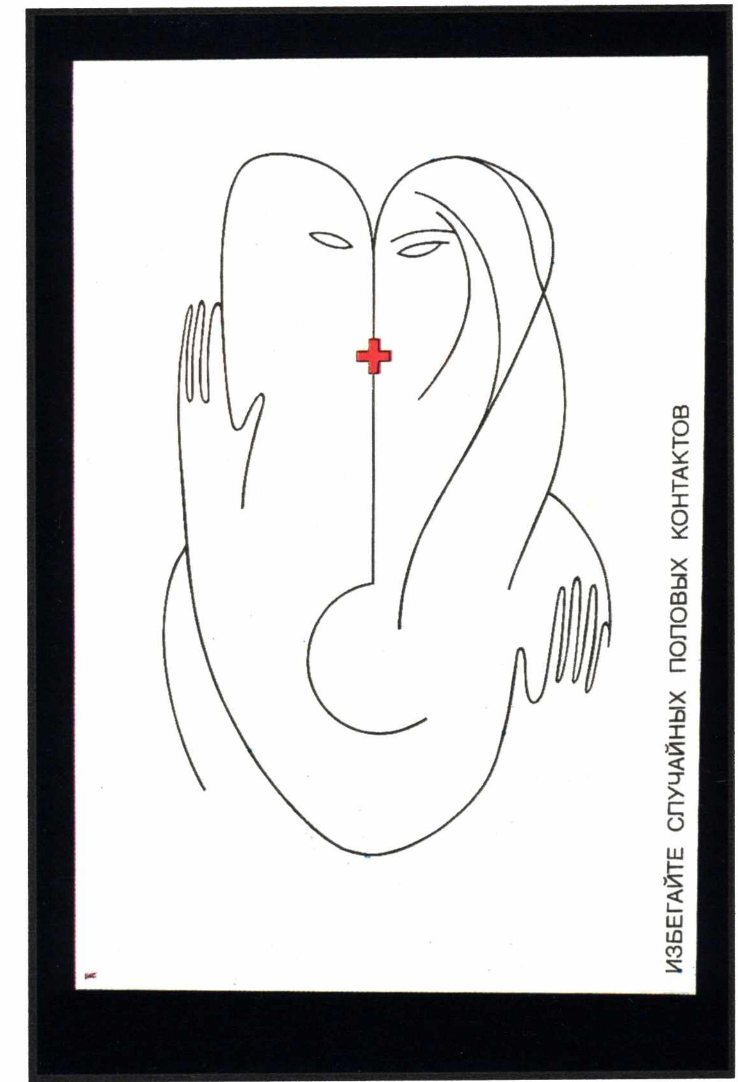
Надо надеяться, что дети, которые «хотят все знать», избегнут трагической судьбы своих маленьких сограждан из Элисты, Шахт, Волгограда, ставших жертвами воистину позорной нищеты нашей медицины, а заодно и преступной безответственности отдельных ее служителей.

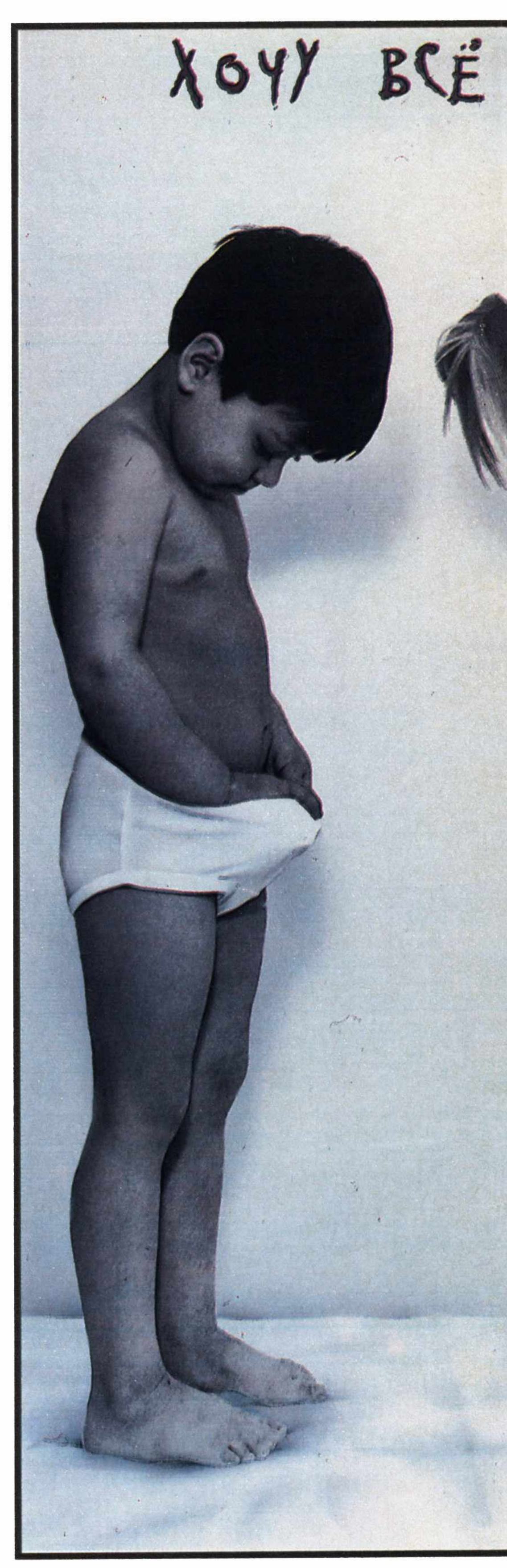
Надо верить, что, если остроумный фотонатюрморт со свежевыстиранными шприцами будет висеть в каждой больнице, он где-нибудь, глядишь, и предотвратит новую Элисту.

СПИД неизлечим. Пока. И проблемы наши пока тоже неразрешимы. Так что надо бороться. И даже надеяться.

Раиса КРИВИЦКАЯ

А. В. УЛЬЯНОВ.
«ОПАСНАЯ ИГРА»
(Москва).

И. В. КУЗНЕЦОВ.
«ИЗБЕГАЙТЕ СЛУЧАЙНЫХ ПОЛОВЫХ КОНТАКТОВ»
(Кировград Свердловской области).

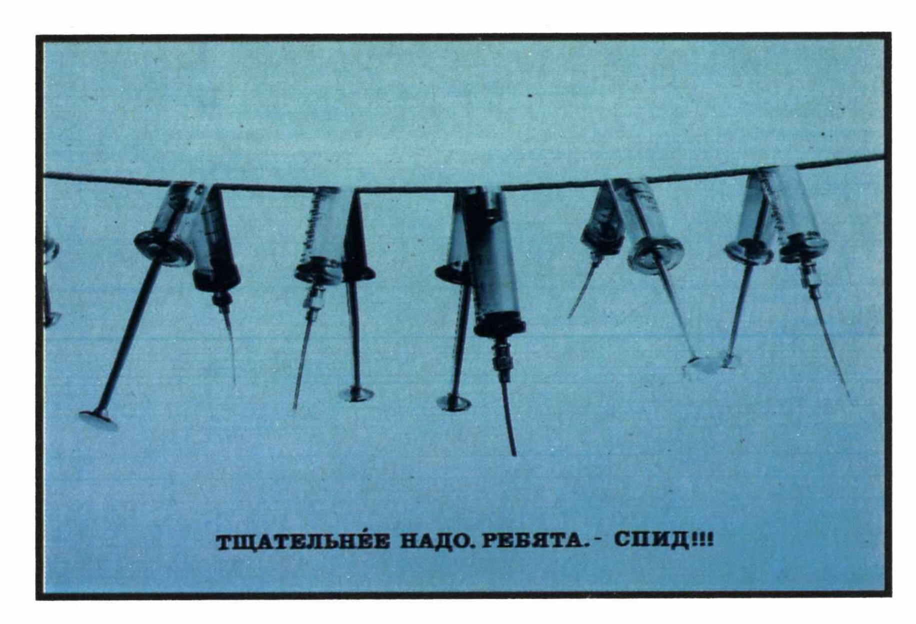
Г. А. ШЛЫКОВ.
«ХОЧУ ВСЕ ЗНАТЬ»
(Никополь).

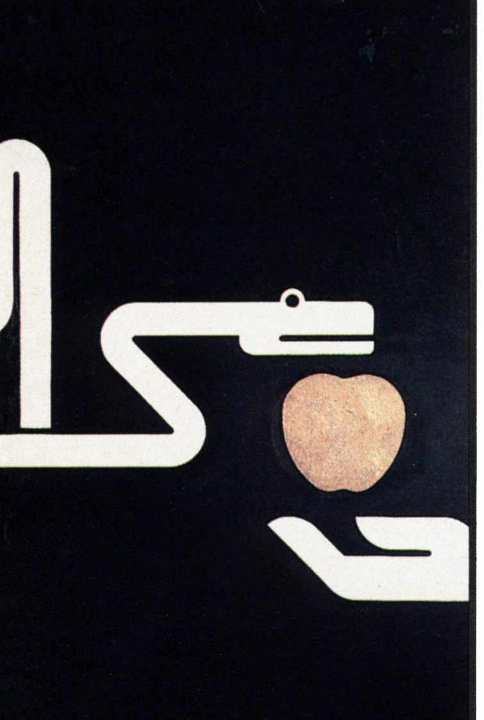
А. С. АЛЕКСАШИН.
«AIDS»
(Москва).

С. Б. УХАЧ.
«ТЩАТЕЛЬНЕЙ НАДО, РЕБЯТА, СПИД!»
(Харьков).

Т. В. ОСТРОГОЖСКАЯ.
«СПИДПРОГНОЗ»
(Ташкент).

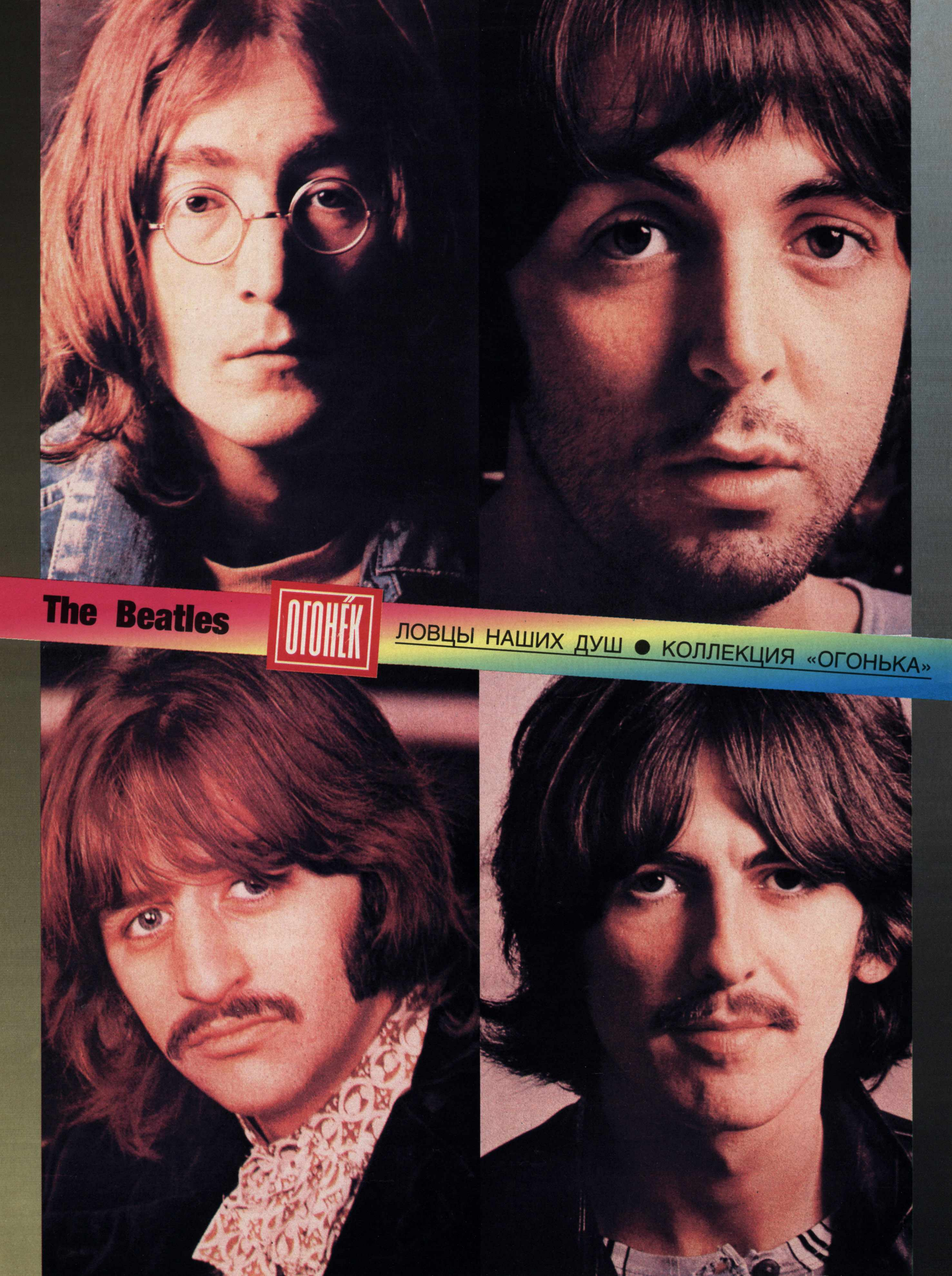

AIDS

СПИДПРОГНОЗ

ka

mi

The Beatles
ОГОНЁК
ЛОВЦЫ НАШИХ ДУШ ● КОЛЛЕКЦИЯ «ОГОНЬКА»

КОГДА Я УСЛЫШАЛ

По-настоящему все началось, когда я услышал Битлов. Я вернулся из школы в тот момент, когда отец переписывал «Hard day's night», взятый у соседа, на маленький магнитофон «Филипс». Было чувство, что всю предыдущую жизнь я носил в ушах вату, а тут ее вдруг вынули. Я просто физически ощущал, как что-то внутри меня ворочается, двигается, меняется необратимо. Начались дни Битлов. Битлы слушались с утра до вечера. Утром, перед школой, потом сразу после и вплоть до отбоя. В воскресенье Битлы слушались весь день. Иногда измученные Битлами родители выгоняли меня на балкон вместе с магнитофоном, и тогда я делал звук на полную, чтобы все вокруг тоже слушали Битлов. Сейчас, когда я вижу, как на чьем-то окне стоит динамик и на всю улицу гремит «Наутилус», я заставляю себя вспомнить, что то же самое я делал с Битлами,— очень уж хотелось этот праздник подарить всем, в голову не приходило, что это кому-то не понравится. А может быть, наше подсознание таким образом ставило маяки, ища в пространстве братьев по духу. Братья по духу не замедлили появиться.

Незадолго до этого в наш класс пришли два новеньких. Юра Борзов скромным своим видом и тихим поведением полностью разрушал мое представление о генеральском сыне (мы знали, что папа у него большой военачальник). Голос его мы впервые услышали несколько дней спустя, на перемене, когда шла оживленная дискуссия на тему, может ли человек разорвать кошку. Спор, естественно, носил чисто теоретический и отвлеченный характер, самые разнообразные аргументы приводились и за и против. Юра некоторое время слушал, склонив голову, затем вдруг тихо и твердо сказал: «Ребята. Не спорьте. Кошку разорвать нельзя». «А ты, что ли, пробовал?» — съязвил я в запале. «Пробовал»,— просто ответил он и отошел, опустив ресницы. Так мы познакомились. Позже я познакомился и с его кошкой Марфой, и с трактиром «Не рыдай», но это уже было позже. А пока выяснилось, что Юра — битломан. Но если и я битломан, то он — битломан в квадрате, в кубе, не знаю в чем еще. Мы подружились.

Второй новенький был Игорь Мазаев. Он пришел к нам из интерната и выглядел гораздо самостоятельнее нас. Усугублялось это тем, что у него густо росла борода совершенно золотого цвета, что приводило в смущение учителей, но так как запрета носить бороду в восьмом классе не существует, никто ничего ему сделать не мог. Даже сказать «побрейтесь» язык, видимо, не поворачивался. Мазай играл на гитаре и пел русские романсы. Идея группы висела в воздухе.

Собственно, ансамбль у меня уже был. Состоял он из двух гитар. И две девочки пели англо-американские народные песни. Но это была не та группа, которую рисовало воображение. В девятом классе, на год старше нас, тоже была группа. Но там была именно группа, а не какой-то ансамбль — три электрогитары, барабаны, никаких девочек. Покровительствовала им учительница физики Тамара Васильевна, или попросту Тамара, благодаря ей им разрешали выступать на школьных вечерах. Играли они инструментальные пьесы на темы Бабаджаняна и Битлов в стиле «Ventures». Однажды на вечере их бас-гитарист не выдержал и запел «Twist and shout». Жилы на его шее надулись, глаза налились кровью, но голос не мог прорваться сквозь стену гитар и гром пионерского барабана. Это было страшно. Вечер закрыли...

* * *

Сейчас я иногда размышляю о природе битломании и всякой мании вообще. Я считаю себя нормальным человеком (а мания и нормальность, мне кажется,— вещи несовместимые), никогда ни у кого не взял автограф, не видя ничего магического в клочке бумаги с закорючкой, всегда побаивался фанатов (в том числе и наших) — так вот, я и все мы несколько лет подряд были битломанами. Я и сейчас считаю эту команду лучшей, но это уже отголоски невероятного, космического, неуправляемого чувства тех времен. Каждая новая песня Битлов, попадая в наши руки, прослушивалась несколько раз в священном молчании. Не надо говорить, что все предыдущие были к этому моменту уже известны наизусть и тихо пелись на уроках. Что там наизусть! Я мог, закрыв глаза, проиграть в памяти любой альбом с точностью до царапинки, до пылинки. Песни каждого альбома имели свой цвет: например, с «Hard day's night» — малиново-синий, с «Rubber soul» — лимонно-белый, с «Сержанта» — прозрачно-черный. Говорить об этом можно было до бесконечности. Тетради, учебники, портфели, детали одежды и открытые участки тела были изрисованы гитарами, Битлами и исписаны названиями их песен. Что-то недосягаемое, непреодолимо манящее содержалось в самой форме электрогитары, в битловских водолазках, в их прическах. В этом смысле я оказался самым несчастным из нашей команды — волосы кучерявились и никак не хотели принимать гладкий битловский вид. Для преодоления этого «дара» природы голова слегка мылилась, затем сверху надевалась резиновая шапочка и все это оставлялось на ночь. Других способов не существовало. Не знаю, как я не облысел. Степень битловости определялась степенью закрытости ушей волосами — если на две трети, то это уже было по-битловски. У каждого из нас дома в красном углу стоял алтарь, на котором располагались пластилиновые Битлы, как правило, в «сержантских» костюмах. Особое удовольствие доставляло выделывать крошечные гитары, барабаны и усилители. В этот угол каждый из нас обращал заветные молитвы, мечты и чаяния. Я уж не говорю о том, что некоторые песни обладали чудодейственным свойством — например, перед походом на экзамен следовало стоя навытяжку прослушать «Help!» или второе исполнение «Sergant Pepper», и волшебная сила хранила тебя от неудачи. Каждое новое сведение о Битлах воспринималось как откровение, каждая фотография обсасывалась до ниток, которыми были пришиты пуговицы на их костюмах. Какой-то наш приятель сказал, что папа его ездил в Англию, а там по телевизору показывали «Help!», и папа снял это дело на любительскую камеру. Ко мне домой приволокли проектор 2 × 8 мм без звука, естественно, и я впервые увидел живых Битлов. Я чуть не умер от разрыва сердца. И совершенно было не важно, что не было звука — мы угадывали песни по аккордам, по губам, и они звучали в наших головах. Не знаю, что произошло бы с нами, если бы тогда нам показали это кино со звуком, цветом и в полном объеме. Фортуна распорядилась так, что мы получили именно такой удар, который могли выдержать. Спустя несколько лет, когда наша психика уже достаточно огрубела и закалилась, случился в Москве, не знаю уж каким образом, фестиваль зарубежных мультфильмов. Проходил он в кинотеатре «Звездный», и в списке значился фильм с названием «Желтая подводная лодка». Мы не верили чуду до последнего момента, но, сбежав с занятий, на всякий случай отстояли очередь и купили билеты. Мы, конечно, слышали об этом фильме и видели картинки из него в разных журналах, но все равно ну никак не верилось, что покажут его у нас. Гас в зале свет, и я ужасно волновался. И когда с первых секунд стало ясно, что фильм тот,— мы впились в экран, как клещи.

Ребята! Вы видели этот фильм на большом экране? Это, между прочим, даже сейчас выглядит блестяще. А тогда это была волшебная дверца, приоткрывавшаяся на час в иной мир. Мы вышли на улицу, шел дождь. Я не мог отделаться от ощущения, что после настоящей жизни мы попали в черно-белый телевизор. Не глядя друг другу в глаза, мы дошли до магазина, купили бутылку какого-то жуткого ликера и, зайдя в первый подъезд, выпили его залпом и в полной тишине. Мы просто спасали себя. Нужно было срочно хоть каким-то способом смягчить силу этого удара.

Сейчас я задаю себе вопрос: оставались ли мы при всем том, что с нами происходило, нормальными людьми? Хочется ответить «да». Хотя — я не знаю. Во всяком случае, заряд битловской энергии, полученный в те годы, движет нас по жизни до сих пор.

Между тем школа подходила к концу.

Пресловутых стиляг, коктейль-холла и борьбы с джазом мы практически не застали. К семидесятому году мир заполонили хиппи. Статья в журнале «Вокруг света» открыла нам глаза на истину. Называлась эта статья «Хождение в Хиппляндию». Мы с Борзовым выписывали оттуда цитаты, где хиппи провозглашали свою программу (я, например, помнил все наизусть). Платформа хиппи была принята безоговорочно. Масла в огонь подлила история, когда одного десятиклассника собирались исключить из комсомола за длинные волосы. У него безуспешно пытались выяснить, против чего он протестует, будучи советским комсомольцем, и что хочет доказать. Он виновато молчал, и праведному гневу комсомольских активистов не обо что было биться. Румяные активисты выглядели отвратительно. Мы с утроенной силой принялись растить волосы. Мы просто тужились, пытаясь ускорить этот процесс, и с отчаянием глядели в зеркало по утрам. Волосы не могли расти быстрее отпущенного природой срока.

И вообще школа для нас доживала последние дни, мы уже одной ногой ступили во взрослый мир, где гулял пьянящий ветер свободы. Там по стриту ходили люди с волосами до плеч, подметая асфальт неимоверными клешами. Общими усилиями мне были построены первые клеша. Надо сказать, что до этого момента я рос абсолютно безразличным к своей одежде. У нас в семье как-то так повелось. Но тут дело было не в моде — клеша являли собой знак отличия, удостоверение кастовой принадлежности, и, конечно, я придавал этому соответствующее значение. И вообще нельзя было играть рок-н-ролл в школьной форме. Штаны мне сшила Света, жена хиппового художника Саши. Жили они на Щербаковской, имели непосредственное отношение к СИСТЕМЕ, что поднимало их в моих глазах на недосягаемую высоту. В их квартире, расписанной цветами и пацификами, все время ютились какие-то хиппи, кто-то ночевал, кто-то играл на гитаре, кто-то вещал о буддизме. Это выглядело как настоящая коммуна. Штаны были сшиты из яично-желтого вельвета. От того места, где ноги раздваиваются, они поднимались по телу сантиметров на семь, не более (говоря профессиональным портняжным языком, имели очень низкий пояс). Клеш я просил делать не безумно большой (я все-таки робел), и мы остановились на 30 сантиметрах. Очень хорошо помню, как я шел в этих штанах домой. Сверху их дополняла вельветовая же черная рубаха, из-под которой виднелась (опять же!) желтая водолазка — намек на принадлежность к миру битловской музыки.

Ярко светило солнце. Я нес штаны, как знамя, замирая от гордости, восторженно ощущая спиной суровые взгляды прохожих. Штаны провели черту, разделив меня и их. Зато любой хиппи с Пушки или из Трубы мог обратиться ко мне, как к брату. Штаны открывали дверь в другой мир.

Отечественные хиппи бродили по центру Москвы, сидели у памятника Пушкину, толклись в подземных переходах. Помню, тогда я часто думал: сильно ли они отличаются от своих западных собратьев. Сейчас, поездив по миру, с уверенностью могу сказать — ничем не отличались. Это была абсолютно интернациональная волна. Хипповая прослойка называла себя «системой». В системе знали друг друга почти все. Правда, постоянно возникали ходоки то из Ленинграда, то из Прибалтики. Помню громкие имена — Юра Солнце, Сережа Сержант (не армии, разумеется, а Сержант Пеппер!). Я не входил в систему — у меня просто не было на это времени, но духом я был с ними. К вечеру система начинала кучковаться, выяснять, на чьем флэту сегодня тусовка (это, естественно, определялось отсутствием дома родителей, то есть парентов). Однажды я пригласил такую бригаду к себе на флэт. Собственно, сначала бригада была небольшая. Но радостные новости распространяются в системе очень быстро, и, пока мы шли вниз по улице Горького (по стриту) к метро «Проспект Маркса» (к Трубе), наш отряд обрастал новыми бойцами и их подругами, так что мимо очумевшей лифтерши в моем подъезде уже протопало человек тридцать. В квартире тут же устроились на полу, заняв все пространство, и принялись курить, пить портвейн, слушать Битлов и спать. Кончилось тем, что одна хипповая девочка спросила у меня, собираюсь ли я на этот флэт завтра, так как тут клево и по кайфу. У меня не повернулся язык сказать, что я, в общем, хозяин. Завтра приехали родители и встреча не состоялась.

Поразительное дело! В том, чтобы сыграть даже крохотный кусочек какой-нибудь битлятины, но с официальной сцены, виделась высшая цель, прямо какое-то героическое сподвижничество. В программе «Поющих гитар» (тех самых, что с завидной лихостью выдавали инструментальные пьесы группы «Ventures» за свои собственные) была такая шутка: в процессе исполнения частушек а-ля «ярославские робята» они вдруг начинали отчаянно петь Битлов. Выскакивал руководитель, пытался их безуспешно унять, после чего стрелял в воздух из пистолета, и частушки возобновлялись. Очень это было остро и смешно. Пожалуй, прямо вершина смелости. В Лужниках комсомольцы проводили конкурс-смотр самодеятельных ВИА. Это был бесконечный поток кастрированных излияний с редкими вкраплениями народной либо военно-патриотической тематики. Попасть во дворец было невозможно. Билеты спрашивали от входа в парк. Еще бы — смотр групп! Стасик Намин, оказавшийся в финале этого смотра (что-то Саша Лосев у него задушевно-русское пел), поклялся, что сбацает со сцены Джимми Хендрикса, сколько бы комсомольских жизней это ни унесло. Заявление звучало дерзко до невероятного, но, зная Стасика, я не имел оснований ему не верить.

С первыми аккордами, которые после пресного вокально-инструментального повидла прозвучали, как выстрелы, комсомольцы опомнились, но было поздно. И тогда кто-то из наиболее догадливых кинулся к звуковому пульту и убрал весь звук, который он был в силах убрать. Вторая половина пьесы дозвучала комариным писком, но победа была одержана. Стасику жали руки. Комсомольские головы полетели, как капуста. Такая вот имела место акция...

* * *

В семьдесят шестом мы познакомились с Б. Гребенщиковым и стали наведываться в Ленинград.

С первых же приездов я постоянно слышал имя какого-то легендарного Коли Васина. Произносилось оно с особенным уважением и чуть ли не с трепетом. На одном из сейшенов мне сообщили, что Васин будет. Я, между прочим, волновался. После нескольких песен на меня налетел, смял и поднял в воздух здоровенный малый в бороде и хипповых атрибутах. Между поцелуями он оценивал нашу игру словами, которые я здесь при всем желании и торжестве гласности привести не могу. По глазам окруживших меня ленинградских друзей я почувствовал, что их «отпустило». Потом я узнал, что Коля Васин, как правило, в оценках строг, а с мнением его очень считались. Этим же вечером мы оказались в его доме. Мы долго тряслись на трамвае, друзья-музыканты, загадочно улыбаясь, поглядывали на нас, и я понимал, что нас ожидает какой-то шок. Я даже предвидел, что связано это будет с Битлами. Но такого я, конечно, не ожидал. Какой там дом! Какой музей! Мы вдруг очутились внутри волшебной шкатулки, заполненной Битлами. Не было ни квадратного миллиметра без Битлов. Пространство уходило в полумрак, и хотя, как я понимаю сейчас, было небольшим,— казалось безбрежным и многомерным. Битлы смотрели с фотографий, постеров, картин самого различного художественного достоинства, со значков на портьерах, с самих портьер, с книжных полок и полок для пластинок и кассет. В углу даже располагалось чучело Ринго Стара в натуральную величину, показывающего всем «козу», то есть «лав». И все это горело безумными красками и дышало истинным хипповым духом. Может быть, на свете есть несколько человек, не уступающих Коле Васину в информированности о жизни «Битлз». Какой-нибудь Хантер Дэвис. Не знаю. Но всезнание Коли меня поражало. Поражало, как он все это собрал по крохам, живя в Ленинграде, и на какой любви все это было замешено. Его можно было спросить, что, скажем, делал Джон одиннадцатого августа 1964 года часов в восемь вечера, и в ответ шел немедленный рассказ, причем, произнося имена Битлов, Коля заикался от нежности. Его хата надолго стала моим любимым местом в Питере. Я мог оставаться там на несколько дней и, когда Коля уходил на работу, брал один из его альбомов и читал до вечера. Альбомы Коля делал сам. Их невозможно описать — их следует видеть. Это были неподъемные фолианты, содержавшие жизнь Битлов в статьях, текстах песен, фотографиях, его же, Колиных, картинах и картинках, а также комментариях.

Коля был максималист. Он или любил — до ощущения в объятиях,— или не любил совсем, отводил глаза, физически не мог сказать что-то хорошее, если ему не нравилось. Да что я все «был» да «был». Жив Коля Васин, слава Богу, и давно переехал с дикой Ржевки в центр Питера, и перевез свой музей, только вот смерть Джона Леннона сильно его согнула.

Четыре раза в год — в дни рождения Джона, Джорджа, Пола и Ринго — Коля устраивал грандиозные, чисто питерские сейшены в их честь. Энергия его не знала границ. Художники рисовали плакаты и картины, музыканты разучивали песни именинника специально к этому дню. И все это происходило абсолютно без участия каких-либо денег, что приводило в изумление и неверие бдительных ленинградских ментов. Сейшены проходили с огромным количеством групп, в конце они обычно играли что-то вместе — дух праздника приближался к религиозному. Даже портвейн в туалете пился одухотворенно, только за Битлов, и ни в какое безобразие это не переходило.

* * *

Я с трудом слушаю сегодняшнюю музыку. Нет, это не касается Тины, Стинга, Джеггера, Клэптона, Коллинза и прочих стариков. Мы с ними еще из того, из иного измерения. Я до сих пор жду, что возникнет какая-нибудь юная команда и вновь перевернет мир, как Битлы четверть века назад. Напрасно я жду. Видимо, с помощью музыки можно перевернуть мир только один раз. Старый человек — тот, что перестает воспринимать и начинает вспоминать. Что ж, судя по тому, чем я в данный момент занимаюсь, меня смело можно отнести к этой категории. С одной только оговоркой. Я помню, сколько грязи и непонимания лили на любимых моих Битлов двадцать лет назад старшие товарищи и граждане, и как я отстаивал их со слезами на глазах, и готов был биться до последнего. Недавно я видел девочку, грудью вставшую на защиту ее любимого «Ласкового мая», и вспомнил себя. Все, конечно, течет. Ничто не бывает вечным. Если только не забывать, что Битлы и «Ласковый май» стоят чуть-чуть на разных ступеньках. С точки зрения искусства, что ли. Или духа. Или я ошибаюсь?

Илья МИЛЬШТЕЙН

В Успенском соборе отслужили панихиду по погибшим российским интеллигентам. Траурным шествием прошли к зданию городского театра. На Театральной площади провели короткий митинг. Взлетели вверх серые, в цвет неба, шары. Транспаранты с именами поэтов, актеров, писателей, художников вознеслись над площадью. Александр Галич, Венедикт Ерофеев, Анатолий Марченко, Илья Габай, Леонид Енгибаров, Владимир Высоцкий, Андрей Тарковский, Вадим Делоне, Виктор Некрасов, Геннадий Шпаликов, Юрий Визбор... Нет, не только имена «шестидесятников» написаны были на транспарантах. Но они отчего-то запомнились более всего. Театральный фестиваль «Рубежи», прошедший во Владимире, стал печальным праздником этого поколения. Здесь встретились Владимир Войнович и Наум Коржавин, Ролан Быков и Леонид Жуховицкий, Андрей Битов и Александр Янов. Уже не постаревшее поколение. Почти старики... Старый человек, неподвижно отстоявший всю службу со свечою в руке, негромко произнес, глядя на транспаранты: «Я хорошо знал половину из них». **В поминальном Списке было более 100 имен. Я приехал во Владимир писать материал о «шестидесятниках». Увлекательный, трогательный и немного смешной. Казалось, вот соберутся они, сядут за стол да начнут вспоминать... Только успевай менять батарейки на диктофоне. Собрались, но вспоминать не стали. Категоричнее всех высказался Андрей Битов:** «Не хочу я говорить ни про каких «шестидесятников». И не являюсь я им. Не надо нас снова строить. Слава Богу, что разбежались. Что кто-то выжил, кто-то осуществился. А толковать о «чертах поколения»... в этом мне мерещится что-то, схожее с апартеидом». **Да и не каждый из них мог сесть за стол с любым своим сверстником. От организаторов требовалась предельная осторожность и деликатность. Говорили больше о том, что происходит теперь: с тревогой, с болью, с отчаянием... «Провинция и Русское Зарубежье» — тема, предложенная гостям для дискуссий, оказалась мучительной, поскольку неминуемо сводилась к нынешнему состоянию российского общества и государства. Владимир МАКСИМОВ, русский писатель, эмигрант, редактор журнала «Континент», старый человек, неподвижно отстоявший всю службу со свечою в руке, сказал:** «Я приезжаю в Россию в третий раз. В первый раз уезжал с осторожным оптимизмом. Затем — с еще более осторожным оптимизмом. Сегодня я уезжаю, взирая на будущее страны с осторожным пессимизмом». **Мы разговорились.**

— Что внушает вам наибольшую тревогу?

— Я боюсь гражданской войны. Если это произойдет, то будет еще страшнее, чем в 1917 году. Начнется бесконечная война всех против всех и каждого против каждого. Мы воспроизведем то, что происходит в Ливане. Русский «Ливан» втянет в себя сначала Европу, а потом и весь мир... Сегодня приходится с горечью осознавать, что гражданская война, начавшаяся в 17-м, подспудно продолжалась все советские годы и, может быть, только сейчас входит в свою решающую фазу.

— Я бы не назвал ваш пессимизм осторожным. Вы не оставляете надежд.

— Я принадлежу к тому разряду оптимистов, которые возражают пессимистам, говоря: будет еще хуже. Нам предстоят тяжкие испытания. Задача писателя в нынешние времена — укрепить человека в мужестве перед лицом возможных бед. Я считаю, что со своим читателем надо разговаривать честно. Готов бесконечно повторять слова Гамлета в переводе Пастернака:

Из жалости я должен быть суровым.
Несчастья начались.
Готовьтесь к новым.

— Кто виновен в наших несчастьях?

— Мы платим по своим собственным счетам. Вацлав Гавел, самый дальновидный и мудрый политик в посткомму-

нистических странах, так сказал в первом своем президентском выступлении: «Я не хочу слышать ни о каком внешнем вмешательстве. В том, что с нами произошло, повинны мы все».

— Следует ли вообще искать виноватых?

— И человеку, и народам свойственно искать источник своих бед... на стороне. Если уж никуда нам от этого не деться, то я призываю к тому, чтобы каждый посмотрел на себя в зеркало. Я недавно писал о том, что, как русский человек и сын рабочих-коммунистов, беру на себя самую большую часть ответственности за то, что произошло со страной. Но если другие отказываются брать на себя свою малую долю вины и перекладывают все на мои плечи, то нам не о чем разговаривать. Если русских сегодня пытаются выставить мальчиками для битья...

— Мне кажется, нормальному человеку такое даже не может прийти в голову. И все же — вы верите в историческое возмездие за грехи?

— Воздаяние обязательно будет. Каждому свое. Механизм не прост: согрешил — и наказан. Наказание ведь и в том, что вас мучает совесть. Человек совестливый, который сам себя судит, испытывает тяжкие душевные муки. Это, может быть, еще труднее вынести, чем реальное наказание — лагерь, тюрьму...

— Но разве все виновны?

— Однажды мой друг, прекрасный писатель Владимир Марамзин, пересказал разговор со старым питерским интеллигентом. Владимир убеждал его в том, что живет отдельно от государства: не состоит в СП, не ходит на собрания.

— Володя, вы за хлебом ходите? — поинтересовался старик.

— Хожу.

— Значит, и вы — соучастник.

Понимаете, эта система идеально выстроила свой естественный отбор. Если вы не соучаствовали, то сидели в лагере — так было на протяжении многих десятилетий. Соучастие могло быть крупным или ничтожным, но суть вашей советской жизни от этого не менялась. Система за этим очень строго следила. Каждый поучаствовал. И каждый посвоему наказан.

— Сталин был наказан?

— Вспомните, как он умирал. Как он жил — в постоянном страхе. Что стало с его женой, с его детьми. Лично он наказан. Конечно, миллионам замученных от этого не легче... Вспомните последние месяцы Ленина, как он выл перед смертью. Должно быть, от отчаяния: что-то разглядел в себе в беспомощном и одиноком своем состоянии...

— За что платило ваше поколение?

— За отцов. Мне об отце мать рассказывала. Был простым рабочим, в армии вступил в партию, устроился работать в Москве на заводе. Входил в троцкистскую парторганизацию — тогда, в 20-е, это было еще допустимо. Был знаком с Зиновьевым, Каменевым. Когда под хмельком возвращался от них и мама начинала его упрекать, он весело бросал ей: «Ничего, мать, ничего — скоро в Кремле жить будем!..»

Что ж делать... Вот и платите за такие жизненные идеалы.

— Мрачность ваших прогнозов, наверное, совпадает с ощущениями, которые испытывает большинство наших сограждан. Споры о будущем — главный предмет общественной жизни страны. Как и в начале «перестройки», одни говорят об «особом пути России», другие — о «возвращении в цивилизацию». Кто вам ближе?

— Я против крутой «демифологизации» русской истории, предпринимаемой нынешними советскими радикалами, но и против романтизации национальной идеи, о чем твердят «охранители». Мы же видим сейчас, проходя через смутное время, чего стоит наша духовность. Оказывается, речь следует вести не о духовности общества, но о духовности горстки людей, которые пытались противостоять системе. Не надо преувеличивать наш духовный потенциал. Когда Герцена спросили, чего бы он пожелал евреям, писатель ответил: «Я бы хотел, чтобы они были как все». Вот я тоже хотел бы, чтобы мы, русские, были как все.

Мы не народ рабов — с этим я не согласен категорически. Но мы и не лучше прочих. Мы такой же народ, как все. К сожалению, или, может быть, к счастью — мы молоды. У нас всего лишь тысячелетняя история. Когда цивилизация сложилась, мы только грамоту получили. У молодого организма свои болезни, потому что не успел еще выработаться иммунитет к влияниям, к заразам различного рода, духовным и культурным. Так что если человечеству предстоит будущее, у нас еще многое впереди.

— С недавних пор все громче звучат разговоры о грядущей военной диктатуре. Одни воспринимают это как панацею от всех бед, другие — как потенциальную угрозу для государства и человечества.

— Вспоминаю статью в «Континенте», где содержалось такое утверждение: победа генерала Лавра Корнилова была бы столь же благодетельна для России, как диктатура Аугусто Пиночета — для Чили.

— Это писал убежденный монархист?

— Это писал Наум Коржавин — человек «вне подозрений». Как бы сие ни было неприятно слышать нынешним прогрессистам, «главарь чилийской хунты» ничуть не уменьшил общественный процесс. Покончив с вооруженным противником, он дал обществу жить нормальной жизнью. Спокойно функционировали 39 общественных организаций. Выходили оппозиционные газеты. Было оппозиционное телевидение. Цензуры практически не существовало. Наконец, он предоставил гражданам полную свободу хозяйственно-экономической деятельности.

— Итак, вы — за российского Пиночета?

— Может быть, это рискованное заявление. Но... если бы связать экономическую программу Ларисы Пияшевой (с которой я полностью согласен) с цивилизованной формой государственной диктатуры на переходный период, то, вероятно, какой-то толк бы и вышел.

— Кого же вы прочите на место диктатора?

— В том-то и дело, что некого. В нашей многонациональной и многорелигиозной византийского типа «америке» диктатура тоже может привести к катастрофе. А самое главное: я не вижу среди советских военных людей столь высокого уровня личной ответственности и цивилизованности, которые бы решились принять на свои плечи гнет такой власти и при этом дали бы обществу дышать. Это недостижимый идеал...

— Ну, если и диктатура нас не спасет... Помнится, некоторое время назад Ален Безансон писал в «Континенте» о том, как Горбачев пытается соблазнить Европу и Америку, а потом... запугать.

— «...соблазнить Европу, пока не удастся ее покорить, и соблазнить Америку, пока не удастся изолировать ее от друзей-союзников, от Европы».

— Не обратился ли «процесс запугивания» внутрь нашей страны? Может быть, вы переоцениваете драматизм ситуации?

— Я был бы рад оказаться дурным пророком. К сожалению, локальные войны — не только в СССР, но и во всем мире — с каждым днем лишь усиливают общую нестабильность, подтверждая самые печальные прогнозы. Скептицизм, свойственный французам, предрасполагает к более уравновешенной оценке событий. Слыша подобные эсхатологические пророчества, мои французские друзья восклицают: «Драматизе!» А почему, собственно, «драматизе» — стреляют-то на наших глазах! Кровь льется на наших глазах! Или Корсика, Ольстер, Литва, Осетия, Карабах — на другой планете? И если бы хоть на день утихали эти выстрелы... Наоборот, события развиваются все стремительнее и катастрофичнее.

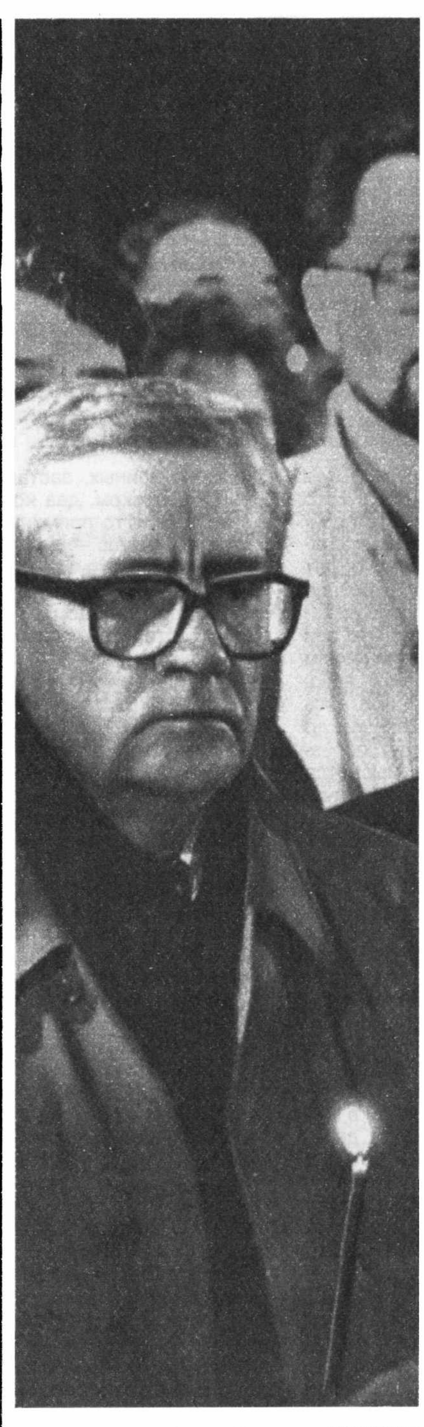

Фото Георгия ХОМАКА

— Смутное время...

— Вся история человечества — сплошное смутное время. Но сегодня оно особенно тревожно. Думаю, что мы живем в эпоху смены цивилизаций. Тектонические процессы ощущаются во всем мире. Но в России, в связи с особой социальной и политической ситуацией, даже в связи с особым положением нашей родины, это принимает гипертрофированные формы. Мне не хочется думать о подобных вещах, но, может быть, нам придется послужить материалом для новой цивилизации. А какой она будет — история нас не спрашивает.

— Из ваших слов я на месте читателя сделал бы один простой вывод: надо уезжать. Пока не поздно.

— Когда я уезжал, земля горела у меня под ногами. Выбор был тоже прост: либо лагерь, либо эмиграция. Я понимал, что лагерь не выдержу. Предпочел сохранить себя. Да и не только себя. Я был женат, принял на себя ответственность за другого человека.

— В 70-е годы в подобном положении была лишь горстка инакомыслящих. Сегодня в заложниках оказалась вся страна...

— Мне грех говорить. Скажут: тебе хорошо, приехал-уехал, а нам советуешь! Но все же... Будь я помоложе, в вашем возрасте, я предпочел бы остаться. Надо же что-то делать. Так хочется крикнуть: ребята, ну кто-то должен это выдержать, кому-то эта страна должна быть близка и дорога!

— Мне бы хотелось, чтобы ваш призыв был услышан, но, боюсь, ребята слишком увлечены взаимной враждой. Даже здесь, во Владимире, я услышал отзвуки эмигрантских баталий, что ж говорить об оставшихся...

— Эмиграция — огромное испытание для человека. Как тюрьма, лагерь... Мы — сколок со своей несчастной страны. Здесь хотя бы есть амортизирующая среда: общество, читатели. А там читателей нет, одни писатели. Русский писатель, эмигрирующий на Запад,— он ведь с собой ничего не берет. Только воспоминания да чемодан, в котором фрак для Стокгольма. Отсюда все наши болезненные эмоции, свары, зависть. Помню, сразу после эмиграции я беседовал с Бродским о предстоящем нам испытании. «Надо смириться с этим,— спокойно ответил он.— Вот и увидим, чего каждый стоит. Если не получится, значит, мы ошиблись в выборе профессии. Возможно, наши способности лежат не в области культуры».

Кстати, Иосиф Бродский — единственный из всех нас, кто с огромным достоинством выдержал это испытание. Слава Богу, судьба его отблагодарила за стойкость.

— И Солженицын?

— Нет, нет... Я разделяю большинство идей Александра Исаевича. Считаю, что он сыграл подлинно историческую роль в нашей жизни, предложив нам неизмеримо более высокий уровень нравственных размышлений и оценок. Но, увы, сам он не всегда следовал своим постулатам, призывая жить не по лжи, стремиться к самоограничению... К сожалению, он продолжил греховную толстовскую традицию. Поймите меня правильно. Толстой один из моих литературных богов. Но этот человек втянул в свою, если можно так выразиться, нравственную игру огромное количество людей. Сделал их несчастными. И очень поспособствовал пафосом своих разрушительных идей тому, что произошло в России. Недаром они называли его зеркалом русской революции.

Один человек, не стану упоминать его имени, прочитав «Ленин в Цюрихе» Солженицына, очень зло, но довольно прозорливо выразился: «Автопортрет».

Должен с горечью сказать: все, что написано им на Западе,— это крах, неудача. Пустая порода. Это его трагедия. Но я говорил и готов повторить: человек, совершивший переворот в нашем сознании, имеет право на такую экспериментальную неудачу. Между прочим, о том, что личные качества Солженицына не всегда соответствуют писательскому дару, я писал ему еще здесь в 1973 году. Тогда вся наша образованщина на меня ополчилась: дескать, как смел, по какому праву?.. Теперь они все против него. Вот когда они против него — я за него.

— К несчастью, не только эмиграция становится для художника почти непереносимым испытанием. Смутные времена дозволенных свобод здесь, в России, также весьма отрицательно повлияли на творчество. Выходит, «застой» и жесткая идеологическая опека спасительны для таланта?

— Я не знаю, что спасает художника. Могу отчасти согласиться с вами — «излишняя» социальная защищенность (как на Западе) не так уж благодетельно влияет на его судьбу. Трагические финалы более характерны для этой среды. Но, знаете... оставили бы его все в покое — и от социальной защищенности, и от идеологической опеки!

Попрощались. В тот день мой собеседник уехал в Суздаль, а через несколько дней — в Париж...

КОНЦЕРТМЕЙСТ
ПЕРВЫХ СК

Лев РАЗГОН

Сколько лет прошло, а до сих пор бешусь, когда встречаю в газетах заголовки «Этапы большого пути», «Этап новой жизни», «Счастливый этап...» и прочее в этом роде. Сейчас-то этих больших счастливых этапов стало поменьше, а несколько лет назад нельзя было раскрыть любую газету, чтобы не наткнуться на это противоестественное словосочетание. И чего они привязались к этому слову, что они нашли в нем этакого радостного? В Академическом словаре русского языка сказано совершенно ясно: «Отрезок пути между такими строениями или весь путь следования лиц, направляемых под конвоем до места заключения, ссылки». А дальше идут производные от этого слова, без которых не мыслится история ни старой России, ни Союза Социалистических Республик в любом «обновленном» виде: «по этапу», «этапный начальник», «этапным порядком» и пр. и пр.

Но эти филологические размышления приходят мне в голову только сейчас, а тогда, осенью 1953 года, когда нас выводили на этап из Соликамской пересылки, я об этом думал со смешанным чувством досады и интереса. Досады, потому что этап — один из самых отвратительных отрезков арестантской жизни. В Устьвымлаге мне везло, за восемь с лишним лет пребывания в нем был всего лишь на двух лагпунктах. А за два с половиной года отбывания срока в Усольлаге я уже успел побывать в Усть-Сурмоге, два раза в Соликамской пересылке, и в Мошеве, и в Кушмангорте... А любой этап — это двойной шмон-обыск, это расставание с людьми, это вынужденный отказ от всех мелочей, без которых труден арестантский быт. И неизвестность, которая тебя ждет, и понимание, что, может быть, придется на новом месте начинать с нуля, от общих работ, медленно и без всякой гарантии на успех, карабкаясь к какой-нибудь «придурочной» работе.

Но в этой грозной неизвестности содержится и тот интерес, ожидание, тайна, которая придает жизни арестанта элемент подлинной и как бы взаправдашней жизни. А тут интерес особый, лишенный обычной подавленности и страха. Ведь время-то какое! Мы пережили Сталина! Усатый откинул копыта, в его царстве-государстве идет ха-а-арошенький раздрай — бардак, вот уже и «Лаврентий Палыч Берия вышел из доверия» и черт-те что может произойти в этом адском котле, где не иначе как сам Сатана перемешивает страшное варево... Это им, наверное, страшно, а вот нам нечего бояться, нищему, как известно, пожар не страшен, и куда бы нас ни поволокли этапом, мы — как формулируют опытные зеки — «это блядство пересидим»... Тем более что нас с ликвидируемого лагпункта везут целую группу бесконвойных — 16 зеков. Правда, пропуска наши забрали, везут нас обычным конвоем, но по опыту лагерника знаем: иметь пропуск бесконвойного — это полусвобода.

Поэтому без обычной этапной понурости мы с другими, менее привилегированными этапниками подходим к ожидающему нас грузовику. Не верьте, что современная цивилизация сделала этап хоть немного комфортней. Если только конвой не самый сволочной и график движения этапа составлен не самым большим мерзавцем, то самый лучший этап — пеший. Когда не спеша идешь-бредешь по мягкой земле и за каждым поворотом дороги открывается что-то новое, часто очень красивое. И каждые два часа — десятиминутный отдых, и дневка или ночевка в этапной «стайке», где можно полежать, посидеть, съесть заначенную горбушку, а то и баланды хлебнуть. В воспоминаниях декабристов я нашел восторженные строки о том, как их перегоняли пешим этапом из Читинского острога в новую, специально построенную тюрьму на Петровском Заводе. Люди, побывавшие в Швейцарии и Франции, писали, что они не видели никогда более красивых мест. Могу подтвердить это. В декабристах побывать, естественно, не удалось, а вот ранней осенью 1974 года проехал и прошел по этому пути во время одного из литературных налетов на Забайкалье.

Ну а пока нас, чистых и нечистых, конвойных и бесконвойных, заставляют сесть на корточки перед грузовиком, два конвоира с винтовками, к которым почему-то примкнуты штыки, влезают на капот машины, а нас — по настилу, по одному начинают усаживать в грузовик. И не усаживать, а скорее устанавливать. Все мы стоим, тесно прижавшись друг к другу, лицом к конвоирам, и хотя уже и негде ногу поставить, но начальник конвоя кричит: «Ближе, ближе, тесней!» Наконец, машина нами забита, как спичками спичечный коробок. И тут следует команда: «Садись!» Но сесть-то некуда, невозможно... А дальше идет демонстрация того, что слово «невозможно» должно в словаре русского языка сопровождаться обозначением в скобочках («устар.»). Мы все как-то садимся или же пробуем садиться. И грузовик срывается с места. Не знаю, как было при Строгановых, но сейчас улицы Соликамска представляют собой хаотическое смешение рытвин, выбоин, ухабов, колдобин и просто глубоких ям. И пока мы доезжаем до окраин города, мы с криками, матом, испытывая адские муки, но каким-то необыкновенным образом и способом утрясаемся. А когда выезжаем на широкий Сибирский тракт, то получаем даже возможность свободней вздохнуть и начать разглядывать оживленную жизнь этого исторического тракта.

А он действительно исторический. В те незапамятные времена, когда купцы и всякого рода начальники пили кровушку из рабочего люда, тут проходила главная дорога, ведшая из России в Сибирь. И летом, а главным образом зимой, шли по ней бесконечные обозы с самыми разными товарами в ту и другую сторону. И, конечно, шли по ней в Сибирь кандальники, и — ей-ей! — я не поручусь, что им было хуже, нежели нам. Кормили их, во всяком случае, лучше. Дорога тут немощеная, земляная, необъятной ширины. Уже не возили по ней ни меха и бархаты, ни соль, ни дорогую рыбу. А проносились в клубах пыли грузовики с «контингентом», продовольствием, инструментами — со всем, что требуется для двух больших островов архипелага ГУЛАГ — Усольлага и Нарыблага. Иногда между грузовиками извивались маленькие «уазики» с разномастным начальством.

... Уже вечереет, нам предстоит ночевка в Бондюге перед дальнейшим этапом. Конвой быстро нас сортирует, конвойных отводят в большую часть дома, где на окнах решетки, а в углу параша — все как положено. А нас — привилегированных бесконвойных — заводят в небольшую комнату, откуда мы можем пользоваться свободой нужника во дворе и даже посидеть на пороге распахнутой двери, любуясь деревенской улицей, детьми, женщинами, каким-то неопределенным ощущением почти свободы. И мы можем достать из-за пазухи, из наших скудных сидоров остатки выданного нам «сухого пайка»: пайку хлеба, кусок вареной трески, твердый, как камень, обломок рафинада.

Впрочем, в нашей компании опытные арестанты, у которых и деньги есть, и установились деловые отношения с нашим конвоем, ибо в Бондюге имеется какой ни на есть, а магазинчик, а самое главное — чайная. Чаю там, конечно, никакого нет, но на всем старом Сибирском тракте известно, что в чайной Бондюга запросто и не оглядываясь на чин-звание продают водку. Уже становится совсем темно, под потолком зажигается тусклая электрическая лампочка, я доел свой очень сухой паек, выпил воды из огромного медного чайника, удобно устроился в углу, и благодетельный, всегда сладостный арестантский сон охватывает меня, я не слышу оживления в нашей комнатке и шепотные переговоры с конвоем. Потом меня будят мои этапные кореши. Они возбуждены, глаза блестят, и сразу же понятно, что они навещали знаменитую чайную. «Давай, давай!» — суют они мне почти полный стакан водки и кусок чего-то мясного. Я выпиваю обжигающую жидкость, с непривычки и забытого вкуса из глаз моих льются слезы, я быстро, по-арестантски, по-этапному сжевываю остаток котлеты и снова проваливаюсь в сон, где нет ни тюрьмы, ни этапа, ни мыслей о том, что нас ждет завтра.

По дороге размягченный конвой называет нам наше «место назначения». Направляемся мы в большой лагерный поселок, именуемый «Мазунь». Там находится головной лагпункт большого лагерного отделения, имеющего много командировок. Туда нас и волокут, а для чего — про это знает начальство, а зекам должно быть все равно. И через несколько часов на правом берегу реки появляются приметы жизнедеятельности человека: недосброшенные катища леса; недокатившиеся до уреза воды и полусгнившие бревна; сбитые из горбыля какие-то сарайчики неизвестного назначения. А затем уж вырастают архитектурные ансамбли большого лагерного поселка: высокая труба электростанции, зона комендантского лагпункта, пожарная каланча, разномастные бараки, где живут вольняшки, большая, добротно срубленная казарма для ВОХРы.

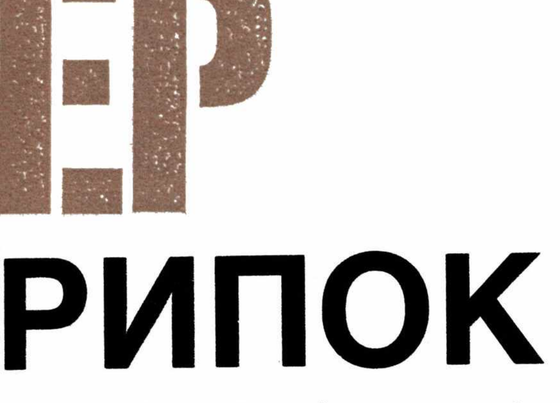
И маленькая пристань, куда уже собралось в ожидании нас несколько человек. Начальство, в распоряжение коего мы поступаем, и служивые, и просто любопытные. Потому что приход нового этапа — всегда событие, в нем часто можно обнаружить знакомого, узнать про знакомых, просто полюбопытствовать о том, как живут зеки в других местах.

Мы выходим из баржи, садимся — как положено — на корточки и начинаем оглядываться. И сразу же узнаю знакомое лицо! То, что я узнал ее, было неудивительно, хотя и видел-то я ее два раза в жизни. Один раз на первом лагпункте Устьвымлага, когда она уходила на свободу, а второй — в Княжпогосте на 21-м лагпункте, куда я приехал устраивать Жене Гнедину незаконную свиданку с женой. Видел я эту женщину мельком, почти с ней не разговаривал, но невозможно было забыть это резко еврейское и очень незнакомое лицо. Она уже тогда была вольняшкой, замужем за каким-то сплавным мастером. Однажды увидев, забыть это лицо было невозможно. Гораздо удивительнее было то, что она — почти через восемь лет! — узнала меня. Даже фамилию вспомнила. Наклоняясь ко мне, деловито сказала:

— Вас, двенадцать бесконвойных, сейчас повезут на командировку Рекунь. Это 25 километров по лежневке, и там содержатся только двадцатипятилетники. Инспектором КВЧ там мой знакомый, я ему сейчас позвоню, и он вас встретит у вахты. Бесконвойные в Рекуни не пропадут — там их всего несколько человек. Зовут моего знакомого — Яков Александрович, он у начальства в авторитете, через него дайте мне знать, как и что...

Она это все даже не проговорила, а пропулеметила, пока какой-то местный вертухай, держа в руках наши формуляры, выкликал двенадцать фамилий. Без больших строгостей мы взобрались на обычный лесовоз, приспособленный для перевозок досок, и полетели по лежневке к ожидающей нас неизвестности. Весь мой устьвымлаговский период жизни прошел на автовывозке леса, и глаз привычно отмечал неровное полотно, разбитость лежней, бракованные нагели, валяющиеся у кромки дороги. По сторонам лежневой дороги лежали остатки штабелей стрелеванного, то есть подвезенного к дороге, леса. Значит, при погрузке на машину наиболее легкие для погрузки верхние ряды со штабелей сняли, а самые трудные нижние ряды оставили. Я тогда еще не подозревал, для кого они эти нижние ряды оставили... Но размышлять на производственные темы было некогда. Наш лесовоз уже подъезжал к вахте Рекуни.

О том, что командировка режимная, мы могли судить только по тому, что обыскивали нас без халтуры, со знанием дела, даже прощупывая швы в телогрейках и бушлатах. Когда нам показали барак, отведенный для нас, ко мне подошел ранее стоявший в стороне не очень похожий на других человек. То, что командировка режимная, нетрудно было догадаться по тем немногим зекам, что шныряли по зоне. Немолодые, угрюмо-озабоченные, с тем неизгладимым отпечатком, что кладут на внешность людей война, плен, заключение, этапы, тюрьмы, лагеря... А этот человек имел почти вольный вид: донашиваемый, но в хорошем состоянии костюм, чи-

РАССКАЗ

РИПОК

стая белая рубашка. О его арестантской сущности говорила только стриженая голова.

— Ваша фамилия Разгон? Мне о вас звонила Фира, то есть Эсфирь Давидовна. Меня зовут Яков Александрович, я здешний инспектор КВЧ. Пройдем ко мне, пока ваш этап устраивается.

Мы прошли в торец длинного барака, занимаемого конторой и всякими другими служебными помещениями. Внутренность КВЧ — культурно-просветительной части — была стандартной: груда лежащих на полу плакатов, исписанных лозунгами, призывающими к трудовому энтузиазму; «молнии», извещающие о рекордах некоего зека; полочка с несколькими тощими книжками; банки и склянки с красками. И большой трофейный аккордеон, стоящий в углу. КВЧ было хорошо обжито. На маленькой плите стояли чайник и какая-то кастрюлька с варевом, к стене прибит рукомойник, а рядом чистое полотенце.

— Как вас принято было называть на воле? Раздевайтесь, вымойте руки, Лев Эммануилович. Сейчас заварю чай. Настоящий, московский.

Не спеша, осторожными, как бы плавными движениями Яков Александрович заварил чай, достал блюдечко с маслом и плавленым сырком, нарезал и пододвинул ко мне тарелку с хлебом.

— Наше арестантское дело — прежде всего поесть. Это никогда не следует откладывать. Впрочем, мне вас, кажется, не следует учить?

Значит, Яков Александрович — зек. А как же он стал инспектором КВЧ? Мне по дороге рассказали, что на этой командировке все без исключения двадцатипятилетники по статье 58-1а — измена родине. Пятьдесят восьмая не может быть никогда допущена к такой высокоидеологической деятельности, как та, которой занимается КВЧ.

— Вы москвич? Расскажите, меняется что-нибудь после войны в нашем городе? Я его не видел уже два года.

Я размягчился, от меня начала отходить усталость от мучительного этапа по Сибирскому тракту, от окриков конвоя, шмонов, томящей неизвестности. Чай был свежий и крепкий, хлеб нарезан тонкими ломтями, и давний, полузабытый вкус масла... И этот интеллигентный москвич, с которым разговариваешь почти как на московской кухне. Хотя так бесконечно велико различие между милой домашней кухней и этим неистребимо казенным куском барака. Но вдруг я увидел на стене нечто нелагерное — скрипку. Элегантная, блестя благородной коричневостью лака, она аккуратно висела на прибитом к стене куске фланели.

— На что вы загляделись?

— Скрипка. Очень давно не видел. И много лет не слышал. Иногда только в спокойную минуту начинаю вспоминать. И уже начал забывать настоящий звук скрипки.

— Вы хотите вспомнить?

Яков Александрович все теми же плавными движениями достал скрипку, взял тряпочку, протер и без того блестящую деку скрипки. Потом он привычно приложил ее к плечу, и я услышал давно уже позабытые звуки настраиваемой скрипки. И заиграл. Господи! Давно, давным-давно, не помню уже когда, я был последний раз на скрипичном концерте — я услышал то, что всегда было и считалось божественным...

— «Чакона»!

— Еще можно узнать, да? Вы правду говорите?

— Правду. Извините, что я так разволновался. Это было так для меня неожиданно: услышать Баха на командировке Рекунь...

— Ну, вы такой для меня неожиданный и необыкновенный гость: Баха узнал... Я вам еще немного поиграю.

Яков Александрович начал играть концерт Чайковского. И не с обычной второй, «выигрышной», части, а с самого начала. Он играл, я слушал, вспоминая, когда и в исполнении каких великих скрипачей слушал я этот концерт. И при всей моей музыкальной малограмотности и безнадежном любительстве понимал, что это не дилетант-самоучка и не музыкант из ресторанного оркестра, а играет настоящий профессионал. Нет, не в «Савое» или «Метрополе» играл Яков Александрович! Он как будто понял, о чем я думаю:

— Не удивляйтесь, Лев Эммануилович. Я ведь все же не «клезмершпиль», я окончил Московскую консерваторию, и у меня были очень хорошие учителя. Те же, что и у хорошо вам известных великих скрипачей. Только вот великого скрипача из меня не вышло. Оказывается, недостаточно иметь хороших учителей. Дайте я вам налью еще чаю. Не торопитесь. Сегодня у вас все равно не рабочий, а этапный день. Посидите. И для меня наше знакомство столь же неожиданно и волнующе, как и для вас «Чакона» Баха.

— Да, да! Я начинал почти точно так, как настоящие великие скрипачи — Ойстрах, Коган. Отец — фармацевт, считавший, что в нем самом погиб вели-

кий музыкант, делал все возможное и невозможное, чтобы его сын стал великим... Учиться скрипке я стал почти с трех лет. Музыкальная школа, учителя, музыка, музыка, музыка... Я не знал, что такое детство, что значит побегать по улицам, подраться с мальчишками, залезть на дерево. Руки, упаси Бог, руки! И каждая свободная минута — скрипка, скрипка, скрипка... И знаете, я ее не возненавидел, нет. Я играл охотно, меня водили на все скрипичные концерты, и я мысленно играл с каждым из знаменитостей, я вместе с ним небрежно пожимал руку концертмейстеру первых скрипок, обнимался с дирижером, принимал цветы, цветы, цветы... Теперь-то я понимаю, что не только любовь к музыке, но и самое пошлое честолюбие владело мною с самого детства.

Но музыку я любил, пусть небескорыстно,— а кто ее любит бескорыстно! — но любил. И, наверное, за эту любовь ко мне очень хорошо относились учителя. Берегли меня во время войны, во время эвакуации, на картошку не посылали... И каждый раз, взбегая по лестнице Малого зала, я на вакантных местах мраморной доски золотых медалистов видел свою фамилию...

А, знаете, ведь не учителя, а я сам начал понимать, что не выйдет из меня великого скрипача... Ну, я вам не могу это объяснить. Есть какие-то места в великих произведениях, которые могут сыграть если не великие, то только очень большие музыканты. Одна какая-нибудь фраза, несколько нот. Но по ним не только профессионал, но даже интеллигентный любитель — вот как вы — догадается, что нет — это не то... Я первый начал об этом догадываться, с ужасом, не веря себе, а потом начал замечать, что это становится ясным и моим учителям. Вот так, по каким-то малозаметным приметам. Играл в студенческом оркестре первую скрипку, вдруг попросили — так, случайно, для замены — перейти на вторую. И в показательные концерты перед начальством перестали включать.

Нет, я не пришел в отчаяние, не бросил учиться, продолжал так же много работать. Но начал отчетливо понимать свое будущее. Солиста из меня не получится. И я никогда не стану перед оркестром рядом с дирижером. Ко мне хорошо относятся, может быть, я через какое-то время сумею попасть в приличный симфонический оркестр и даже начать играть первую скрипку. И буду играть долго-долго, пока не дойду до вершины своей музыкальной карьеры: стану концертмейстером первых скрипок. Это для музыканта большое признание, высокая квалификация, но сразу же у меня улетело все представление о моей будущей жизни. Я увидел ее до конца, и в ней не было ни цветов, ни оваций...

Яков Александрович встал из-за стола, он ходил по маленькой комнате, потирая руки, как бы разговаривая с самим собой. Потом повернулся ко мне:

— Простите, ради Бога! Так разволновался, как не волновался ни на суде, когда слушал приговор о моем расстреле, ни в смертной камере. Я ведь не только никогда об этом никому не рассказываю, а и себе запретил вспоминать. И вы первый, с кем я об этом говорю. Как и первый, кому я играл. Ведь с музыкой у меня покончено навсегда!

Ну, раз я начал — надо вам до конца досказать историю моей жизни. Из консерватории меня выпустили все же с аттестатом первой скрипки. Но где играть — об этом, конечно, не было сказано ни слова. А в Москве после войны, собственно, один настоящий оркестр. Небольшие оркестры на радио, в кинематографе забиты прекрасными, с именами, музыкантами. И нет никаких шансов попасть туда только что окончившему консерваторию. Можно пойти куда-то переучиваться на педагога и затем в какой-нибудь школе пиликать на скрипке, учить азбуке...

И вдруг случай! Тот самый, о который мы когда-нибудь, да спотыкаемся. Не знаю, кто мне удружил, но вдруг вызывают меня в Главное управление филармоний. И предлагают мне ехать во Владивосток, в симфонический оркестр концертмейстером первых скрипок! Понимаете! То, что, как я считал, должно завершить мою карьеру, становится началом! Мне говорят, кто там дирижер, также молодой и очень способный, но было от чего закружиться голове... Понимаю, что оркестр молодой, что это будет великий труд — сколотить, довести до ума. Но ведь интересно! И я себе представил, как через несколько лет можно с таким оркестром приехать на гастроли в Москву, назло всем этим старым хрычам...

Ну, словом, я уехал во Владивосток. И те недели, что поезд меня тащил через всю Россию, все время думал о музыке. Никогда больше я столько не думал о ней. И не только примирился с моим местом в ней, но и начал находить в нем важность, ценность, требующие общего уважения. Кстати, так оно и есть, так оно и должно быть! Наверное, эти дни в далекой дороге были самыми счастливыми в моей жизни. Сидел в углу купе, пил незаваренный кипяток с куском хлеба, и это был самый вкусный хлеб в моей жизни.

А потом наступил Владивосток! Не хочу вам ничего рассказывать об этом невероятном и ужасном городе. Владивосток после войны — это описать нельзя, для этого романист требуется! Конечно, никакого оркестра во Владивостоке нет и никогда не было. Нет ни дирижера, нет и музыкантов — никого и ничего нет. В местной филармонии чуть ли не лопнули от смеха, когда я им показал назначение из Москвы. Стали меня звать «концертмейстер», под этой кличкой я стал известен в городе, когда уже распрощался с музыкой. А местная филармония к музыке и отношения не имеет. Работают у них разные цыганские ансамбли, фокусники, даже пары классической борьбы, еще какая-то шваль... Рассылают их по всему краю, перевыполняют план и очень довольны. Да. А у меня ни жилья, ни работы, ни карточек... Предлагают: походите по ресторанам — там играют оркестрики по нескольку человек, может, найдется работа.

Во Владивостоке ресторанов много и разных — город портовый, сбродный. Столовую не найдешь, а коммерческих ресторанов полно. И, конечно, начал я с самого знаменитого, фешенебельного. Пришел днем, музыкантов еще нет, послали к директору. Вот я и встретился, Лев Эммануилович, со своей судьбой. Не смейтесь, не улыбайтесь, это в действительности была моя судьба. Средних лет, прекрасно одетый, черные какие-то пронзительные глаза, не еврей, нет — русский, и фамилия русская.

— И скрипка у вас есть? — спросил он.

— Конечно, есть.

— Приходите вечером со скрипкой, прямо ко мне в кабинет.

Вот и весь разговор был. Вечером пришел, ресторан уже полон, в углу готовится играть оркестрик: две скрипки, кларнет, флейта, аккордеон — симфонический оркестр, только концертмейстера не хватает... На этот раз директор — я его так и стал звать

дальше — директором — расспросил меня: откуда, кто остался в Москве. А в Москве и не осталось никого. Родители умерли, брата убили в начале войны, не женат, детей нет... Он говорит:

— Вы себе представляете свою жизнь здесь? Один из этих скрипачей чему-то учился, другой — самоучка, кларнет и флейта из оркестра пожарной команды. Аккордеонист — профессиональный уголовник, он и является тем, кто у вас называется дирижером. За места свои трясутся — сыты, пьяны, всегда есть деньги. И немалые. Тут народ гулевой, им ничего не стоит бросить музыкантам сотню-другую... Ну, я всегда заставлю их взять вас, но что вы с ними будете делать, что играть? Мурку? У вас с собой скрипка? А ну, сыграйте. Что хотите... И такое будут слушать гости нашего ресторана? Ну, не плачьте, концертмейстер... У всех, попавших сюда, слезы должны высохнуть навсегда. Или же они будут литься без остановки до конца жизни.

Я вам поверил, Яков Александрович. Навсегда и сразу. У меня иначе не бывает, и поэтому я жив и жить собираюсь. Еще ни разу не ошибался. Так вот: забудьте о музыке. Я вас возьму к себе своим помощником. И буду приучать к работе. Пойдет это у вас — будет у вас человеческая, достойная жизнь. Не пойдет — что-нибудь для вас придумаю.

Я ему говорю:

— Петр Петрович,— так его звали,— у меня нет здесь ни жилья, ни прописки, ни карточек и ни одного знакомого человека.

— И не нужно! У вас сегодня будет хорошая комната, будет прописка, будут и карточки, которые отдадите какой-нибудь старушке, которая вам белье станет стирать. Вам карточки не потребуются.

Я посмотрел на свою скрипку. Это была очень хорошая, настоящая итальянская скрипка, погладил ее, уложил в футляр и понял, что навсегда с ней прощаюсь. И стал помощником у директора ресторана Петра Петровича. Знаете, Лев Эммануилович, этот человек перевернул всю мою жизнь, она навсегда оказалась связанной с ним, а я про него ничего не знаю, до сих пор не знаю. Он был из тех, кому никогда не задают вопросов. И я не задавал. Откуда, где учился, как в торговлю попал — ничего не знаю. Но был спокойный, интеллигентный, начитанный, мог с усмешкой вставить в разговор строчку из Пушкина или Толстого процитировать. Никогда не ругался. Даже с самыми последними, с беспросветной пьянью. Только взглянет на него — и тот как побитая собака. И все знают: скажет кому надо — пропадет человек, и никто никогда его не найдет... Страшный был человек Петр Петрович.

И вот что самое удивительное: во мне, оказывается, дремал талант делового человека! Удивительно! Всегда считал себя непрактичным, неумейкой, ни с кем по-хорошему договориться не умел. А тут! Петр Петрович был человек таинственный. Послевоенный голод, а у него есть все и в любых количествах. Даст мне толстую пачку денег и скажет, куда и кому отвезти. А те все привезут, и без всякой хитрецы и обмана. Не сразу я понял, что были у него и филиалы. В больших, хороших, вроде семейных квартирах. А там совсем другие порядки и другой народ — некое подобие старого и уютного дома. В действительности такой же бордель, да похуже. Только люди там другие.

А сам жил так, без всякой особой роскоши. Двухкомнатная квартира, ну, хорошая квартира, но без всяких там цацек. Одинок, не женат. Прислуживает какая-то старуха. Дома был у него раза два, но заметил: никаких следов женщин, две полки книг — и все только исторические. В городе знали: Петр Петрович все может! Если захочет. А вот отчего зависело его хотение — я не уяснил себе до сих пор. Хотя потом стал догадываться.

В первый раз, когда он открыл ящик стола, достал оттуда толстую пачку денег и сказал: это вам — смутился. Зачем? И так живу, ни в чем не нуждаясь, как никогда не жил в жизни... А он мне:

— Деньги вам нужны не для еды и тряпок — это все у вас есть. Они вам нужны для свободы. С ними вы свободный человек. И кусок власти имеете.

Через полгода я у него был не просто заместителем, а ближайшим помощником. Иногда он уезжал в Москву, недели на две-три, и оставлял меня. Никогда меня не проверял, но понимал я, что мне он верит. Не то что безгранично — безгранично не верил никому, а просто верит. А еще через два месяца назначают Петра Петровича директором треста ресторанов всего Владивостока, а меня вместо него. Не удивился я этому. Уже понял, что судьба моя навсегда, до конца жизни связана с ним. Как-то спохватился, что его словами, его интонацией разговариваю. «Никогда, ни при каких обстоятельствах не забывайте обедать,— говорил он.— И сейчас мы будем обедать. Подождите меня».

И судки инспектора КВЧ были эмалированные, и прибор на столе мельхиоровый, и все немудреное лагерное его хозяйство, которое я разглядывал, пока Яков Александрович ходил за обедом, было добротным, настоящим, почти домашним. Потом он пришел, поставил судки на плитку, стал накрывать стол.

— Обед, конечно, больничный, Яков Александрович.

— Конечно. И не просто больничный, а врачебный. Чего ж вам объяснять — старому зеку.

— Яков Александрович! У вас, извините, какой срок?

— Как и у всех на этой командировке — двадцать пять, пять еще по рогам, пять по зубам — лишенец. Вы хотите знать, как же я стал инспектором КВЧ?

— Да. Если вам это удобно.

— Это пятьдесят восьмой нельзя работать в КВЧ. А у меня абсолютно бытовая статья: хищение социалистической собственности в особо крупных размерах. С такой статьей здесь, на командировке, всего шесть человек. А я, когда этапом шел сюда, уже знал, что не буду на общих. Это мне на приемке этапа сказала Фира Давидовна.

— А кто это такая? Я ее немного знал по старому моему лагерю — Устьвымлагу. Она там срок отбывала, потом стала вольняшкой, замуж вышла.

— Здесь она еще пару раз выходила замуж. На этот раз очень удачно. За начальника сплавконторы. А сама работает секретарем у начальника производства: Очень влиятельный человек Фира Давидовна. И умный. Позвонила мне на вахту, сказала про вас, она добрая женщина и нравится мужчинам, хотя и страшна как смертный грех... Ну, давайте обедать, за обедом и доскажу свою не законченную еще историю. Про самое главное в жизни уже сказал, а про другое — не буду вас терзать долгими рассказами.

Ну а дальше жизнь понеслась как на перекладных. Только полгода пробыл Петр Петрович директором ресторанного треста. А затем уезжает в Москву.

— И вы становитесь на его место?

— Почти угадали. Ну, не на его место, я же беспартийный. Но начальником он поставил такого дуролома, который мне только что калоши не мыл. И когда я ему ежемесячно так небрежно давал пачечку денег, готов был руки мне целовать. Да, вот там я и начал понимать, за что Петр Петрович ценил деньги. Не за свободу, нет, за власть. Ах, как же кружит голову власть! Понимаете, все продается, на все есть своя цена. Вот встретил одного очень понравившегося мне человека: он знал всех птиц, о каждой мог рассказывать — часами можно было слушать, дивно умел петь, как эти птицы. И все плакался, что уничтожают какой-то островок леса на краю города, где живет множество этих птиц. Я его спрашиваю: «А если бы вы председателем райисполкома там были?» «О!» — говорит. Ну, вот я его и назначил председателем этого райисполкома.

— Как так назначили?

— Это вам долго объяснять. За деньги. За деньги назначил. Хотел сделать секретарем райкома, а стажа у него, что ли, не хватило. Хотя и через это можно было проскакать. Но я знал, что долго не задержусь в городе, что Петр Петрович меня заберет. И точно. Через восемь месяцев меня вызывают в Москву на повышение квалификации. И по телефону Петр Петрович мне коротко говорит: назад не вернетесь.

Квалифицировался я недолго. Петр Петрович уже был директором московского ресторанного треста. А я сразу же стал директором районного ресторанного треста. Так началась моя московская жизнь. Странная это была жизнь. Своими ресторанами я мало занимался. Там у меня были свои люди, кого мне Петр Петрович дал, да и сам научился подбирать нужных и способных. Вот они и работали. А сам я — как и раньше — в помощниках у Петра Петровича был. Главным его помощником. Кассиром, что ли. Потому что через меня, и только меня, шли деньги.

— Кому?

— Тем, кто командует всем и всеми. Конечно, никаких фамилий я называть не буду — вы их большинство знаете. А некоторых и не знаете, а они были самыми главными, хотя и фамилии их нигде и никогда не появлялись.

— Неужели такие большие деньги были?

— Большие. Очень большие. Они как бы стекались маленькими, почти незаметными ручейками, а потом уже соединялись.

— Яков Александрович! Понимаю, что незачем мне вас обо всем этом расспрашивать. Но ответьте мне на один вопрос: вы говорите, что это все были большие люди, разве они жили уж так плохо? Как во время войны жили — не знаю. А как жили до тридцать седьмого — знаю: ни на каких уровнях начальство не нуждалось ни в чем.

— А они и не нуждались ни в чем! У них было все: прекрасные квартиры, великолепная обстановка — лучшее из трофейного имущества им доставалось, казенная машина со сменными шоферами, а уж о еде и говорить не приходится. Все у них было. Вот денег было им мало. Зарплата — жесткая, ну еще кому конвертик дадут. Много разговоров было про эти конверты, но денег там было и не так уж много.

— А зачем им нужны были деньги? Да еще большие.

— Вы, Лев Эммануилович, человек из прошлого. Как ушли из ваших двадцатых да начала тридцатых — таким и остались. Вот у вас был очень коротенький перерыв между сроками, съездили в Москву, поработали в провинции. Что вас удивило по сравнению с прошлым?

— Сначала какие-то пустяки. Женщины — партийные работники, а красят губы, носят кольца и сережки в ушах...

Этот длинный, случайно возникший разговор вдруг всколыхнул во мне воспоминание об этом маленьком, совсем коротком периоде моей жизни, когда в провинциальном городе мы с женой пробовали сколотить какую ни на есть, а жизнь... Да, поразили меня партийные дамы с крашеными губами и стекляшками в ушах. Рика мне говорила, что не стекляшки это, а бриллианты... Поразило, что старый и всеми уважаемый коммунист глазом не моргнув предложил мне крупную литературную работу, а потом, назвав мне очень крупный по тем временам гонорар, спросил:

— Вас устраивает размер гонорара?

— О да, безусловно! Очень вам благодарен.

— В договоре будет указан гонорар вдвое больше этого. И эту половину вы отдадите мне.

Сказал так просто и обыденно, как будто речь шла о чем-то само собою разумеющемся. И я согласился. Как соглашался потом на то, чтобы писать лекции лекторам крайкома, писать целые куски в научных диссертациях, писать для других статьи... За моими плечами были уже годы тюрьмы и лагерей, я уже почти вышел из той иллюзорной жизни, какой жил с детства, меня трудно было удивить чем-либо в том, что происходит. Я знал свое безусловное право в поте лица своего добывать хлеб любыми способами, если они не противоречили моим, еще существующим во мне законам совести.

— Вы почувствовали себя в другом мире, да?

— Да. Почувствовал себя в другом мире.

— Это был и для меня другой мир. Совершенно другой, хотя я не был коммунистом, как вы, наверное, не был журналистом, имел очень малое соприкосновение с политикой. Был музыкантом, и все у меня было связано с музыкой. Конечно, прозревать начал еще в Москве, а окончательно зрячим стал во Владивостоке, а еще больше в Москве.

— Так все же, Яков Александрович, зачем этим людям, на которых вы работали, нужны были деньги? Все у них было ведь: богатство, власть.

— Власти у них не было, вот в чем дело. При Сталине власть была у него одного. Все остальные имели только то, что он им давал, и не больше.

А хотелось больше! Даже старое поколение, большую часть жизни проведшее в бедности, хотело другого. Кроме старой и ненужной ему жены — молодых, все умеющих девиц; возможность иметь, кроме своей большой и скучной казенной квартиры, еще одну — небольшую, уютную. А тут подрастало молодое поколение, которое жаждало всего, а не имело ничего. Конечно, была у начальства и прямая власть — позвонить, написать, приказать. Но при Сталине это было опасно, никто не мог поручиться, что не продадут. А деньги — самое надежное. Взявший деньги сделает все и тебя не заложит — себе дороже.

Вот в таком странном мире жил, стыдно сказать, а увлекся даже этой жизнью. Сам-то я жил весьма скромно, но вот это верчение, разгадки тайных ходов, какое-то невероятное злорадство: смотрю на газету с важным портретом, читаю его идиотскую и лживую речугу и вспоминаю, каким он был вчера, позавчера, несколько дней назад, когда я ему клал в специально раскрытый ящик стола толстый конверт с деньгами...

— Но кто-то из них вас заложил!

— Да никто не заложил. Погорели совсем по-глупому, все началось с какого-то маленького служащего склада, который посчитал, что ему недодали...

— И на вас вышло НКВД?

— Нет, они к нам отношения не имели. И мы к ним. Это была совсем другая система, с нами не соприкасавшаяся. У них все свое было, а горели мы самым обыкновенным способом, через мелких работников милиции.

— А они не были куплены?

— Нет, конечно. Если всех покупать — дня не продержишься. Вот так закончилась моя московская жизнь. Не приехал туда со своим камерным оркестром из Владивостока, как думал когда-то...

— Вам не тяжело было, Яков Александрович, ходить на концерты в Большой зал?

— Ни разу не был. Ни на одном концерте. Приезжали на гастроли такие скрипачи, чьи фотографии когда-то готов был целовать. Ни разу не был. Отрезал это от себя навсегда. Иначе жить не сумел бы. Только раз не выдержал, купил очень хорошую старинную и очень дорогую итальянскую скрипку. Просто так. Дома иногда брал ее, протирал и снова прятал. Ни разу не провел смычком. Знал —

заиграю на ней, вся моя жизнь пойдет прахом.

— Вот эта скрипка?

— Нет, что вы! Ту забрали. Ведь меня с конфискацией... А эту я тут достал, привезли одному по моей просьбе.

— А ваш злой или, может, добрый гений — Петр Петрович? Он попал вместе с вами?

— Если бы такое случилось, я сейчас не разговаривал бы с вами. Нет, он даже свидетелем не проходил, вообще остался в стороне. Хотя я понимал на следствии, почему мне никто про него ни одного вопроса не задал. Даже о том, как я в Москве на такой работе очутился. Процесс был большой, да в нем никого из крупных не было. Я и в тюрьме получал все указания. Все взял на себя, все. Не только, конечно, не назвал ни одной фамилии, но и выручал отъявленных мерзавцев, готовых меня утопить. И когда мне передали: не бойся, останешься жив — твердо в это верил, не сомневался. Из двадцати семи человек — шесть к высшей мере. И меня, конечно. Стою, слушаю смертный приговор, смотрю на судью и думаю: сколько тебе дали? А самому интересно: кто меня заменяет в этой работе?

Ну, не скажу, чтобы четыре месяца в смертной камере были приятными. Не от страха — был уверен, что все сработает, а вот жизнь смертника... Да вы про все это знаете. Заменили, и уж по назначению в лагерь понял: не пропаду и в лагере. Усольлаг не Колыма, не Ухтпечлаг. Через несколько дней на этой командировке вызвал начальник, назначил помогать начальнику КВЧ. Как видите, живу не плохо для такого арестанта. Фира Давидовна мне иногда денег подбрасывает, прикупаю в вольном ларьке. Может быть, вам требуются деньги, Лев Эммануилович?

— Спасибо. У меня есть сколько нужно. Я ведь тоже не девушка, не фрей, рога давно уже сдал в каптерку... Ну, живете вы спокойно. Но это же лагерь, и никто из нас не знает, чем обернется завтрашний день. И даже если все так, как сейчас, у вас впереди — четверть почти века, ссылка — вы и при этих мыслях сохраняете спокойствие?

— А я и не собираюсь свой срок полностью отсиживать. У вас десятка. Дай вам Бог освободиться раньше. Но я еще раньше буду на свободе. Уверен не в себе, в Петре Петровиче, во всей этой хорошо смазанной и отлично действующей машине.

— Слушаю и не понимаю: почему вы так уверены? Ну, в благодарность вам сохранили жизнь, здесь помогают, такое в законе и у других категорий арестантов есть. Но там-то вы не нужны уж никому, вы отработанный пар.

— Там я очень нужен. И на этом, а не на каких-то сентиментальных чувствах Петра Петровича основан мой оптимизм. Я очень редкий человек, я верный человек, Лев Эммануилович. И в наше время такие под заборами не валяются. Я им еще нужен, я им пригожусь. Не в одном деле, так в другом... А заметили вы, что все же неистребимо в нас сидит наше прошлое? Совсем не арестантский разговор ведем. Вас поместят в барак бесконвойных — есть тут один такой маленький, для пожарников поставили. Скажете мне, что нужно из постельных принадлежностей, я вам все это организую.

— Благодарствую, Яков Александрович, я ведь тоже почти в паханах хожу. Все найдется. Спасибо за хлеб-соль, за московский разговор, за музыку.

— Вы первый, для кого здесь играл. Поиграть вам еще? Скажите, что хотите услышать?

— Вот — только не удивляйтесь — хотел бы услышать вальс из «Елки» Ребикова и «Мелодию» Глюка. Но вы их, наверное, не играете.

— Нет, могу сыграть. Но ведь это не скрипичные вещи, их обычно играют солисты-флейтисты.

— Мой отец играл мне их на флейте.

— Ну, что это вы, дорогой, до слез вас довел. Не будем возвращаться к музыке, она дает радость, но не дает счастья.

Это был, собственно, мой почти единственный разговор с Яковом Александровичем. Такой разговор. А дальше началась моя лагерная жизнь, она оказалась менее комфортной, нежели мы думали, когда плыли на Мазунь. На этой командировке бесконвойные требовались, чтобы ночью грузить на лесовозы не добранный днем подтрелеванный к лежневке лес. Наша бригада выходила на работу в восемь вечера и почти до утра мы ездили по лежневке, вытаскивали из снега бревна. Работа эта была тяжелая, грязная, мы на час-другой разводили большой костер и сушились, немного подремывая. В зону приходили уже после развода, быстро съедали полуостывшую баланду и немедленно заваливались спать. Я давно уже не был на тяжелых работах, с непривычки уставал, с трудом заставлял себя раздеваться, мыть котелок и миску, смывать с лица и рук копоть костров.

Иногда ко мне перед выходом на работу заходил Яков Александрович, по выходным дням я иногда к нему приходил, и он меня угощал настоящим крепким чаем. Но больше мы никогда не возвращались к тому, о чем разговаривали в тот, самый первый день нашего знакомства.

К нему относились на командировке хорошо, хотя там было немало карателей-полицаев и другого малосимпатичного человеческого материала. Но инспектор КВЧ никогда и никому не отказывал в листике бумаги для письма, некоторым сам писал письма, он был услужлив без лагерного подхалимства, и арестантская публика, очень тонкая на людей, считала, что «еврей из КВЧ» — свой, не сука, не лагерный придурок.

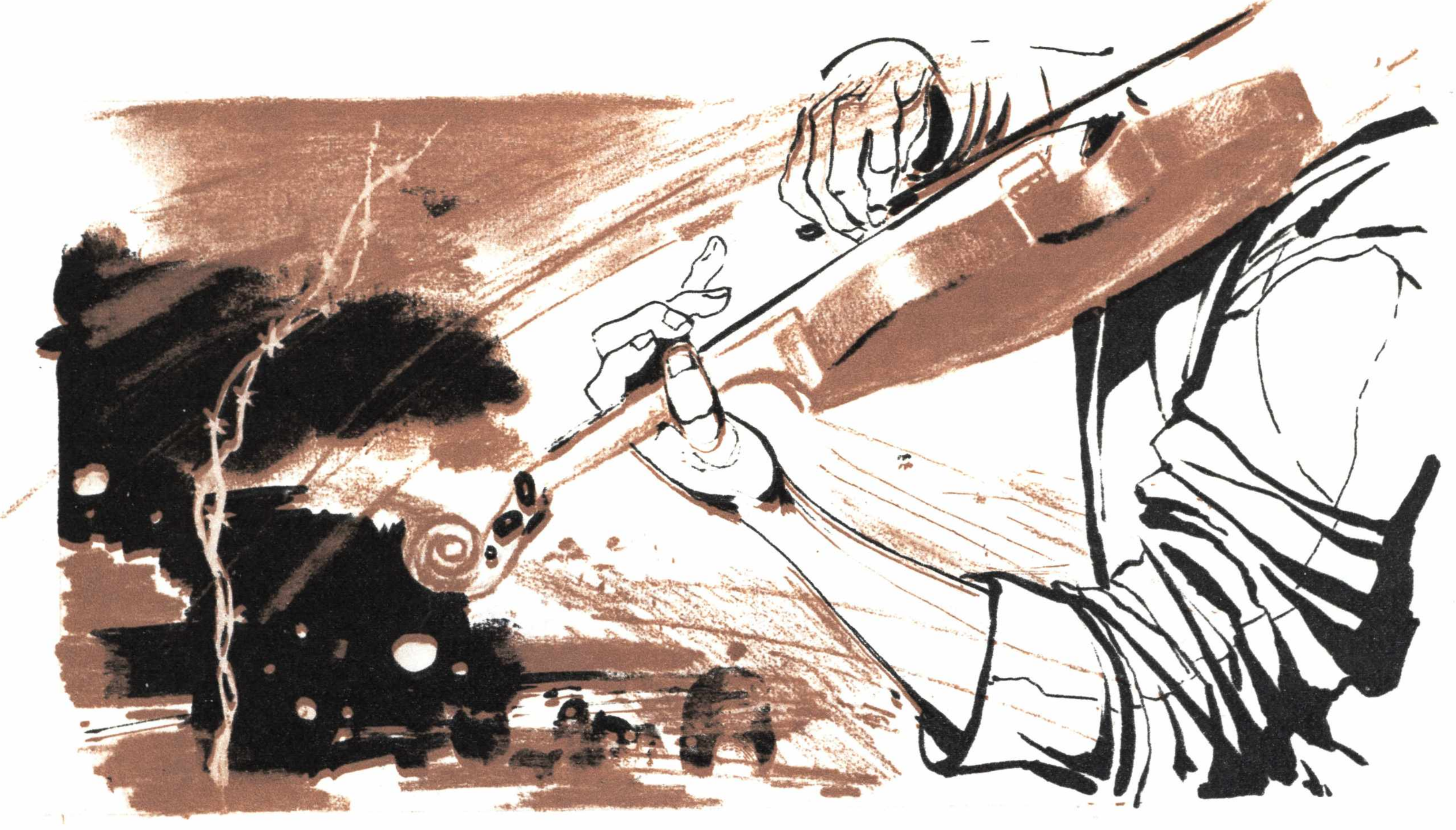
Я недолго, месяца полтора, пробыл на режимной командировке. Приобретенная мною в лагере специальность нормировщика, не раз меня уже выручавшая, и на этот раз меня вытащила «из общих». Однажды меня отставили от нашего маленького развода, сказали традиционное «с вещами» и отправили на Головной лагпункт на Мазунь. Там в учетно-распределительной части мне сказали, что пришел на меня наряд. И совсем близко — через реку.

На той стороне Камы, где стоял полуразрушенный старый лагпункт Чепец, создавалось новое и большое лагерное отделение. Туда отправлялась бригада строителей, а я назначался на Чепец нормировщиком.

Перед отъездом я зашел попрощаться с Яковом Александровичем. Как всегда, он был ровно-спокоен.

— Ну, что ж, поживем еще на этой странной земле. Хотя и не вижу для себя в этом большого смысла. А для вас — смысл большой, и я верю, что у вас есть будущее. Сказал бы: «Свидимся в Москве» — да это выглядело бы смешно.

1 ноября 1953 года наша бригада переходила Каму. Снега совершенно не было, река только что замерзла, и лед был такой тонкий и прозрачный, что виден был каждый камешек на дне, и казалось, мы идем как волшебники по воде. Наши сидора висели за спиной, каждый из нас держал — совсем как канатоходец — длинную жердь, чтобы удержаться, если провалимся в полынью. Лед под нами прогибался, и мы шли, растянувшись цепочкой, а конвой нервно нам кричал: «Не останавливайтесь, быстрей, быстрей!»

Лишь через восемь месяцев я снова попал на Мазунь — в командировку. Я остановился у пожарников — те тоже были бесконвойными и жили в своем пожарном сарае, и не поленился найти Фиру Давидовну. На мой вопрос о Якове Александровиче она многозначительно поджала губы и ответила:

— Два месяца назад отправлен в Соликамск. Вызван на переследствие.

Слово «переследствие» может иметь и зловещий смысл. Но только не для человека, который дошел до высшей точки наказания. Неужели он действительно был таким нужным? И верность в такой цене?

Вот уже тридцать лет, как я не на Мазуни, не на Чепце, Усть-Сурмоге... Я живу в Москве. Я никогда и ни у кого не расспрашивал о Якове Александровиче. Во-первых, не у кого, у меня не было никаких точек соприкосновения с тем миром, где живут такие, как Петр Петрович. А главное — не хотелось. Я почти уверен в том, что он освободился, что не пропала его верная служба, что он если не в Москве, то где-нибудь в теплом и хорошем месте прожил до своего конца лучше меня. Нет, не лучше, конечно, — сытнее, благополучней.

Я живу лучше и счастливее. В главном, во многом и еще потому, что часто хожу на концерты. И музыка дает мне радость и неуловимое ощущение счастья. Но иногда, когда дирижер или солист подходит пожать руку концертмейстеру первых скрипок, меня на мгновение охватывает глубокая печаль.

Много есть печальных повестей на свете, для меня к ним принадлежит и эта повесть о несостоявшемся концертмейстере первых скрипок.

Рисунки Вячеслава ЛОСЕВА

Сергей ФИЛИППОВ
Фото
Сергея ПЕТРУХИНА

Несколько лет назад совершенно неожиданно для всех скромный Измайловский парк в выходные дни оттеснил все прочие достопримечательности в глазах москвичей и их гостей. В конце концов Кремль и Парк культуры имени Горького никуда не денутся, а вот Измайлово... Этот художественный символ перестройки и гласности стал столь же привлекателен, как первые митинги, независимые печатные издания, дебаты у «стены плача», что на Пушкинской площади. Стоило властям чуть-чуть ослабить гайки, как творчество, минуя худсоветы, рванулось прямо на улицы — к своему зрителю. Могучий выброс его энергии создал особые миры — Арбат и Измайловский вернисаж. Родившись как братья-близнецы, они оказались очень разными, как бы исполненными в экспортном варианте и для внутреннего пользования. Их прижимали, пытались загнать в бюрократические рамки, плодились решения с резолюциями об усилении контроля и наведении порядка вместо естественной помощи и минимальной культурной организации как выставки-продажи под открытым небом. А теперь что ж удивляться! Как вздыхали в старом популярном фильме: «Что выросло, то выросло». На Арбате сейчас почти не осталось художников. Стоят либо перекупщики, либо «торговые агенты» самих авторов. Измайлово же еще сопротивляется полной коммерциализации, сохраняя свой особый мир.

Прощание с ВЕРНИСАЖЕМ?

Измайловский вернисаж в выходные дни похож на бесконечный переход в Московском метро. Таким же непрерывным потоком течет публика, минуя столики с товарами или толпясь и создавая воронки около них. Людская река заключена в гранитные берега продавцов с неприступными ценами. Здесь все те же книжники с тем же одинаковым товаром. А вместо пошлых, претендующих на эротичность или мужественность календарей, стоит множество посредственных «картинок» и прикладных вещей. Есть, конечно, и безусловно талантливые работы, в которых ощущается личность художника. Но их можно пересчитать по пальцам.

Собственно говоря, большинство из того, чем торгуют здесь, назвать искусством нельзя. Это художественно-ремесленные поделки, рассчитанные на примитивный вкус, требующий или похожести, или вычурности. Но этот вкус — наш с вами, поскольку каков спрос, таково и предложение. Измайлово с самого своего возникновения живет по законам рынка. И здесь ярко видно, как идет борьба золотого тельца с искусством, торга с творчеством.

Рынок диктует свои правила. Почти исчез авангард и соцарт. Зато много любительских пейзажей, слащавых работ на околоцерковную тему и просто картин под известных мастеров — Шишкина и Шагала, Кустодиева и Кандинского. Даже те из художников, кто вышел на высокий профессиональный уровень и использует импортные краски, позволяющие создать удивительный мир фантазии, тоже нередко гонят китч, правда, сделанный высокопрофессионально. Яркие бабочки и насекомые, занимающиеся любовью, рассчитаны на тот же вкус, что и порноплакаты, только на более тугой кошелек.

Над выходами из этого пестрого мира шкатулок и матрешек, кожи и бижутерии, картин и икон витает тошнотворный запах свиного «шашлыка», завершая сходство с базаром или обычной толкучкой. И только посетители, которые приходят сюда скорее посмотреть, чем купить, напоминают, что в Измайлово привлекают вернисаж и художники, а не то, что расплодилось вокруг них и грозит поглотить.

На этот раз на вернисаж меня вытянул шестилетний сын моего знакомого, наверное, самый молодой художник Измайлова. Саня Денисов продал свои первые работы в прошлом году и на заработанные деньги купил маме серебряное колечко с хризопразом на день рождения, а остаток положил в копилку. За зиму он поиздержался (у современного первоклассника карманный расход немал), да и на видеокассету, чтобы записать диснеевские мультфильмы, которые крутят по воскресеньям по телевизору, родители согласились дать только половину суммы. Остальное должен заработать сам. В то воскресенье у него купили две работы пастелью за 5 и 10 рублей. Одна уехала во Францию, другая — в Германию. Возвращаясь домой, Саня недовольно пыхтел, что «клев» был слабый.

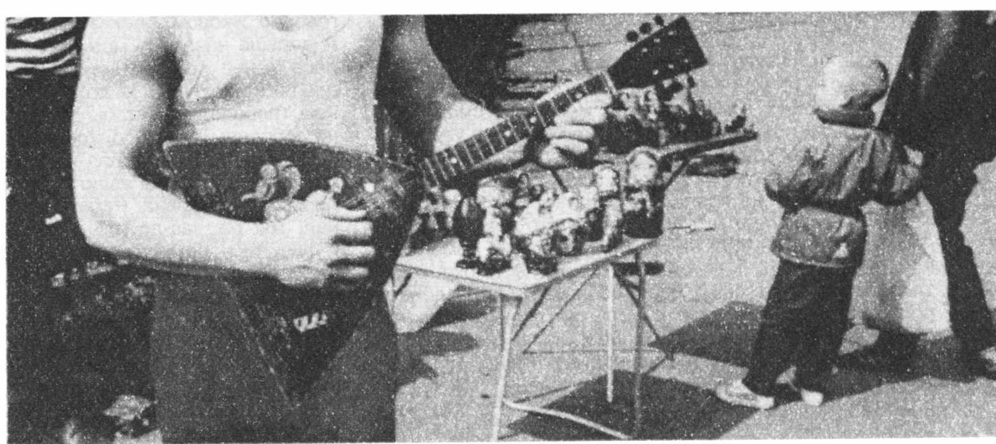
А его отец, уже почти год как оставивший эту богемную жизнь, с грустью вспоминал «дела давно минувших дней...». Как конфликтовали с милицией, как появились первые, еще не организованные рэкетиры, как возникали смешные казусы с «бартером», когда у иностранцев уже не было денег, и в обмен на «картинки» шли калькуляторы, куртки, свитер, и один раз даже альбом нью-йоркского музея Метрополитен.

Пока Саня торговал своими работами, мы с его отцом пошли поинтересоваться у знакомых художников, как идут дела, и стали свидетелями любопытной сцены.

Здоровый американец протолкался к картинам. «Хау мач?» — поинтересовался он. Уже веселый художник оторвался от своей теплой компании и спросил: «Рублз или бакс (доллары.— **Прим. ред.**)?» Стоимость работ показалась американцу высоковатой, и он начал пробиваться обратно, как обратил внимание на татуировку на руке художника. «Покажи,— попросил Джон (назовем его так), а потом предложил: — Давай посмотрим, у кого их больше. Если у тебя, то покупаю твой холст. Если нет, то ничего не беру». Наш согласился и провел его к импровизированному дастархану, где художники что-то обмывали.

Для знакомства хлопнули по рюмашке. Закатали рукава — оказалось поровну. Джон расстегнул рубашку на груди, и оттуда выглянул хищный клюв то ли орла, то ли кондора. Из-под рубашки с ярлычком «Москва» умиленно взглянула на мир Богоматерь. Пропустили еще по одной. На это зрелище, оставив свои картины, начали стекаться окрестные художники. «Гуд, Джон»,— подбадривали они гостя и похлопывали по плечам. На большее знания английского языка не хватало. В какой-то момент показалось, что все — ничья. Но победа оказалась за храмом Василия Блаженного, едва уместившимся на мускулистой спине. Деньги были заплачены, картина завернута, и начался совершенно восхитительный для любого филолога разговор на двух ломаных и заплетающихся языках. Оказалось, что один был американским десантником и прошел Вьетнам, другой — советским десантником, не забывшим ни дорог Афганистана, ни двухлетнюю отсидку в тюрьме. В прошлом «голубых беретов» оказалось удивительно много общего, «народная дипломатия» давала свои плоды прямо на глазах...

* * *

В Измайлове заметили, что любую вещь можно продать именно за ту сумму, которую хочешь получить, даже если она кажется баснословной. Все дело во времени, нужно ждать «своего» покупателя, и рано или поздно он придет. Художники же народ нетерпеливый, а потому разница между объявляемой ценой и той, за которую можно купить, подчас отличается в два раза. Многое зависит от настроения художника, времени суток, погоды и, конечно, самого покупателя. Здесь важно чувствовать, когда есть смысл поторговаться, и уметь это делать.

Виктор — довольно известный график и интересный мастер экслибриса — уверял, что когда он чувствует, что его офорты нужны человеку, он может вообще подарить их. При мне таких счастливчиков не было. Листы и так нормально раскупались.

Почти все измайловские художники сдают свои вещи и в художественные салоны. Но это не выгодно. После всех отчислений автору остается процентов сорок от стои-

Человек торгует лишним. Человек торгует лучшим. Человек торгует надеждой — если купят, он станет побогаче и вольней — ура! Человек торгует, а товар продает человека с потрохами — все, что он из себя представляет.

мости работы, да еще ждать этих денег нужно месяц-два. Лучше продать дешевле в Измайлове, все равно на руки получаются те же деньги, но быстрее. Через салоны особенно часто покупают иностранцы. Они бывают не очень уверены в своем вкусе, а потому предпочитают, чтобы была какая-нибудь гарантия качества, чье-то авторитетное мнение. У Виктора этим знаком качества выступает каталог с выставки в Хьюстоне, где его работы продавались в среднем по двести пятьдесят долларов. После первого же предъявления каталога «фирмачи» перестают торговаться и либо отходят, либо уважительно лезут за кошельком.

Любопытно, что Виктор сейчас вообще-то слушатель одной из московских военных академий, по званию — капитан третьего ранга. Его, бывшего подводника, пожалуй, больше всех возмущают свинские условия, в которых находятся художники на вернисаже. Мусор, грязная бумага, окурки — к такому пейзажу многие уже привыкли. Перегоняя с места на место, постоянно создавая ощущение ненадежности и зыбкости, как будто завтра все может бесследно исчезнуть, власти приучили их равнодушно относиться к тому, что окружает. Когда перемещали их из аллеи к стадиону, то чего только не обещали — и питание наладить, и зонтики от солнца установить, заботиться чуть ли не как о родных детях. Но все внимание свелось к изыманию пяти рублей за место и полтинника с посетителей. Вообще-то ситуация с бабулями, продающими входные билеты, напоминает бессмертные страницы «Двенадцати стульев», когда Остап Бендер взимал деньги за демонстрацию вида на ущелье.

Но скоро и этого неухоженного клочка земли художники могут лишиться. В конце лета прошлого года, когда их изгнали из Измайловского парка, Госкомспорт, Институт физкультуры и Первомайский райисполком заключили между собой договор на проведение эксперимента. Над художниками. Институт физкультуры предоставлял территорию около своего оздоровительного комплекса под вернисаж, а Госкомспорт и исполком «обеспечивали организацию». Прибыль предполагалось поделить поровну. И вот когда спустя восемь месяцев в апреле ее подсчитали, то прослезились — всего десять тысяч!

Из общей полученной суммы в 161 тысячу 151 ушла на укладку асфальта, перенос

И наши прилавки, полки, лотки, киоски, столы — это мы. Это все, что мы можем еще предложить. В этом радость скромного нашего богатства, вывернутого наизнанку времени.

сетчатого забора, оплату труда билетерш. Институт физкультуры, естественно, взбунтовался и с примкнувшим к нему Госкомспортом потребовал убрать вернисаж, от которого только грязь и головная боль. Конечно, можно долго рассуждать о том, что прежде чем получить деньги, нужно повертеться. Построить еще что-то, кроме забора, а не надеяться, что деньги будут сами материализовываться из воздуха. Но факт есть факт: хозяину такие гости пришлись не под душе.

И когда в район пришло письмо из комиссии по культуре Моссовета с просьбой изложить предложения по благоустройству вернисажа, то ответ был короткий. В том смысле, что устраивать всесоюзную барахолку на своей территории не собираемся. Понять их можно: терпеть такие страдания за 400 рублей в месяц просто смешно. Как компромиссный вариант предложили отдать под вернисаж Южную аллею. Ту, что идет от метро до стадиона. Но тут стал возражать Измайловский туристический комплекс, которому принадлежит эта аллея.

Куда же теперь кочевать горемычным художникам? Разбиваться на маленькие вернисажики в разных районах? Найдется ли в конце концов предприниматель или меценат, который вложит деньги в создание постоянного вернисажа, очистит его от налета барахолки и этим обессмертит свое имя? Во всяком случае, ясно, что государство им не будет. А расставаться с вернисажем искренне жаль.

Трезвость и культура

В ОЖИДАНИИ ПИВА

Не так давно общественность нашей страны чуть было не понесла тяжелую утрату. По нелепой случайности едва не погиб в цвете лет известный певец, актер, поэт и переводчик, человек большой души Петр Мамонов.

Как рассказывают очевидцы, зайдя в гости к брату Алексею, Петр неосторожно обронил фразу, которая могла бы стать для него последней. «Лелик,— сказал поэт,— а не выпить ли нам пивка?» Отзывчивый Алексей немедленно двинулся в путь. Чтобы скоротать время в ожидании пива, Петр Николаевич решил принять душ. Совершив туалет, он взял с полочки красивый флакончик с пульверизатором, освежился и... с деревянным стуком рухнул на пол. Вернувшийся Алексей нашел брата лежащим на полу ванной комнаты без признаков жизни. В заграничном флакончике оказалось сильнодействующее средство индивидуальной защиты. Не растерявшись, Алексей Мамонов открыл окна в квартире и оказал пострадавшему первую помощь. Глоток пива привел Петра Николаевича в чувство. Как сообщает Алексей, жизнь известного певца, актера, поэта и переводчика в настоящее время вне опасности.

По оперативным сводкам

«ЛУЧШЕ СТРАНЫ НЕ НАЙДЕШЬ...»

— пела в модной еще недавно песенке Жанна Агузарова. В настоящее время руководитель группы «Браво» Евгений Хавтан подозревает, что Жанна все-таки нашла свою «чудесную страну». Еще прошлой осенью она уехала в США по гостевой визе, и с тех пор от нее ни слуху ни духу. Впрочем, Евгений надеется, что однажды Жанна все-таки вернется и споет: «Однажды гостила в чудесной стране...»

КАК ПОДСТРИГЛИ БУРЕВЕСТНИКА

В конце 70-х годов в центре Днепропетровска был установлен гранитный бюст. Высокий прямоугольный постамент венчала голова основоположника соцреализма Алексея Максимовича Горького, он же Пешков, он же — Буревестник... Но, к несчастью, скульптор Ю. Павлов увидел и изобразил классика с длинными, развевающимися по ветру волосами. Прическа явно не соответствовала стандарту советского образа жизни, а скорее навевала мысли о всевозможных чуждых нам хиппи и прочих битниках. Поэтому отцы города посовещались и спустили приказ: Буревестника — подстричь! И гранитные волосы перестали развеваться, предвещая бурю.

Позднее бюст исчез вообще. Стрижка оказалась Алексею Максимовичу не к лицу. А сегодня на его месте другой памятник — классик задумчиво и печально взирает на придуманный им соцреализм...

На пути к рынку

В ЭТУ НОЧЬ РЕШИЛИ САМУРАИ...

перейти границу не с пустыми руками. Предложение о сотрудничестве, сделанное недавно японскими бизнесменами руководству Ереванского завода коньячных вин, наткнулось на непреодолимую преграду — отсутствие тары. Ереванцы готовы были экспортировать благородный напиток в майонезных баночках, пузырьках или бутылочках для пепси-колы. Однако это решение не вызвало энтузиазма у представителей японской фирмы. В настоящее время у японских предпринимателей есть два варианта решения проблемы: либо в рамках оказания гуманитарной помощи наладить производство стеклотары в Ереване, либо приехать со своей посудой.

Их нравы

КОВАЛЕВ ОСТАЛСЯ С НОСОМ

Можно только позавидовать раскрепощенности и внутренней свободе творческой интеллигенции республик Прибалтики. Не успела Москва охнуть, прочитав рижскую эротическую газету «Еще», поступившую здесь в продажу, как Вильнюс делает еще более эпатирующий выпад... Там начинается показ спектакля «Нос» знаменитого режиссера Эймунтаса Некрошюса. Это очень своеобразная интерпретация известного произведения Николая Васильевича Гоголя. Главной и самой пикантной особенностью является то, что майор Ковалев на сцене лишается не носа, а совершенно другого, но тоже весьма необходимого органа. А отделившийся орган становится при этом живым и раскованным персонажем, шокирующим зрителей своим видом.

Комсомольцы — беспокойные сердца

ПУТЕВКА В ЖИЗНЬ

Новый вид услуг предлагает московское отделение Бюро международного молодежного туризма «Спутник». С его помощью все желающие из разных уголков нашей страны могут обвенчаться в одном из храмов столицы. Бюро готово обеспечить проведение обряда, организовать приезд в Москву, размещение и питание не только виновников торжества, но и всего свадебного кортежа. Женихи и невесты могут обратиться в любое региональное отделение БММТ «Спутник» с заявкой. По некоторым сведениям, в ближайшее время предполагается значительно расширить ассортимент услуг. В перспективе — прием заявок на крещение новорожденных, причастие, отпущение грехов, а также отпевание усопших...

РУКА ПОМОЩИ ЗА ПЯТЬДЕСЯТ ЦЕНТОВ

Похоже, коммерческий опыт Запада все лучше приживается в нашей стране, и мы начинаем делать деньги не только «деревянные». Всего за пятьдесят, но центов, в продажу начала поступать новая еженедельная газета для иностранных туристов «Что и где в Москве». Как изящно выразилась Нина Одинокова, главный редактор издания, «наш еженедельник — это рука помощи иностранным гостям в нашем экстравагантном городе». По-матерински заботливо газета даст ЦУ, как обезопасить себя от воров, и по-маклерски бойко проведет по ценовым лабиринтам сувенирных торговых точек. Естественно, на английском языке.

Но угощение на презентации было исключительно в русском стиле: с грибами и батюшкой во главе стола. Перед трапезой отец Владимир прочел молитву во славу любви к ближнему. Собираясь покушать грибков, половина присутствующих перекрестилась, в том числе и многие герои соцтруда. «Это не дань моде,— заверил молодой коммерческий директор газеты Тимофей Качалов,— это внутренняя потребность».

По такой же внутренней потребности и велению души, а также в соответствии с жесткими законами надвигающегося рынка вся редакция после трапезы отбыла на верстку очередного номера. Все как *там:* делу время — потехе час.

Партийный архив

«...И КОЕ-ЧТО ЕЩЕ НА ОБОРОТЕ»

Уникальная пленка с записями песен и интервью Владимира Высоцкого была обнаружена недавно при помощи энтузиастов из Донецкого обкома Компартии Украины. Пленка была записана в 1972 году, когда по приглашению тогдашнего коммунистического руководства области Высоцкий выступал с бесплатными концертами в Мариуполе. Целиком подготовленную и тут же запрещенную обкомом радиопередачу надежно берегли долгие годы партийные архивы. Время от времени концерт прослушивало высокое областное начальство. По счастью, пленка сохранилась, и уникальная запись вернулась к слушателям почти через двадцать лет. Остается только гадать, какие еще духовные ценности заботливо берегут для будущих поколений партийные хранилища.

НАГРАДА НАШЛА ГЕРОЕВ!

С чувством глубокого, полного и всеобъемлющего удовлетворения встретили жители одного из районов Кривого Рога светлую весть — на днях этому району вручено переходящее Красное знамя ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ за победу в социалистическом соревновании в 1989 году. Есть, конечно, среди счастливцев и скептики — они боятся, что знамя тут же и отберут: надо полагать, его уже заждались победители соцсоревнования 1990 года. Но большинство трудящихся полагают, что знамя останется в районе навечно, ибо, как известно, двое из его учредителей (ВЦСПС и СМ СССР) приказали долго жить, а двое других, равно как и само соцсоревнование, хронически недомогают... Так что не стоит впадать в пессимизм, товарищи криворожцы!

Песня-91

«ЖИГУЛИ» — ХОРОШО, А САМОЛЕТЫ...

Тольятти — излюбленное место гастролей немеркнущих звезд советской эстрады. Здесь любят и ценят таланты. София Ротару, например, давала шоу в Тольятти дважды за прошлый год. Благодарные работники ВАЗа отстегнули за эти концерты два «Жигуленка». Потом прибыли с песнями и плясками Женя Белоусов и Юра Шатунов. Им приглянулись выставочные машины — «десятки». Увы, такая модель еще не выпускается серийно, и любимцам публики пришлось согласиться на «старушек» девятой модели. Все-таки какое-никакое средство передвижения. Меньше всех повезло известному русскому живописцу Илье Глазунову. Фирма — организатор его выставки в Самаре — потребовала за показ картин в Тольятти шесть машин разом. Вазовцы, несмотря на любовь к искусству, только руками развели и решили, что проживут без картин знаменитости. Конечно, художника всякий может обидеть...

А вот в Самаре не платят за талант автомобилями. И поэтому там куда скучнее — не едут к ним знаменитости. Зато в Самаре делают ракеты. И самолеты. Разве плох гонорар за гастроли в виде персонального самолета? Тоже вещь не лишняя...

ФЕЙЕРВЕРК ПО СЛУЧАЮ ЧАЕПИТИЯ

Члены Союза потомков российского купечества отправились из Москвы на пробный уик-энд в старинный купеческий город Кашин Тверской губернии. Город, для процветания которого в свое время много сделали купцы, ничем особо интересным, кроме хлебных карточек, их не порадовал. Днем купечество осмотрело город, обратив внимание на богатую экспозицию местного краеведческого музея, беседовало со старожилами, которые еще помнят времена более веселые, а вечером их ждал уютный музейный домик и чай с мятой, который был распит подле старинного камина.

После чая делегация отправилась на берег речки Кашинки, чтобы присутствовать при фейерверке, устроенном в честь приезда купцов в город Кашин. Фейерверк, как и было обещано, состоялся, но с некоторыми «накладками»: несколько ракет непонятным образом с шипением улетели по направлению к памятнику Ленину, стоящему на центральной площади. Фейерверк сопровождался нестройными возгласами местной публики: «Ура, да здравствуют купцы!».

А когда все уснули, полные впечатлений и мятного чая, активисты Союза А. В. Хорин и Н. Е. Прянишников устроились у камина редактировать Устав купеческого союза, стараясь привести его в соответствие с первым уставом, принятым в 1785 году.

Парламентский вестник

ОБВИНЕНИЕ СНЯТО

Во время встречи с избирателями депутату Верховного Совета Украины демократу Евгению Грыниву были предъявлены серьезные обвинения: в то время как народ бедствует, народный избранник якобы набивает свои карманы деньгами, а квартиру — товарами повседневного спроса и предметами роскоши.

Разгневанная толпа не хотела слушать никаких оправданий депутата. Тогда, отчаявшись убедить народ словами, народный избранник скинул правый башмак, снял носок и просунул в дырку этого носка палец.

Присутствующие, убедившись, что их подозрения необоснованны, немедленно утешились.

НА БОГА НАДЕЙСЯ...

Окропить святой водой, благословить иконой Божьей матери и прочитать проповедь на территории Хмельницкой АЭС решился после некоторых раздумий епископ Хмельницкий и Каменец-Подольский Нифонт. Многие коллеги Нифонта не шли на столь смелый шаг, поскольку радиационный фон вблизи станции вызывает серьезные опасения у местного населения. И это можно понять — жить хочется независимо от вероисповедания.

Инициаторы этой акции надеются на то, что она поможет успокоить страсти вокруг АЭС и что судьба станции после этого сложится благополучно.

ВАЛЯТЬ ДУРАКА — НЕ ТАК УЖ ГЛУПО

В любом городе есть свой городской сумасшедший. В Самаре их оказалось так много, что они решили объединиться. Недавно самарское Общество дураков заявило о себе вполне официально. Пока в исполкоме оформляются регистрационные бумаги, число членов общества стихийно растет. Дуракам скучать некогда: они посещают клуб стукачей, заседают на съездах («не чаще двух раз в день»), попутно празднуют 200-летний юбилей поручика Ржевского... А когда тольяттинская канализация потерпела аварию, на центральном пляже города — сдуру — был учинен «праздник какашки».

Говорят, лучшие самарские умы подались в дураки, к чему и призывают всех здравомыслящих людей, ибо жить сразу станет веселее. А следовательно, и лучше.

Выпуск подготовили Светлана Бабыкина и Юлия Сударенко. Им помогали Илья Воронов, Вера Лаврешина, Наталья Латушкина, Александр Чернушкин. Рисовала Евгения Двоскина. В выпуске использованы материалы информационного агентства «Евро-Икс».

Будем благодарны вам за информацию о сенсациях, интересных фактах и событиях. Ее можно сообщить по телефону 212-23-07.

УМНОЖАЯ, УМНОЖУ СКОРБЬ ТВОЮ...

ПРОШУ СЛОВА

Ирина КОВАЛЕВА

*«Я ЛЮБЛЮ СМОТРЕТЬ,
КАК УМИРАЮТ ДЕТИ...»
В. МАЯКОВСКИЙ*

Строки из произведений поэта часто использовались в качестве девизов и лозунгов. Не стал ли и этот стих невольным эпиграфом к политике, проводимой государством и, в частности, системой здравоохранения по отношению к детям?..

Заветная мечта всех бабушек, дедушек, родителей — видеть своего ребенка здоровым. Красивым, умным, удачливым, разумеется, тоже, но здоровым прежде всего. Стремление вырастить здоровое поколение не есть ли главнейшая из задач общества? Даже в Москве, где уже есть генетическое консультирование, не все благополучно. Беседую с двадцатитрехлетней москвичкой, чей шестимесячный малыш неделю находится в больнице. Матери других детей, соседей по палате, в один голос осуждают женщину, бросившую парализованного сынишку, и приглядывают за ним: то перепеленают, то подержат бутылочку во время кормления. Она не знает об этих разговорах, но и без того чувствует себя виноватой, отводит наполняющиеся слезами глаза, протягивая альбом с детскими фотографиями. Это семейная летопись истаивающей надежды, где нескольких страниц хватило на двоих. Фотографии девочки, родившейся за два года до этого, улыбающейся, играющей с матерью. Постепенно улыбка исчезает с ее лица, взгляд останавливается, замедляются неуверенные движения. Совершенно другие выражения приобретают лица взрослых рядом с малышкой, не дожившей до годовалого возраста. А дальше — фотографии брата, повторяющего ее судьбу. «Я ухаживала за дочкой до последнего дня, надеялась на чудо. А за сыном не могу, чувствую, что не выдержу во второй раз...» Медицина не в состоянии помочь этой женщине и ее ребенку с редкой наследственной болезнью. Другим матерям, чьи дети обнаруживают трагическое сходство с изображениями средневековых младенцев с признаками вырождения (из каждых семисот новорожденных один такой), врачи по старинке говорят неубедительные слова слабого утешения: «Это будет ваш самый любимый ребенок — добрый, ласковый...»

Не менее страшно другое: при нынешней системе здравоохранения гибнут и превращаются в калек дети, которым на роду написано быть здоровыми.

Со времен Афродиты появиться на свет из пены морской никому пока не удавалось. Но иметь дитя, рожденное в августовских водах Крыма по методике Чарковского, не так уж сложно. Одна из дорог к упомянутому побережью пролегла через шесть курсов педиатрического факультета 2-го мединститута, замужество в тридцатипятилетнем возрасте (если разобраться, вовсе не возраст для современной женщины, который тем не менее дает веские основания сурово именовать ее в случае наступления первой беременности «пожилой первородящей»). В этой ситуации моей бывшей однокурснице Оле врачи объявили: «Готовься к кесареву сечению». Несмотря на серьезные доводы, она нашла в себе безрассудство не согласиться с рекомендациями коллег, а когда подошел срок, отправилась в Крым и благополучно родила дитя: новорожденная девочка, еще соединенная с матерью пуповиной, открыла глаза и поплыла, удивив участвовавшего в родах отца и подстраховывавшую его акушерку.

По возвращении Оли с дочерью домой врачи не обнаружили у нее следов разрывов и других столь привычных признаков заслуженно перенесенных страданий и потому, не мудрствуя лукаво, решили, что ребенок ею украден. Как бы удивились они, услышав из уст подозреваемой, что дни перед родами и сутки родов были самыми счастливыми в ее жизни. Удивились бы, поскольку ни в одном пособии, рекомендованном в качестве руководства к действию Главным управлением учебных заведений Минздрава СССР, не написано, что ожидающая желанного ребенка женщина может и должна рожать дитя в радости, что ее организм синтезирует внутренние аналоги морфия, которые полностью снимают боль у матери и плода, уменьшая родовой стресс и риск родовых травм. Конечно, не в наших родовспомогательных учреждениях, пребывание в которых само по себе — стресс и течение родов подчинено графику дежурств и иным нуждам перегруженного работой персонала. А потому авторы «третьего, переработанного и дополненного издания» учебника «Акушерство» В. И. Бодяжина, К. Н. Жмакин, А. П. Кирющенков и вместе с ними славный коллектив Минздрава СССР не дают читателям установку на роды в радости, присоединяясь к сказанному Отцом Небесным: «Умножая, умножу скорбь твою в беременности твоей, в болезни будешь рождать детей...»

А как там они, на Западе? Ничего, потихоньку: и Ветхий Завет на досуге почитывают, и роды обезболивают, да еще при необходимости обследуют неродившегося ребенка, прерывая беременность неполноценным плодом. Ученым нашей страны, подглядывающим в щелочку, приоткрытую ограниченным количеством выписываемых Центральной медицинской библиотекой иностранных изданий, а также прочим любопытствующим патриотам ничего не остается, кроме как воскликнуть: «Помилуйте, ведь не все определяется уровнем технического оснащения! Детей рожали и до изобретения прялки Дженни, и в Древней Руси, причем достаточно крепких, чтобы монголо-татарское иго выдержать и не одно смутное время пережить!» Так ведь в Древней Руси и в Англии времен промышленного переворота, извините, не знали учебника Бодяжиной и рекомендаций Минздрава. Иначе неизвестно еще, чем бы это для прогресса земной цивилизации обернулось.

Дело в том, что нашим предкам как-то не приходило в голову укладывать рожениц на дубовые кресла, поэтому в роли оказывающей пособие акушерки выступала земля-матушка, силой собственного притяжения помогавшая плоду миновать непростые пути на свет Божий. Единым росчерком приложенного к циркуляру пера отстранив сию недипломированную акушерку от участия в родах, Минздрав предложил ее преемницам ассортимент пособий нового времени. Да простится автору скромная попытка ввести читателя в святая святых родовспоможения, без этого можно сколь угодно долго сокрушаться по поводу его частных недостатков, невнимательности, грубого отношения к женщине и проходить мимо основ, существование которых способствует рождению больных детей. Шутка ли, указания учебника, усваиваемые всеми врачами страны, опасны, поскольку сплошь и рядом новорожденные выживают не благодаря оказываемой помощи, а вопреки ей.

Скажем, дабы защитить ткани матери от разрывов, рекомендовано препятствовать рождению головки. При этом мать с силой в десятки килограммов пытается вытолкнуть головку плода наружу, а акушерка, прилагая равноценные усилия, обеими руками противодействует ей. Прием иллюстрируется рисунками в соответствующих пособиях, слайдами в учебно-методических кабинетах. Тот факт, что точкой приложения равнодействующих сил становятся голова и хрупкий шейный отдел позвоночника рождающегося малыша, выпадает из поля зрения акушеров. И не мудрено, поскольку лечение возникающих в результате травм и их последствий — забота следующего звена, педиатров и невропатологов. Резвящийся малыш, которого на мгновение отрывают от пола приложенные к его вискам руки любящего отца, подросток, гордость учителя физкультуры, не ведают, в какой момент произойдет смещение их слишком подвижных позвонков, разрыв когда-то поврежденного сосуда и мир, где они свободно передвигались, станет недосягаем для парализованного, непослушного их беспокойной воле тела.

Немало детей с подобными историями болезни

прошло через неврологическую клинику Казани, возглавляемую профессором А. Ю. Ратнером, который не раз пытался привлечь внимание к этой проблеме. Весной 1989 года он выступал на заседании организованной Центром охраны материнства и детства школы-семинара по вопросам неонатологии. В ее работе принимали участие специалисты из разных городов страны, в которой 7% доношенных и 15% недоношенных новорожденных ежегодно поступает в стационары с диагнозом «родовая травма»; где, по данным главного детского невропатолога Союза академика АМН СССР Л. О. Бадаляна, перебиваются с хлеба на воду полмиллиона инвалидов с детства только первой и второй, самых тяжелых, групп; где на десятилетия были преданы забвению и десять заповедей Господних, и всего единственная врачебная: «Noli nocere» — «Не навреди». Не до нее акушерам, у них на очереди следующая официально одобренная манипуляция: поворот головки. Все бы ничего, но когда позиция плода нетипична, действующие во благо люди в белых халатах головку практически сворачивают, заставляя ее обернуться вокруг своей оси. Повторение экспериментов на взрослых людях по понятным причинам не проводилось, а вот крысята оказались более чувствительными к насилию, чем человеческие детеныши: все они немедленно погибали в результате разрывов сосудов шеи.

Жаль крысят, они ушли из жизни зря. Им даже памятник не поставят, как собакам, и звание друзей человечества решением АМН СССР вряд ли присвоят. Жаль ученых, съезжающихся на конференции для обмена печальным опытом. Их голоса чересчур слабы, чтобы пробить звукоизоляцию министерских кабинетов. Но как отнестись к стране, в которой от природы здоровые новорожденные и уже вышедшие из пеленок дети становятся инвалидами и гибнут от последствий родового травматизма, а принесшие клятву Гиппократа руководящие, научные и рядовые работники здравоохранения действуют по долгосрочным программам лебедя, рака и щуки?

* * *

Кстати, что касается рядовых работников, хочу оговориться: на их плечах держится и ими отчасти очеловечивается громоздкая догма антигуманной медицинской системы, их незаметная жизнь зачастую в буквальном смысле слова — подвиг, ибо подвержена опасностям, о которых посторонние люди понятия не имеют.

Детям, изображенным на фотографиях, повезло больше, чем многим другим — если только можно говорить «повезло» о больном ребенке. Из разных концов республики, из маленьких грязных городков, из забытых Богом и Минздравом мест, где нет самых необходимых медикаментов, их привезли сюда — в главную детскую больницу России. Это, видимо, на сегодняшний день одна из лучших больниц, доступных детям обычных советских родителей. Нашим детям. Здесь по крайней мере есть медикаменты и оборудование. И есть врачи, честно делающие свою работу. Здесь были и будут вылечены тысячи детей. А остальные?..

Взять хотя бы недавно отстроенную Республиканскую детскую клиническую больницу, которая находится под пристальной опекой Советского Фонда культуры и не раз лично посещавшей ее Р. М. Горбачевой, а также не обойдена иностранным милосердием. Как и следует больничным комплексам, стационар расположен несколько в стороне от чадящего Ленинского проспекта, на открытом пространстве между Университетом дружбы народов и 2-м мединститутом. Добираются сюда либо автобусом от станции метро «Юго-Западная», который ходит редко, особенно в вечерние часы, либо, чаще всего, пешком. Легко представить себе прелесть семиминутной прогулки узкой тропинкой мимо пустых спортивных площадок по малоосвещенной местности — прогулки, ежедневно предпринимаемой родителями и персоналом, в основном женщинами, которые спешат на ночные дежурства или сменяются под вечер. Страшно идти одной, но еще страшнее услышать за спиной шаги, ускоряющиеся по мере того, как быстрее становятся твои собственные. Тут не до рекомендаций, вычитанных на случай встречи с насильником, женщина пытается бежать, преследователь настигает ее в конце тропинки. Кажется, люди, отгороженные спасительными стенами, совсем рядом, через дорогу, но чужие руки пережимают застрявший в горле крик, от удушья слабеет тело, меркнет сознание.

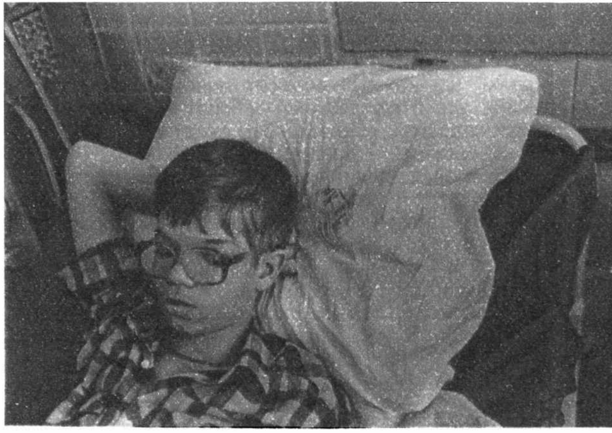
На счастье этой женщины, медсестры, не расположенный шутить преступник пугается случайного прохожего и исчезает. А она, придя в себя, с синяками на шее и кровоизлияниями в склеры глаз добирается до больницы и дежурит в страшную для нее ночь, потому что вопреки установившемуся мнению в стране есть незаменимые и на них-то держится наш шаткий мир. Возможно, если бы спонсоров поставили в известность об этом случае, то деятельные иностранцы осветили бы окрестности, пустили бы указанным путем с десяток дарованных маршрутных такси, заодно установив поблизости полицейский пост, и не случилось бы последующих трагедий. Осенью 1990-го года не пришла домой врач, возвращавшаяся с работы около восьми часов вечера. Ее, искалеченную, в бессознательном состоянии обнаружили лишь утром на том самом зловещем отрезке пути. Женщина, которую с трудом удалось выходить, осталась инвалидом, но, оказывается, устранить возможность нового покушения сложнее, чем спасти человеческую жизнь. Уже в январе 1991 года среди бела дня на территории больницы убит молодой человек, негр, обстоятельства дела расследуются.

Многие москвичи и, как их принято называть, гости столицы знают о существовании Детской клинической больницы № 1, в просторечии именуемой Морозовской в память о субсидировавшем ее строительство русском промышленнике Викуле Евсеевиче Морозове. Здесь в любое время дня и ночи специалисты различного профиля окажут необходимую помощь заболевшему малышу. Но, дорогие родители и сами специалисты, и вы рискуете головой, передвигаясь между симпатичными, преимущественно двухэтажными корпусами по малоосвещенным аллеям. Ходят слухи, что корпуса соединяются подземными переходами, но заглядывать в них давно уже никто, кроме лиц без определенного места жительства, не решается. Здесь, а также в пустых зданиях ремонтирующихся отделений и на чердаках проживают они, бомжи, изгои системы. Их голоса и шаги слышны на верхних этажах, а на топчаны, ящики, нанесенное ими тряпье не раз натыкалась милиция. У бомжей на нее особое чутье, так что стражам порядка не очень-то везет. Врачи со стажем рассказывают, что один находившийся в розыске преступник провел на территории больницы около года и под конец осмелел настолько, что не стеснялся взимать подушную подать с посетителей прямо на ступенях административного корпуса.

Мне случалось дежурить в больнице в течение трех лет.

Как-то по приказу начальства я провела бессонную ночь, одна в пустом двухэтажном здании при переезде отделений, карауля оставшиеся вещи и телефон. Мне знаком озноб страха при полночном вызове на консультацию в приемное отделение, темные аллеи, которые воображение населяло копошащимися тенями, внезапное перемещение, свет в ок-

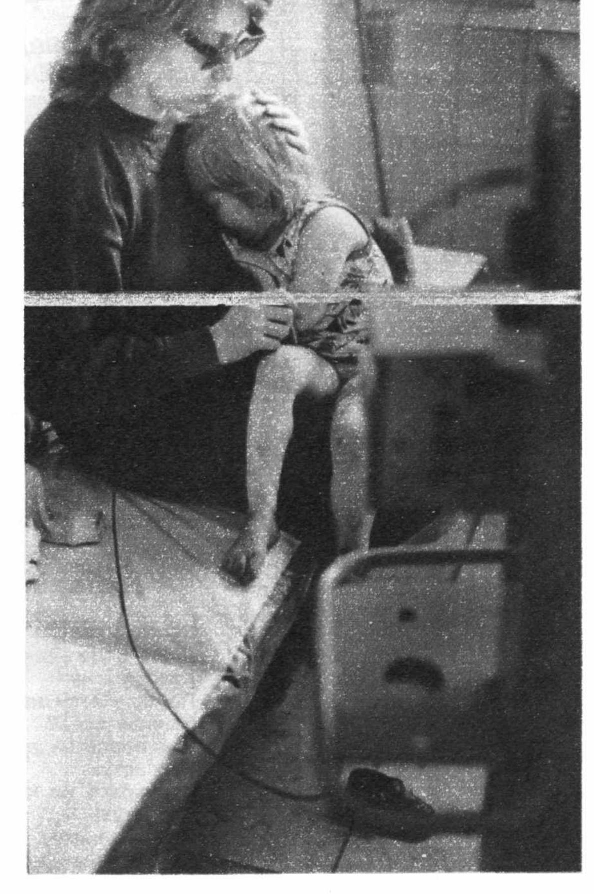

нах, за которыми никого нет, не должно быть. На помойной свалке отъедаются тощие приблудные псы, они провожают идущего угрожающим лаем. Както на утренней пятиминутке при сдаче дежурства выяснилось, что собаки привели свою угрозу в исполнение, нанесли-таки человеку укусы. Ангелы-хранители до времени ограждали своих подопечных от неприятностей, а других защитников, видно, нет, если в центре Москвы, в детском больничном городке, совершено нападение на спешившего к больному ребенку врача. Врач был госпитализирован с сотрясением мозга, телесными повреждениями, к счастью, остался жив. В данном случае вопрос о том, какой изверг мог поднять руку на человека в белом халате и найдется ли для него достойное наказание из всех мыслимых, отступает на второй план перед вопросом о безответственности «хороших», не подлежащих суду людей, в первую очередь работников администрации больницы и органов милиции, при чьем попустительстве были созданы все условия, чтобы зло свершилось. Пока гром не грянет...

* * *

Но вернемся к проблемам материнства, отбросив сугубо медицинскую сторону. Оказывается, что и общество не так уж гостеприимно встречает нового гражданина. Не секрет, что в государстве, с переменным успехом возглавляемом мужчинами преимущественно старшей возрастной категории, свободные от бремени руководящей ответственности женщины детородного возраста предпочитают проводить время в переполненном транспорте и продуктовых очередях вопреки мудрым советам врачей. Будущую маму за несколько суток до появления на свет ребенка нет-нет да пропустят к вожделенному прилавку. Но до оформления необходимых и достаточных для каждого стоящего в очереди признаков

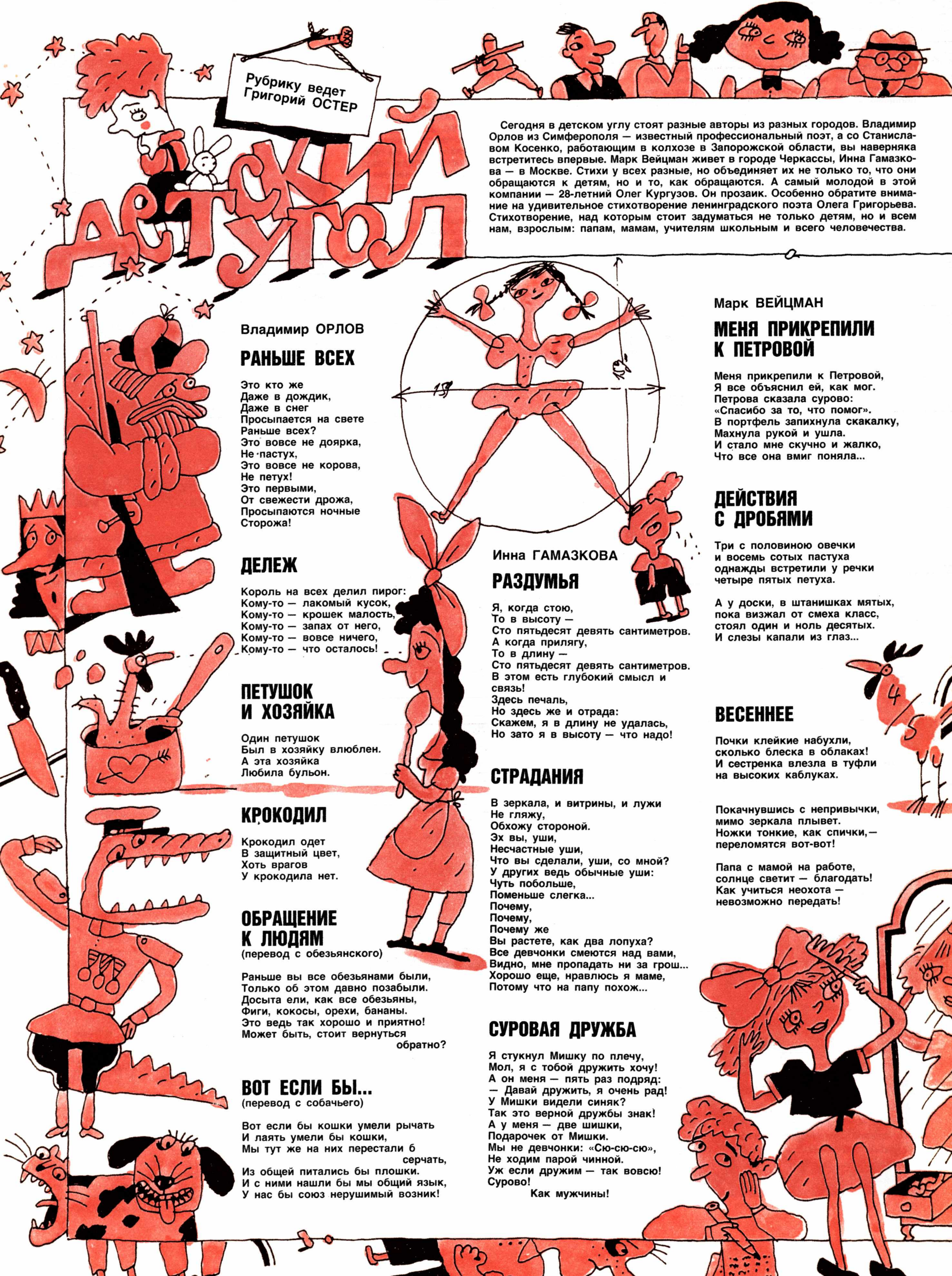
беременности на снисхождение сограждан рассчитывать не приходится. Точно так же, как и на общественную мораль, предписывающую уступать места женщинам в транспорте, но до сих пор не нашедшую достойного воплощения в наоконных надписях: «Места для пассажиров с детьми и инвалидов». Выходит, давайте, граждане, создадим условия для рождения инвалида, а уж потом будем уступать убогонькому место.

Заказы, выдаваемые инвалидам, участникам войны, семьям погибших, возмещают малую толику долга общества перед прошлым. Долг перед будущим остается неоплатным, при этом никому не приходит в голову позаботиться о будущих и кормящих матерях в условиях общественного поста. Сентиментальных людей с каждым днем становится все меньше, но, может быть, не сейчас, так в былые времена тебе, читатель, случалось уронить слезу над трогательным рассказом О'Генри, чья героиня была вынуждена остричь и продать парикмахеру свои роскошные волосы, чтобы сделать мужу подарок. Наверняка тебя не оставила равнодушным сходная история матери маленькой Козетты, расставшейся со своими великолепными резцами, когда потребовались деньги на лекарство для малютки. Единственное, что успокаивало твое разгоряченное писательским вымыслом воображение,— сознание временно́й и пространственной отдаленности происходящего. Естественное нарушение роста волос, ногтей, разрушение зубов у женщин, собирающихся вкусить материнства в урожайный год с дефицитом самых необходимых продуктов, впечатляет гораздо менее. Возможно, не родился еще отечественный Гюго, у которого достало бы чуткости и таланта описать, как цветущие юные девушки превращаются в нервных существ с подорванным здоровьем.

Да и родится ли такой Гюго? Ведь нехватка незаменимых веществ сказывается в первую очередь на формировании нервной системы, а потому рассчитывать, что будет «собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов российская земля рождать», в ближайшее время не приходится. Как и на то, что изгладится из памяти не раз испытанное всеми медиками и заново испытываемое мною, пишущей эти строки, ощущение бессилия перед лицом матери безнадежно больного ребенка, которая, несмотря ни на что, продолжает надеяться. Ибо надежда — это жизнь, то есть возможность перемен к лучшему.

Господи,
пусть они будут здоровыми...
Потом уже — красивыми,
умными, удачливыми.
Да, трудно врачам лечить
при отсутствии
самого необходимого;
да, трудно
объяснить самим себе,
как дошли мы до этого.
Но кому может быть трудней,
чем родителям больного ребенка
и ему самому, не понимающему,
почему всемогущие взрослые
не могут ему помочь.
Или не хотят...

Фото Марка ШТЕЙНБОКА

Сегодня в детском углу стоят разные авторы из разных городов. Владимир Орлов из Симферополя — известный профессиональный поэт, а со Станиславом Косенко, работающим в колхозе в Запорожской области, вы наверняка встретитесь впервые. Марк Вейцман живет в городе Черкассы, Инна Гамазкова — в Москве. Стихи у всех разные, но объединяет их не только то, что они обращаются к детям, но и то, как обращаются. А самый молодой в этой компании — 28-летний Олег Кургузов. Он прозаик. Особенно обратите внимание на удивительное стихотворение ленинградского поэта Олега Григорьева. Стихотворение, над которым стоит задуматься не только детям, но и всем нам, взрослым: папам, мамам, учителям школьным и всего человечества.

Владимир ОРЛОВ

РАНЬШЕ ВСЕХ

Это кто же
Даже в дождик,
Даже в снег
Просыпается на свете
Раньше всех?
Это вовсе не доярка,
Не пастух,
Это вовсе не корова,
Не петух!
Это первыми,
От свежести дрожа,
Просыпаются ночные
Сторожа!

ДЕЛЕЖ

Король на всех делил пирог:
Кому-то — лакомый кусок,
Кому-то — крошек малость,
Кому-то — запах от него,
Кому-то — вовсе ничего,
Кому-то — что осталось!

ПЕТУШОК И ХОЗЯЙКА

Один петушок
Был в хозяйку влюблен.
А эта хозяйка
Любила бульон.

КРОКОДИЛ

Крокодил одет
В защитный цвет,
Хоть врагов
У крокодила нет.

ОБРАЩЕНИЕ К ЛЮДЯМ
(перевод с обезьянского)

Раньше вы все обезьянами были,
Только об этом давно позабыли.
Досыта ели, как все обезьяны,
Фиги, кокосы, орехи, бананы.
Это ведь так хорошо и приятно!
Может быть, стоит вернуться обратно?

ВОТ ЕСЛИ БЫ...
(перевод с собачьего)

Вот если бы кошки умели рычать
И лаять умели бы кошки,
Мы тут же на них перестали б серчать,
Из общей питались бы плошки.
И с ними нашли бы мы общий язык,
У нас бы союз нерушимый возник!

Инна ГАМАЗКОВА

РАЗДУМЬЯ

Я, когда стою,
То в высоту —
Сто пятьдесят девять сантиметров.
А когда прилягу,
То в длину —
Сто пятьдесят девять сантиметров.
В этом есть глубокий смысл и связь!
Здесь печаль,
Но здесь же и отрада:
Скажем, я в длину не удалась,
Но зато я в высоту — что надо!

СТРАДАНИЯ

В зеркала, и витрины, и лужи
Не гляжу,
Обхожу стороной.
Эх вы, уши,
Несчастные уши,
Что вы сделали, уши, со мной?
У других ведь обычные уши:
Чуть побольше,
Поменьше слегка...
Почему,
Почему,
Почему же
Вы растете, как два лопуха?
Все девчонки смеются над вами,
Видно, мне пропадать ни за грош...
Хорошо еще, нравлюсь я маме,
Потому что на папу похож...

СУРОВАЯ ДРУЖБА

Я стукнул Мишку по плечу,
Мол, я с тобой дружить хочу!
А он меня — пять раз подряд:
— Давай дружить, я очень рад!
У Мишки видели синяк?
Так это верной дружбы знак!
А у меня — две шишки,
Подарочек от Мишки.
Мы не девчонки: «Сю-сю-сю»,
Не ходим парой чинной.
Уж если дружим — так вовсю!
Сурово!
Как мужчины!

Марк ВЕЙЦМАН

МЕНЯ ПРИКРЕПИЛИ К ПЕТРОВОЙ

Меня прикрепили к Петровой,
Я все объяснил ей, как мог.
Петрова сказала сурово:
«Спасибо за то, что помог».
В портфель запихнула скакалку,
Махнула рукой и ушла.
И стало мне скучно и жалко,
Что все она вмиг поняла...

ДЕЙСТВИЯ С ДРОБЯМИ

Три с половиною овечки
и восемь сотых пастуха
однажды встретили у речки
четыре пятых петуха.

А у доски, в штанишках мятых,
пока визжал от смеха класс,
стоял один и ноль десятых.
И слезы капали из глаз...

ВЕСЕННЕЕ

Почки клейкие набухли,
сколько блеска в облаках!
И сестренка влезла в туфли
на высоких каблуках.

Покачнувшись с непривычки,
мимо зеркала плывет.
Ножки тонкие, как спички,—
переломятся вот-вот!

Папа с мамой на работе,
солнце светит — благодать!
Как учиться неохота —
невозможно передать!

Олег КУРГУЗОВ

ШКАФ

Мы купили новый шкаф. С ящиками, дверцами и ручками. Шкаф как шкаф. Но лучше старого.

— Куда же девать старый? — спрашивает мама.

— А мы его с балкона сбросим,— говорит папа.

— Да, на голову управдому Федоскину,— говорит мама.— Может, хоть это чуточку встряхнет его, и он вспомнит, что обещал заменить нам кран.

Я испугался за управдома Федоскина. Он хоть толстый и ленивый, но добрый. Выбежал я на улицу и встал под нашим балконом. А тут как раз Федоскин идет. Я и говорю:

— Федоскин, вы здесь не ходите. Папа собирается шкаф с балкона скидывать.

— Это еще что такое?! — кричит Федоскин.— По какому праву?

А я говорю:

— Шкаф-то совсем старый, никуда не годный.

— Старый-то он, старый,— рассуждает Федоскин.— А по голове хлопнет не хуже нового. Это самое настоящее хулиганство. Надо протокол составлять и штраф взимать.

Федоскин ушел составлять протокол, а я еще постоял немного, подождал, пока шкаф с балкона вылетит. Но он все не вылетал и не вылетал.

Тогда я прихожу домой и говорю:

— Что же вы шкаф-то не скидываете? И Федоскин уже ушел...

— Ха-ха-ха,— смеются мама и папа.— Неужто ты и вправду думал, что мы шкаф сбросим? Это шутка.

Тут к нам заходит управдом Федоскин с милиционером.

— Нечего смеяться, граждане,— говорит он.— Сейчас штраф взимать будем. Готовьте ваши денежки.

— Это была шутка,— говорит папа.— Ребенок не так понял.

— А вот чтоб неповадно было так шутить, мы вас и оштрафуем,— отвечает Федоскин.— А то ребенок опять что-то неправильно поймет и в ваше отсутствие всю мебель честным людям на головы повыкидывает.

Мама заплатила штраф, и Федоскин с милиционером ушли восвояси.

Папа стал совсем грустный и говорит:

— Штраф не за дело заплатили. Если бы за дело, не так обидно было бы.

— А давай за дело? — говорю я.

Папа подумал, подождал, пока уйдет мама, и говорит:

— Давай!

И мы с папой скинули шкаф вниз. Ух, как он летел! Ух, как он грохнул! Развалился на фанерки, досочки и планочки.

Тут к нам снова заходит управдом Федоскин. Он смущенно улыбается и говорит:

— Может, и вправду это шутка была? Со шкафом то есть?

И отдает штраф обратно.

— Чего уж теперь,— грустно говорит папа.— Шкаф мы уже, того...

— Ну, тогда другое дело,— успокаивается Федоскин.— А то я уж подумал, что обидел вас.

— Садитесь-ка лучше пить чай,— приглашает мама.

Папа и управдом Федоскин садятся и пьют чай.

Станислав КОСЕНКО

СВЕТЛЯЧОК

Темной ночью
Светлячок
Светит,
Словно маячок.

Может быть,
Кому-нибудь
Он указывает
Путь?

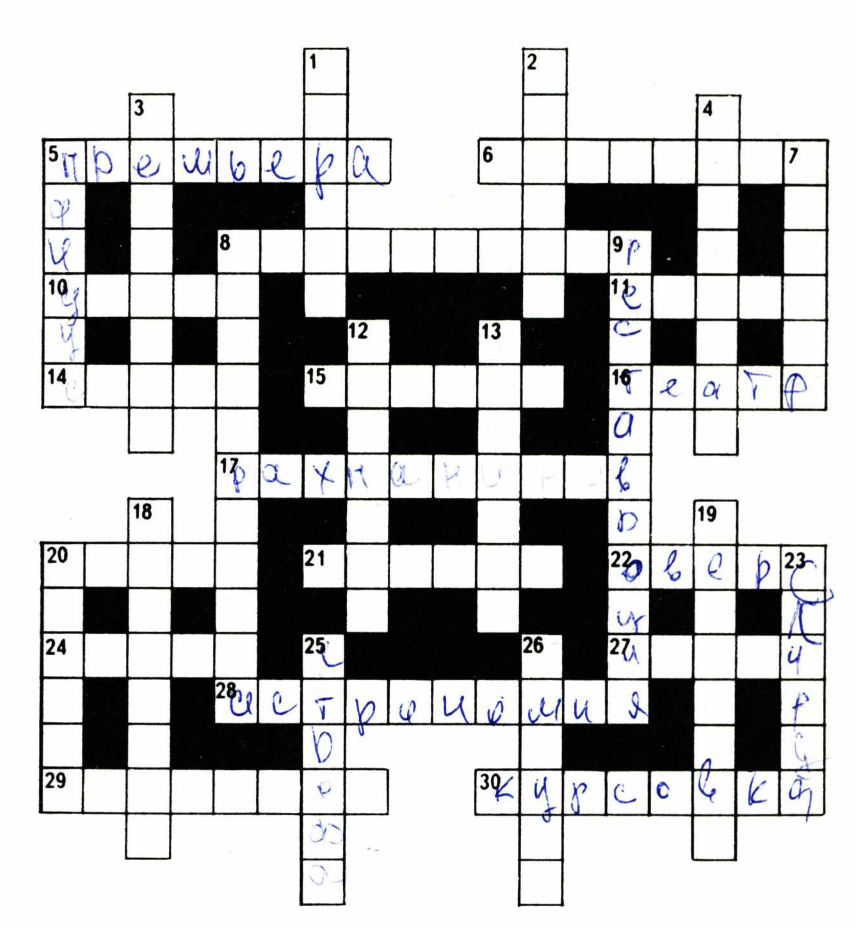
Но об этом
Светлячок
Никому,
Ни-ни,
Молчок.

Олег ГРИГОРЬЕВ

КУЗНЕЧИК

Зажав кузнечика в руке,
Сидит ребенок на горшке.
— Нельзя живое истязать! —
Я пальцы стал ему ломать.
— Нельзя кузнечиков душить! —
Я руки стал ему крутить.
На волю выскочил кузнечик,
Заплакал горько человечек.

Рисовал Валерий ДМИТРЮК

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Первое представление пьесы, балета, кинофильма. 6. Травянистое растение семейства маковых, используемое в медицине. 8. Самоходная землеройная машина. 10. Лесная птица. 11. Город в Гомельской области. 14. Съедобный гриб. 15. Выдающийся актер и кинорежиссер, создавший фильм «Новые времена». 16. Здание, предназначенное для показа спектаклей. 17. Русский композитор, пианист и дирижер. 20. Сосуд цилиндрической формы с крышкой. 21. Герой повести А. И. Герцена. 22. Лицевая сторона монеты или медали. 24. Пресноводная рыба семейства лососей. 27. Озеро в Финляндии. 28. Наука о небесных телах. 29. Надстрочный знак в виде запятой. 30. Документ на право лечения и питания в санатории.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Остров в Ла-Манше. 2. Столица автономной республики в РСФСР. 3. Дометрическая русская мера площади. 4. Украинский писатель, Герой Социалистического Труда. 5. Наклонная плоскость у входа в здание. 7. Экс-чемпион мира по шахматам. 8. Наука о взаимодействии мельчайших элементарных частиц вещества с особыми формами материи. 9. Восстановление в первоначальном виде памятников, произведений искусств. 12. Приток Нижней Тунгуски. 13. Композитор, один из создателей французской комической оперы. 18. Экваториальное созвездие. 19. Врач. 20. Морское животное семейства дельфиновых. 23. Плотно уложенное сено в поле. 25. Сочетание стихов, образующее единство. 26. Приток Амура.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 23

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Шаляпин. 6. «Вольность». 8. Флексатон. 10. Пижама. 12. Наган. 13. Сапсан. 15. Кунгас. 18. Омолон. 19. Калорифер. 21. Филогенез. 24. Куница. 25. Астрея. 28. Декарт. 29. Архар. 30. Вершок. 31. Роттердам. 32. Микроскоп. 33. Бакшеев.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Тартини. 2. Киплинг. 4. Косинус. 5. Комаров. 7. Оханск. 9. Кастор. 11. Аргентина. 14. Протектор. 16. Поной. 17. Кисея. 20. «Бурелом». 21. Фактор. 22. Затвор. 23. Федотов. 26. Таганай. 27. Архимед.

ДАЙТЕ НАМ ШАНС СЭКОНОМИТЬ ВАШИ ВРЕМЯ И ДЕНЬГИ!

ОБЪЕДИНЕНИЕ «МММ» ПРЕДЛАГАЕТ:

КОМПЬЮТЕРЫ, СОВМЕСТИМЫЕ с IBM PC/AT, XT С ЛЮБОЙ ПЕРИФЕРИЕЙ И ОРГТЕХНИКУ. А ТАКЖЕ ШИРОКИЙ ВЫБОР ДИГИТАЙЗЕРОВ, ПИШУЩИХ МАШИНОК, ЭЛЕКТРОННЫХ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК, КАЛЬКУЛЯТОРОВ И Т. Д.

БЕЗ ПРЕДОПЛАТЫ.

ОПТОВЫМ ПОКУПАТЕЛЯМ ПРЕДОСТАВЛЯЕТСЯ СКИДКА.

КОМПЬЮТЕРЫ

IBM PC/AT-286 — 44 000 руб.
IBM PC/AT-386
(Винчестер 120 МБ.
ОЗУ 4МБ. 25 МГц) — 107 000 руб.

ПЛОТТЕРЫ

(графопостроители)
Формат А3 — 31 500—33 000 руб.
Формат А1 — 107 000 руб.

ЛАЗЕРНЫЕ ПРИНТЕРЫ

Формат А4
«LASERJET II P» — 51 000 руб.
«LASERJET III» — 85 000 руб.

КСЕРОКСЫ

Формат А4
«SHARP Z-50» — 28 000 руб.
«CANON FC-2» — 30 500 руб.
Формат А3
«RICOH M 100» — 62 000 руб.
«CANON 1215» — 80 000 руб.

ТЕЛЕФАКСЫ

«MURATE-M5»
и «FI» — по 21 500 руб.

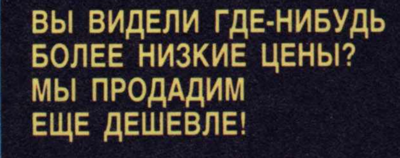
АВТООТВЕТЧИКИ

«PANASONIC» — 7750—8000 руб.

ТЕЛЕФОНЫ

«PANASONIC» — 3400 руб.

Адрес: 109518, Москва, ул. Газгольдерная, 10 (проезд: метро «Текстильщики», автобусы 29, 725 до остановки «Вычислительный центр»). Телефоны в Москве: 171-03-97, 173-44-15, 171-13-81, 171-06-90.

У «МММ» НЕТ ПРОБЛЕМ!

АГЕНТСТВО СТОЛИЧНЫХ СООБЩЕНИЙ
тел. 450-67-88, 412-95-06.

